

MAURICE CHOURY
PARIS LIVRE
LES ORIGINES DE LA COMMUNE
PARIS 1960

Морис Шури

ПАРИЖ БЫЛ ПРЕДАН
истоки парижской коммуны

Перевод с французского *А. О. Зелениной* и *Д. Л. Каравкиной*
Редакция и вступительная статья *А. И. Молока*

М.: издательство иностранной литературы. 1961

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru),
2011, в год 140-летия Парижской коммуны.

Документы, исследования, публицистика,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Бильом. Б дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М:
госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
СН.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.:
Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников
Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина,
Ашиля Леруа, В.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР
СССР. 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и
Германия в1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос.
Центр.Исполнит. Комитета Совета Р., С, Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981.
Отвред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны:
организация народного образования, клубы, женское движение (Л.,
1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)

Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по
книге КПельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-
литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)
ЖДюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница
нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской,
А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР,
1961). Тт.1,2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и
Парижской коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская,
Е.Г.Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз,
1959.) План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение
Третьей республики во Франции (М.: АН СССР. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)
Фильм Питера уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris
1871)», 2000 г.).
Эту литературу можно скачать в специальном разделе нашей
библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
в сообществе
<http://www.diarv.ru/~vive-liberta/pl00499357.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>
а также http://cornitunitv.livejournal.com/znanie_vlast/
а также <http://politazbuka.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья

I. – Седан

II. – 4 сентября

III. – Соревнование в предательстве

IV. – Франтирёры и национальное сопротивление

V. – Голод, холод, нищета

VI. – Капитуляция

VII. – Национальная гвардия вновь поднимает знамя

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Автор предлагаемой книги, Морис Шури – историк-марксист, член Французской коммунистической партии, бывший одним из руководителей народного движения Сопротивления против фашистских оккупантов на Корсике в 1942–1943 годах. События, о которых говорится в этой книге, изданной в Париже в 1960 году, происходили давно (девяносто лет назад), но они поучительны и в настоящее время, когда на французской земле размещаются части, военные базы и склады бундесвера.

Это новое вторжение германских милитаристов во Францию вызывает в памяти не только четырехлетнюю оккупацию страны войсками гитлеровской Германии, принесшую французскому народу не виданные ранее по своим масштабам лишения и страдания, но и предшествовавшие этому вторжения немецкой военщины. В книге Шури описываются события франко-прусской войны 1870–1871 годов. Но это было не первое нашествие немецких армий на Францию. Еще в 1792 году войска прусского короля и австрийского императора совместно с отрядами французских дворян-эмигрантов вторглись на французскую землю, чтобы задушить революцию, ослабить Францию и низвести ее до положения второстепенной державы. Но французский народ, поднявшись на борьбу за свободу и незави-

симость своей родины, отбросил и разгромил двигавшуюся на Париж армию контрреволюционных интервентов.

Нашествие 1870—1871 годов отличается от предыдущих нашествий немецких войск тем, что на этот раз Франции пришлось вести борьбу против всех немецких государств — не только против Пруссии, но и против других членов Северо-германского союза, а также против четырех южногерманских государств, то есть против всех частей будущей Германской империи.

Основная идея книги Шури отчетливо выражена в первом эпиграфе к ней, который взят из работы К. Маркса «Гражданская война во Франции»: «Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства *едичы* суть!»¹

В полном соответствии с этим положением работы Маркса и с историческими фактами Шури объясняет поражение Франции в 1870—1871 годах предательством ее правящих кругов, которые из страха перед революционной активностью рабочего класса изменили своему национальному долгу². Исходя из этого, Шури и назвал свою книгу «Париж был предан».

Под тем же названием видный французский революционер Гюстав Флуранс, ставший потом членом Коммуны, опубликовал в феврале 1871 года, вскоре после капитуляции французской столицы, книгу, в которой доказывал, что ответственность за поражение Франции в этой войне несет ее гос-

подставляющий класс — крупная буржуазия. Ее представители, указывал Флуранс, руководят всем государственным аппаратом, направляют всю политику страны, занимают командные посты в армии¹. То же доказывает в своей книге и Шури. Но Флуранс приходит к этому выводу преимущественно на основании своих личных воспоминаний и впечатлений. А Шури пишет на основании довольно значительного количества документальных материалов, которых не было и не могло быть в распоряжении Флуранса. Исторические труды К. Маркса и Ф. Энгельса, французская периодическая печать того времени (в особенности газеты революционно-демократического и социалистического направлений), мемуары и переписка французских и немецких военных и государственных деятелей, материалы следственной комиссии Национального собрания о действиях правительства национальной обороны и следственной комиссии по делу о восстании 18 марта 1871 года — таковы важнейшие исторические источники, которые использовал Шури в работе над своей книгой. Привлек он при ее написании и исследования ряда историков.

Рассчитанная на массового читателя книга Шури не велика по объему. И все же она содержит достаточно материала, чтобы читатель мог составить себе ясное представление о важнейших фактах 1870—1871 годов — о кризисе и крушении Второй империи, о причинах франко-прусской войны, о ходе военных действий (особенно осады Парижа), о предательской политике правительства Трошю — Фавра, о капитуляции Меца и армии Базена, о патриотических усилиях Гамбетты, о партизанском движении на оккупированных врагом территориях, о восстаниях под лозунгами «Коммуны» и «войны до последней крайности», о сдаче Парижа, о возникновении революционной ситуации после выборов в Национальное собрание и создания

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 365.

² Та же мысль выражена и во втором эпиграфе к книге, принадлежащем перу современного французского прогрессивного общественного деятеля и публициста Франсуа Мориака.

¹ G. Flourens, Paris Livré, Paris, 1871, p. 1—2.

нового правительства во главе с Тьером — главой объединенной буржуазно-помещичьей реакции.

Изложение событий в книге доведено до восстания 18 марта 1871 года, то есть до кануна возникновения Коммуны. Таким образом, подзаголовок книги — «История Парижской Коммуны» — вполне оправдан ее содержанием.

Сжато, но верно характеризует автор кризис Второй империи, подъем рабочего и социалистического движения, рост активности буржуазно-республиканских групп в конце 60-х годов, а также внешнеполитические неудачи правительства Наполеона III и их влияние на обострение политической обстановки во Франции¹. Говоря о причинах франко-прусской войны, Шури правильно отмечает, что ее провоцировали обе стороны — и правящие круги Франции, и военная партия в Пруссии во главе с Бисмарком и Мольтке².

Шури лишь бегло касается вопроса о характере войны 1870—1871 годов на первом ее этапе, когда она носила агрессивный характер со стороны Франции, поскольку, начиная войну, правительство Второй империи стремилось не только найти выход из внутренних трудностей и предотвратить надвигающуюся революцию, но и захватить немецкие земли на левом берегу Рейна и помешать делу завершения национального объединения Германии.

В. И. Ленин, говоря о характере франко-прусской войны, указывал: «Война 1870—1871 года была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннек-

¹ Подробная характеристика кризиса Второй империи и революционного подъема во Франции в конце 60-х годов дана в книге Э. А. Желубовская, Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции, М., 1956.

² Этот вопрос подробно освещен в книге Ф. А. Ротштейн, Две прусские войны, М.—Л., 1945.

сия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев»¹.

Передовые рабочие Франции и Германии, объединенные в секциях Интернационала, выступали против развязывания войны, заявляя, что она противоречит интересам трудящихся и приведет лишь к «полному торжеству деспотизма по обеим сторонам Рейна». Парижские секции Интернационала опубликовали манифест «К рабочим всех наций», в котором призывали их слить свои голоса «в один общий крик возмущения против войны». «Мы всей душой присоединяемся к вашему протесту...— отвечала берлинская секция Интернационала.— Мы даем великий обет в том, что ни звуки труб, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвратят нас от нашего общего дела объединения рабочих всех стран». Маркс, цитируя эти миролюбивые заявления, подчеркивал их громадное принципиальное значение. «В то время как официальная Франция и официальная Германия,— писал он в воззвании Генерального Совета Интернационала от 23 июля 1870 года,— бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»²

Но общественные силы, стоявшие за мир и против агрессии, были тогда еще недостаточно сильны и недостаточно сплочены, чтобы предотвратить возникновение войны.

19 июля Франция объявила войну Пруссии, а уже 2 сентября 83-тысячная французская армия во

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 280.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 2, 4, 5

главе с Наполеоном III сдалась в плен при Седане. Поражения, следовавшие одно за другим и за вершившиеся седанской катастрофой, Шури объясняет быстрым развалом французского военного ведомства, который обнаружился уже в самом начале войны, и приводит ряд документов, характеризующих страшную неразбериху и путаницу, царившие в деле снабжения и дислокации войск Эги документы впоследствии были опубликованы и выявили полное разложение французской военной организации. Энгельс в статье, опубликованной 10 сентября, доказывал, что это разложение явилось следствием загнивания бонапартистского режима «Казнокрадство, использование служебного положения в корыстных целях, всеобщие злоупотребления общественным положением ради личных интересов — все то, что составляло основу основ режима Второй империи,— писал он,— охватило и армию. Вся система прогнила насквозь; атмосфера коррупции, в которой жила Вторая империя, действовала, наконец, и на главную опору этой империи — армию...»¹

Описывая события революции 4 сентября 1870 года, закончившиеся низложением Наполеона III, провозглашением республики и образованием правительства национальной обороны, Шури приводит интересный материал, разоблачающий антинародные замыслы буржуазных республиканцев правого крыла, их сговор с военным губернатором Парижа, ярким монархистом генералом Трошю. Автор показывает, что в основе этого сговора лежало стремление недопустить, чтобы власть досталась революционным элементам, трудящимся массам.

Факты и документы, которые приводит Шури, убедительно доказывают, что с первого же дня своего существования правительство, возглавляемое Трошю и Фавром, заняло позицию саботажа обороны страны. Впоследствии стало известно, что Тро-

шю уже вечером 4 сентября заявил другим членам правительства о полной невозможности отстоять Париж; такая попытка была бы, — добавил он, — чистым безумием. Такой же капитулянтской тактики придерживались в то время и другие члены правительства, за исключением Гамбетты в Туре и Дориана в Париже. Так же вело себя и большинство генералов. В главе «Соревнование в предательстве» — это одна из центральных глав его книги — Шури приводит убедительные доказательства того, что дух «пораженчества» охватил в то время большую часть правящих кругов Франции. Страх перед перспективой социальных потрясений, которые казались им неизбежными в случае продолжения войны и вооружения рабочей массы, заглушал у крупной буржуазии и реакционной военщины Франции чувство патриотизма, сознание национального долга.

«Видимость сопротивления и мир любой ценой», — так формулировал задачи правительства Тьер, человек, которого коммунары с полным основанием называли «королем капитулянтов». Анализируя поведение Тьера в ходе войны, его закулисные переговоры с Бисмарком, Шури доказывает, что свое большое влияние в правительственных кругах будущий глава версальской контрреволюции неизменно использовал для того, чтобы срывать наступательные планы Гамбетты, его сотрудников и патриотически настроенной части генералитета (так было, например, с наступлением Луарской армии).

В дополнение к фактам, приведенным в известной характеристике Тьера, данной Марксом, который подчеркивает две основные черты этого государственного деятеля — его ненасытное корыстолюбие и его ненависть к трудящимся, Шури сообщает некоторые другие разоблачающие Тьера данные и рассказывает о грязных сделках, позволивших Тьеру нажить колоссальное состояние — 14 миллионов франков. Это не помешало ему, когда он стал главой исполнительной власти, потребовать для себя оклада в три миллиона франков в год. Таков был этот человек, «этот карлик-чудовище», кого-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 98—99

рый,— как указывает Маркс,— «в течение почти полувека очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое совершенное идейное выражение ее собственной классовой испорченности»¹.

Опираясь на неопровержимые документы, автор разоблачает и гнусную измену маршала Базена, который намеревался использовать свою 170-тысячную армию не для борьбы против немецкого нашествия, а для восстановления во Франции бонапартистского режима. Имя Базена, который впоследствии был осужден за изменническую сдачу крепости Мец и всей своей армии, стало нарицательным для обозначения генерала, готового на любое предательство интересов своей родины. Шури сравнивает маршала Базена с маршалом Петеном, главой марионеточного вишийского правительства, открыто сотрудничавшим в 1940—1944 годах с немецко-фашистскими оккупантами, в которых предатели Франции видели прочный барьер против революции, против коммунизма. Напомним, что еще в 1945 году в докладе на X съезде Французской коммунистической партии Морис Торез, говоря о Петене, назвал его: «Старый предатель Базен-Петен»².

Останавливается в своей книге Шури и на борьбе народных масс против правительства «национальной измены» — на выступлениях в клубах, на демонстрациях и восстаниях, происходивших в Париже в период его осады немецкими войсками. Борьба эта началась еще в сентябре и усиливалась по мере того, как истинная сущность политики Троцкого становилась все более очевидной. Уже 20 сентября общее собрание делегатов окружных комитетов бдительности приняло резолюцию, в ко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 324.

² „Sept ans de luttes ardentes contre l'hitlérisme et le fascisme pour une France libre, démocratique et indépendante“. Rapports du Comité Central pour le Xe Congrès national du Parti communiste français, Paris, 26—30 juin 1945, p. 19

торой говорилось, что «Республика не может вести переговоры с врагом, занимающим ее территорию», и что «Париж готов скорее похоронить себя под развалинами, чем сдаться».

Описывая заседания народных клубов, в которых резко критиковались реакционные и антипартиотические действия правительства, Шури пользовался материалом, собранным в книге очевидца, буржуазного публициста Молилари, книге, разумеется, тенденциозной. Между тем в революционных газетах того времени можно найти массу интересного материала, который дает ясное представление о настроениях и стремлениях трудящихся Парижа. Советский историк П. М. Керженцев, тщательно изучивший эти документы, указывает, что на заседаниях клубов и других массовых организаций осенью и зимой 1870—1871 годов выдвигалась целая программа демократических преобразований и реформ. Отсрочка уплаты или аннулирование квартирной задолженности, конфискация пустующих квартир, бесплатная выдача вещей, заложенных в ломбарде, передача промышленных предприятий рабочим ассоциациям, отделение церкви от государства и упразднение бюджета культов, введение светского и бесплатного обучения в школах, уничтожение постоянной армии, ликвидация префектуры полиции, выборность и ответственность судей и чиновников, отмена высоких окладов государственным служащим — таковы были в это время требования рабочего класса и мелкобуржуазной демократии Парижа, осуществленные потом Коммуной¹.

Большой популярностью пользовалось требование всеобщего набора мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. На одном рабочем собрании в в XIX округе был поднят вопрос об отливке пушек для обороны Парижа и был произведен сбор денег на это дело. Это происходило в два-

¹ П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 года, М., 1959, стр. 78—89

дцатых числах октября. В дальнейшем сбор средств на пушки стал общим лозунгом трудящихся Парижа. При этом следует отметить, что пушки рассматривались народом «не только как военное средство в борьбе против пруссаков, но и как средство революционной борьбы»¹.

Самым популярным лозунгом, выдвигавшимся в клубах и на народных собраниях, был лозунг создания Парижской Коммуны. Правда, различные политические группы понимали этот лозунг по-разному. Революционные демократы и некоторые социалисты мечтали о возрождении Парижской Коммуны 1792—1793 годов, сыгравшей такую выдающуюся роль в борьбе против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Первое время сторонники проведения выборов в Коммуну мыслили ее как избираемый народом городской орган власти, который будет помогать правительству в деле обороны Парижа. «Только позднее Коммуна стала рассматриваться как общегосударственная власть и противопоставляться правительству»². В некоторых клубах и комитетах бдительности говорили о том, что создание Парижской Коммуны приведет к победе революции в других странах, и провозглашали лозунг «Да здравствует всемирная, демократическая и социальная республика!».

Восстание 31 октября 1870 года, толчком к которому послужили известие о капитуляции Меца и неудачная вылазка при Ле Бурже, было направлено на свержение правительства национальной обороны и на замену его революционной властью, Коммуной. Описывая ход этого восстания, Шури отмечает активную роль, которую сыграл в нем Центральный комитет 20 округов, образовавшийся из делегатов от окружных комитетов бдительности. К сожалению, в распоряжении автора не было интересных документов о деятельности этой массовой революционной организации, которые были опубли-

кованы несколько позже в книге двух французских историков-коммунистов — Жана Дотри и Люсьена Шеле. В этой книге приведено много важных документальных материалов, среди которых особое значение имеют неизданные протоколы заседаний Центрального комитета 20 округов. Материалы эти показывают, что комитет 20 округов был тесно связан с Федеральной палатой рабочих обществ, с Федеральным советом парижских секций Интернационала и с некоторыми другими массовыми организациями. Те же материалы свидетельствуют о том, что передовые представители трудящихся Парижа, выдвигая лозунг Коммуны, стремились превратить ее в орган пролетарской власти. Характерно, например, предложение, внесенное на заседании Центрального комитета 20 округов в сентябре 1870 года. В этом документе ставился вопрос о том, из кого должна состоять Парижская Коммуна — из адвокатов или из буржуа; нет, говорилось в том же документе, «Парижская Коммуна должна состоять преимущественно из трудящихся всякого рода, которых сочтут революционерами и социалистами»¹.

Одним из наиболее интересных разделов книги Шури является глава, описывающая партизанское движение на оккупированных немецкими войсками территориях Франции. В этой главе приведен ряд ярких фактов, характеризующих действия отрядов вольных стрелков (франтирёров), причинявших серьезный ущерб оккупантам. После того как 4 сентября Франция снова стала республикой и война приняла с ее стороны справедливый, освободительный характер, широкие слои населения, охваченные патриотическим энтузиазмом, поднялись на

¹ Jean Dautry et Lucien Scheler. Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris (septembre 1870 — mai 1871). D'après les papiers inédits de Constant Martin et les sources imprimées, Paris, 1960, p 62

¹ П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 года, М., 1959, стр 78—79

² Там же, стр 90.

борьбу против вражеского нашествия. Люди разных профессий, возрастов, убеждений рвались в бой за свободу и независимость своей родины. Лион за один день дал 5 тысяч добровольцев. В Марселе за три дня записалось в отряды волонтеров 10 тысяч человек. В общем с 19 октября по 9 ноября записалось 26 700 добровольцев.

Одним из первых добровольческих отрядов 1870 года был отряд «франтирёров города Парижа». Отдельные районы осажденной столицы создавали свои собственные добровольческие отряды: отряд вольных стрелков квартала Терн, отряд «разведчиков Монружа», батальон «стрелков Бельвиля». Организатором и командиром этого батальона, состоявшего из рабочих XIX округа, был Флуранс.

Среди организаторов и руководителей добровольческих отрядов наряду с бывшими офицерами были и люди весьма далекие от военного дела, как, например, пианист и композитор Дженнаро Перелли, командовавший отрядом «парижских карабинеров»¹, или романист Понсон дю Террайль, приступивший в октябре 1870 года к формированию в городах Женне и Монтаржи (департамент Луара) батальона «вольных стрелков Орлеана»².

Большинство добровольцев, вступавших в отряды франтирёров, были людьми демократического происхождения — рабочими, ремесленниками, служащими, крестьянами, выходцами из мелкой и отчасти средней буржуазии и радикальной интеллигенции.

Огромное впечатление не только в Париже, но и далеко за его пределами произвело пламенное воззвание, с которым Виктор Гюго обратился 20 сентября к вольным стрелкам. «Пусть каждый

дом даст солдата, пусть каждое предместье станет полком, пусть каждый город превратится в армию!.. — восклицал великий поэт. — Дадим страшный бой за родину! Вольные стрелки! Пробирайтесь сквозь чащи, переходите через могучие потоки, укрывайтесь в тени, используйте сумерки, скользите по оврагам, переползайте, цельтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков... Будьте беспощадны, патриоты!»¹

Это воззвание было опубликовано в газете «Patrie en danger» («Отечество в опасности»), которая выходила под редакцией Бланки. Та же газета напечатала воззвание журналиста А. Эмбера, специально обращенное к крестьянам. «К оружию! — восклицал Эмбер. — Пусть тревожный гул набата прозвучит во всех деревнях и напомним всем вам о том, что отечество в опасности... Вооружайтесь! Защищайте свое добро и свою жизнь до последней капли крови. Пусть вся Франция поднимется на борьбу!»²

Эти горячие призывы находили широкий отклик в сердцах людей, любящих свою родину. Рабочие горели желанием работать больше и лучше, чтобы ускорить победу над врагом. Студенты Политехнической школы принимали активное участие в обороне Парижа. Видные ученые, профессора и академики Бертран, Боннэ, Ложье, Фреми, Тиссо, Лагерр несли караульную службу на 87-м бастионе парижской крепостной стены³. «Республиканский легион молодых граждан Парижа», созданный из подростков и юношей, к началу октября насчитывал уже 3 тысячи человек⁴. «Мы верили и жили с искренней надеждой, что все это кончится хорошо и что враг, издерганный и побежденный, вскоре будет вынужден перейти обратно через границу, как это было во время Первой республики», — писал

¹ „La Liberté“, 22 janvier 1871.

² „La Province“, 3 novembre 1870. Тяжелая болезнь, от которой он умер в январе 1871 года, помешала писателю принять активное участие в войне.

¹ „La Patrie en danger“, 20 septembre 1870.

² „La Patrie en danger“, 15 septembre 1870.

³ „Le Combat“, 12 octobre 1870.

⁴ „Le National“, 4 octobre 1870.

в своих воспоминаниях один из участников партизанского движения 1870—1871 годов¹.

Патриотический подъем захватил и некоторую часть высших классов. Нормандский помещик барон Шаретт де ла Контри, бывший командир полка папских зуавов, сформировал «Легион волонтеров Запада», численность которого достигла к середине ноября 1200—1300 человек. Среди добровольцев этого легиона был вандейский аристократ маркиз де Куален. Некоторые представители высшего духовенства также оказывали содействие движению франтиреров.

Епископ Анжера призвал семинаристов своего округа записываться в добровольческие отряды. С призывом к борьбе против оккупантов обратился к священникам своего округа и орлеанский епископ Дюпанлу. Так же поступил кардинал Доннэ.

Рядом с французскими патриотами сражались за освобождение Франции от гнета германских милитаристов добровольцы из других стран Европы и из стран Латинской Америки. «Легион друзей Франции», которым командовал бельгийский генерал Ван дер Меер, состоял целиком из иностранцев. В документах упоминаются также «Батальон басков», «Греческий легион», «Легион итальянских карабинеров» и другие отряды итальянских патриотов, «Корпус южных американцев».

Видный деятель польского национально-освободительного движения, участник восстания 1863—1864 годов, полковник Валерий Врублевский (впоследствии генерал Парижской Коммуны) разработал подробную программу действий партизанских отрядов, которая была опубликована в начале октября 1870 года в одной парижской демократической газете. «Они должны, — писал Врублевский, — беспокоить врага по ночам, истреблять его часовых

и его патрули, перехватывать его курьеров и всех представителей его администрации, уничтожать в его тылу дороги, мосты, лодки, телеграфные линии, сжигать его обозы, его продовольственные запасы и боеприпасы, нападать на колонны новобранцев, забирать у них или убивать лошадей, создавать секретную связь и организацию на всех пунктах национальной территории, занятых неприятелем, усиливать свои ряды за счет всех здоровых граждан и вооружаться за счет врага. В результате завоеватель принужден будет разделить свои силы, и вот тогда-то начнется второй период этой войны, в котором мелкие отряды партизан, объединившись, смогут с успехом атаковать раздробленные части прусских войск»¹.

Активное участие в борьбе против нашествия немецких войск на Францию принял прославленный герой национально-революционного движения в Италии Джузеппе Гарибальди. Вскоре после провозглашения республики во Франции он предложил правительству национальной обороны свои услуги и свой боевой опыт. Однако это предложение было очень холодно встречено большинством членов правительства. Реакционер и клерикал Трошю резко возражал против приглашения Гарибальди. Тщетно настаивал на этом Рошфор².

Не дождавшись ответа на свое предложение, Гарибальди с помощью друзей тайком покинул Капреру и в начале октября прибыл в Марсель, где был тепло встречен муниципальным советом, возглавлявшимся левыми республиканцами.

Но в правящих кругах Франции прибытие Гарибальди вызвало сильное недовольство. Уполномоченный по иностранным делам Турской делегации граф Шодорди выражал опасение, что участие Гарибальди в войне может не понравиться итальянскому правительству и привести к ухудше-

¹ P. Trochon, Souvenirs d'un franc-tireur en 1870—1871. Simple contribution à l'histoire des corps francs pendant la guerre franco-allemande. Paris. 1901. p. 46

¹ „Le Combat“, 5 octobre 1870.

² А. Рошфор, Приключения моей жизни, М., 1933, стр. 192

нию отношении между Италией и Францией. Глэ-Бизуэн советовал направить Гарибальди в Тур, так как там он будет «менее опасен для порядка», чем в Лионе или Марселе с их многочисленным революционно настроенным рабочим населением¹.

Турский архиепископ Габер потребовал удаления Гарибальди из Франции как человека, враждебного духовенству и отлученного от церкви. Генерал Камбриэль отказался действовать совместно с Гарибальди и демонстративно подал в отставку.

Совершенно иначе отнеслись к великому итальянскому патриоту простые люди Франции. Народный клуб в Обервилье (близ Парижа) постановил просить правительство назначить Гарибальди главнокомандующим парижской национальной гвардии (впоследствии он был заочно избран на этот пост). В ставку Гарибальди приехала делегация от рабочих Крезо с просьбой дать им оружие для борьбы против немецких оккупантов. После того как Гамбетта отказался выделить 3000 ружей пролетариям Крезо, Гарибальди предоставил им эти ружья из своих скромных ресурсов. Патриотически настроенные муниципальные советы ряда французских городов приветствовали приезд Гарибальди. Жители Безансона преподнесли ему почетный меч, жители Лиона присвоили ему звание почетного гражданина города, муниципальный совет Гавра сформировал отряд добровольцев для участия в военных действиях под руководством Гарибальди².

В армии Вогезов, командование которой было возложено на Гарибальди, имелись добровольческие отряды из различных частей Франции, а также из Алжира. Названия некоторых отрядов отражали демократический состав армии Гарибальди:

¹ А. Glais-Buisson, Dictature de cinq mois, Paris, 1873, p. 71.

² Ф. С. Грин, Джузеппе Гарибальди и правительство Трошю (Из истории иностранных добровольческих отрядов во Франции во время войны 1870—1871 года), «Известия Воронежского государственного Педагогического института», том XIX, Воронеж, 1955, стр. 219—220

«1-й батальон Равенства», «2-й батальон Равенства».

Своими смелыми действиями партизанские отряды наносили чувствительные удары по немецким оккупационным войскам, затрудняли их снабжение, освобождали занятые ими населенные пункты¹.

18 октября принц Фридрих-Карл уверенно заявил в письме к прусскому кронпринцу, что немецкие войска быстро покончат «с этими бандами, остающимися еще в распоряжении Франции». Однако осуществить это намерение германскому командованию не удалось: «банды» оказывали стойкое и длительное сопротивление и были неуловимы. Это обстоятельство заставило фельдмаршала Мольтке и других германских генералов вскоре изменить свое мнение о французских вольных стрелках и признать, что «огромные усилия Франции прямо-таки вызывают уважение и шутить с ними нельзя»².

Маркс, осуждая суровые репрессии прусских властей против немецких социалистов за их протесты против аннексии Эльзаса и Лотарингии, за их агитацию в пользу почетного мира с Французской республикой, писал 16 января 1871 года редактору английской либеральной газеты «Daily News»: «Франция борется теперь не только за свою собственную национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы, и ее дело, к счастью, далеко не безнадежно»³.

Однако пораженческие настроения, господствовавшие среди большей части имущих классов и в правящих кругах Франции, в сильнейшей степени затрудняли успешное развертывание вооруженной борьбы против немецких оккупантов. Значительная часть генералов саботировала дело обороны страны. Действовали они так по политическим причи-

¹ См. А. Молок, Вольные стрелки во Франции во время войны 1870—1871 годов, «Исторический журнал», 1944, № 2—3, стр. 51—52.

² Г. Дельбрюк, История военного искусства в рамках политической истории, т. VI, М., 1939, стр. 250.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 288

нам — из неприязни к республиканскому строю и под влиянием страха перед возможностью революционных выступлений трудящихся.

Командующий одного из добровольческих корпусов говорил впоследствии, что, наблюдая за деятельностью военных канцелярий в Туре, он пришел к выводу, что руководившие ими люди — Фуришон и Ловердо — «не верили в возможность обороны и делали все, чтобы затруднить и парализовать усилия Гамбетты»¹.

7 октября комиссар правительства Тестелен телеграфировал в Тур из Лилля: «Тут настоящий заговор всех генералов, которые ничего не хотят делать... Если вы не можете дать нам военачальника, готового действовать, примите мою отставку и отставку трех префектов департаментов Нор, Па-де-Кале и Сомма»².

Католическая газета «L'Univers», объясняя и оправдывая капитулянтское поведение большей части реакционных кругов Франции, откровенно писала 23 декабря 1870 года: «Победа, без сомнения, освободила бы нас от внешнего врага, но другой, настоящий, внутренний враг — демократический дух — только выиграл бы от этого».

Под влиянием таких настроений во многих оккупированных районах крупная французская буржуазия радушно встречала немецкие войска. Так вели себя, например, богатые буржуа Руана, муниципальный совет которого изменчески сдал 5 декабря город врагу³.

Чтобы подавить мужественное сопротивление французского народа, германские милитаристы прибегали к варварским средствам, жестоко расправ-

¹ „Enquête parlementaire sur les actes du gouvernement de la Défense nationale“, Dépôtions, t. I, p. 678.

² H. Guillemin, L'héroïque défense de Paris (1870—1871), Paris, 1959, p. 239.

³ „Journal de Genève“, 15 décembre 1870.

лялись с населением «Они придерживаются правила, — писал Энгельс в статье, опубликованной 11 ноября 1870 года, — что каждый город или деревня, где один или несколько жителей принимают участие в обороне, стреляют по их войскам или вообще помогают французам, подлежит сожжению. что каждый человек, который захвачен с оружием в руках, но не является, по их мнению, солдатом регулярной армии, должен быть расстрелян на месте, и что всюду, где есть основание предполагать виновность сколько-нибудь значительной части населения города в подобного рода проступках, все здоровые мужчины должны быть немедленно истреблены...

Все делается по принятой системе и в соответствии с приказами: обреченное селение окружают, его жителей выгоняют, захватывают продовольствие и поджигают дома, а настоящие или подозреваемые виновники предстают перед военным судом, где их наверняка ожидает безжалостная расправа и полдюжины пуль... Один баварский офицер, находившийся в окрестностях Орлеана, пишет, что его отряд в течение двенадцати дней сжег пять деревень; можно без преувеличения сказать, что всюду, где в центре Франции проходят летучие немецкие отряды, их путь слишком часто отмечен огнем и кровью»¹.

Шури отмечает в своей книге ряд фактов жестокой расправы немецких оккупантов с французскими патриотами. В дополнение к этому материалу можно привести некоторые другие, не менее показательные факты.

Еще в августе в отместку за убийство нескольких прусских улан немецкие войска сожгли дотла село Вонк и увели с собой скованными 26 жителей. 31 августа была сожжена деревня Базейль. В огне погибли многие сотни жителей; тех, кто пытался спастись, расстреливали.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 169—170.

В сообщении от 20 ноября из оккупированного немцами Версаля говорилось: «Вчера прибыли первые раненые и пленные после боя, происшедшего 17-го у Дрё. Расправа с франтирёрами была короткой и должна была послужить примером: они были поставлены в ряд и один за другим получили пулю в лоб». Другое немецкое сообщение гласило: «В лесу Вильнёв на прошлой неделе вы могли бы увидеть четырех франтирёров, повешенных за то, что они стреляли из леса в наших улан»¹.

В Эльзасе и Лотарингии оккупационные власти, чтобы положить конец антигерманским диверсиям, насильно сажали в воинские поезда видных людей из числа местных жителей, которые должны были своей головой отвечать за налеты партизан².

Во время артиллерийского обстрела Парижа, происшедшего с конца декабря до конца января, немецкие войска стреляли по таким невоенным объектам, как больницы, школы, музеи.

«Это собрание ужасов всякого рода, а никак не война... Все это такие вещи, которые наводят на серьезные мысли о цивилизации Пруссии, руководящей войною», — писала редакция журнала «Отечественные записки»³.

Документы, имеющиеся в распоряжении историков, доказывают, что все эти жестокости совершались по прямому приказу высшего командования немецких войск и самого германского правительства. Секретарь Бисмарка Мориц Буш, сопровождавший канцлера во время похода во Францию, приводит сказанные им слова: «Мы будем расстреливать, вешать, жечь»⁴.

Грабили все — от солдата до генерала и принца, увозя с собой все мало-мальски ценное имуще-

ство. Командиры подавали в этом пример своим подчиненным. Баварский генерал фон дер Танн нагрузил целый фургон предметами домашнего обихода, награбленными у жителей. Тем же занимались прусский генерал граф фон Бредов и прусский комиссар в департаменте Уазы барон фон Шварцкопфен (последний прибыл во Францию с одним легким чемоданом, а увез оттуда 25 громадных ящиков с наворованными вещами). Четыре немецких принца (среди них был и прусский кронпринц) разграбили знаменитую фарфоровую мануфактуру в Севре. Генерал фон Гёбен конфисковал в Дьеппе все запасы табака, роздал папиросы и сигары своим подчиненным, а весь остальной табак продал городским властям за 100 тысяч франков золотом и 200 тысяч франков бумажными деньгами. «Это — организованный грабеж», — признавался в письме к жене генерал фон Штош¹.

«Голод, холод, нищета», — так назвал Шури пятую главу своей книги, посвященную описанию крайне тяжелых условий жизни трудящихся масс в осажденном Париже. Автор, основываясь на достоверных показаниях современников, подчеркивает, что богатым людям даже в эти трудные месяцы жилось вольготно, что они питались в дорогих ресторанах, где кормили не хуже, чем в мирное время. В той же главе рассказывается о росте революционных настроений среди рабочих и демократов Парижа, о «красной афише» 6 января 1871 года, которая обличала преступную политику правительства и требовала передачи власти Коммуне. Характеризуя обстановку, в которой было составлено это знаменитое воззвание, Шури приводит интересный рассказ Жюля Валлеса, опубликовавшего в 1884 году свои воспоминания об этом периоде.

Следующая глава — «Капитуляция» — начинается с рассказа о том, как была задумана и осуществлена вылазка при Бюзанвале 19 января. Из при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 206.

² „Journal de Genève“, 4 novembre 1870.

³ М. Гудошников, Русская журналистика 70-х годов о германском милитаризме, «Исторический журнал», 1942, № 2, стр. 52—53.

⁴ M. Busch, Le comte de Bismarck et sa suite pendant la guerre de France 1870—1871, Paris, 1879, p. 284.

¹ G. Lenôtre, La petite histoire. Prussiens d'hier et de toujours, Paris, 1916, p. 115.

водимых автором документов становится ясно, что члены правительства «национальной измены» (совместно с представителями реакционной военщины) организовали эту вылазку с тайной целью подставить отряды национальной гвардии под удар, оставив их без подкрепления. Провокация эта была затеяна для того, чтобы, пожертвовав несколькими тысячами человек, убедить парижское население в невозможности дальнейшего сопротивления немецким войскам.

Описывая восстание 22 января 1871 года, Шури отмечает, что оно не было, как уверяли власти, делом «кучки мятежников», что в этом выступлении приняли участие 10 тысяч человек, собравшихся перед Ратушей, чтобы поддержать делегатов Центрального комитета 20 округов и делегатов Республиканского альянса, требовавших отставки правительства, избрания Коммуны и продолжения войны с Пруссией. На следующий день после подавления этого восстания — 23 января — Жюль Фавр, как отмечает Шури, отправился для переговоров с Бисмарком в Версаль. 26 января военные действия прекратились. 27 января генерал Винуа подавил новую попытку революционных сил свергнуть правительство и сорвать переговоры. 28 января перемирие было подписано. Интересны документы, которые цитирует автор, чтобы подчеркнуть, какой страх внушал вооруженный народ Парижа не только Фавру, но и Бисмарку. Именно под влиянием этого страха они вынуждены были отказаться от мысли включить в условия перемирия пункт о разоружении национальной гвардии.

Было ли положение Парижа совершенно безнадежным в момент капитуляции, — спрашивает автор и отвечает: отнюдь нет. Столица Франции могла противопоставить 300-тысячной германской армии армию в 250 тысяч человек и национальную гвардию численностью в 300 тысяч человек. Ссылаясь на показания генерала Винуа и генерала Ле-Фло, Шури указывает, что не только людских резервов, но и боеприпасов в Париже было достаточ-

но; достаточно было и продовольствия, хотя оно было припрятано в расчете на повышение цен. Вывод Шури: Париж мог продолжать вооруженную борьбу с шансами на успех.

Энгельс в статье, опубликованной 26 января 1871 года, предсказывал близость капитуляции Парижа и доказывал, что главную ответственность за это несет Трошю. «Мы не должны забывать, — писал Энгельс, — что Трошю орлеанист и как таковой испытывает смертельный страх перед Ла-Виллетом, Бельвилем и другими «революционными» кварталами Парижа. Он боится их больше, чем пруссаков. Это не просто наше предположение или умозаключение. Мы знаем из источника, не вызывающего никаких сомнений, о письме, посланном из Парижа одним членом правительства, в котором говорится, что от Трошю со всех сторон требовали энергичного наступления, но последний неизменно от этого отказывался, говоря, что подобный образ действий мог бы отдать Париж в руки «демагогов»¹.

В другой статье, опубликованной через несколько дней после заключения перемирия (8 февраля), Энгельс указывал, что, хотя Франция понесла огромные потери в ходе войны, французский народ мог бы продолжать борьбу с надеждой на успех, поскольку две трети населения и более двух третей территории не были еще завоеваны².

История показала, что клика реакционеров и капитулянтов, стоявшая в тот момент во главе французского правительства, думала не о том, чтобы отстаивать национальные интересы Франции, а о том, чтобы, заключив мир с внешним врагом на любых условиях, которые навяжет победитель, развязать себе руки для борьбы с революционным пролетариатом своей страны.

«Национальная гвардия вновь поднимает знамя», — так названа последняя глава книги Шури, охватывающая период от капитуляции Парижа до

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 251

² Там же, стр. 263.

революции 18 марта. Основное содержание этой главы — история возникновения массовой организации парижской демократии — Центрального комитета республиканской федерации национальной гвардии, вокруг которого постепенно спланивались широкие слои населения французской столицы. Автор показывает, как нарастал конфликт между вооруженными пролетариями Парижа и реакционным правительством Тьера, как Национальное собрание, состоявшее на две трети из монархистов, своими решениями, задевавшими насущные интересы огромного большинства жителей столицы, обостряло политическую обстановку и провоцировало открытое столкновение.

Заканчивается эта глава, а с нею и вся книга рассказом о провокационных действиях правящих кругов, об их антинародных замыслах и планах.

Излагая их, Шури приводит характерные выдержки из воспоминаний Тьера, Фавра, Винуа. Винуа рассказывает, что 17 марта на заседании совета министров обсуждался вопрос о немедленном выступлении правительственных войск против рабочих кварталов Парижа с целью «захвата пушек, оружия и боеприпасов, которые присвоили и охраняют батальоны, преданные Центральному комитету, роспуска этого комитета и ареста его членов»¹.

Предпринимая такие действия, Тьер опирался не только на реакционную верхушку генералитета, но и на крупных финансистов и промышленников, которые заявляли ему, что, пока у национальной гвардии народных кварталов не будет отнято оружие, деловая жизнь не возобновится. Документы показывают, что особенно настойчиво добивались

¹ Как показывают документы, префектура полиции еще в начале марта составила список 19 революционных деятелей, и министр внутренних дел Пикар приказал установить за ними наблюдение. В этом списке значились имена Авриала, Асси, Варлена, Дюваля, Б. Малона, Пенди, Тейса, Франкеля, Шалена и некоторых других видных членов парижской федерации Интернационала (J. A. Faucher, *La véritable histoire de la Commune*, Paris, 1960, t. I, p. 96—97).

разоружения парижского пролетариата заправили Французского банка, которые неизменно поддерживали и финансировали все реакционные правительства Франции и все их антинародные действия¹.

Преступные замыслы французских реакционеров получили поддержку со стороны германских милитаристов. 4 марта Фавр обратился к Бисмарку с просьбой пропустить в Париж французские войска численностью 20 тысяч человек, которые должны были пополнить парижский гарнизон и принять участие в операции по разоружению трудящихся столицы Франции. Бисмарк немедленно удовлетворил эту просьбу².

Факты и документы, о которых говорится в предлагаемой работе, представляют не только исторический, но и актуальный политический интерес. Теперь, когда западногерманские милитаристы и реваншисты усиливают приготовления к агрессии против миролюбивых народов, когда движимые классовой ненавистью к мировой социалистической системе реакционные круги Франции открывают двери своей страны немецкой военщине, история национальной измены французской буржуазии в 1870—1871 годах весьма поучительна для современного читателя.

Содержательная, живо написанная, политически острая книга Мориса Шури, несомненно, будет хорошо встречена советским читателем, проявляющим большой интерес к истории и предыстории Парижской Коммуны — первого правительства рабочего класса. Интерес к этим событиям особенно велик в настоящее время в связи с 90-летней годовщиной Парижской Коммуны.

А. И. Молок

¹ См. С. Кан, Французский банк и подготовка события 18 марта 1871 года («Историк-марксист», 1933, № 4).

² См. А. И. Молок, Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года, Л., 1939, стр. 12—13.

СЕДАН

«Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром, против пролетариата национальные правительства едины суть!»

Воззвание Генерального совета Международного Товарищества Рабочих Лондон, 30 мая 1871 года К Маркс и Ф Энгельс, Соч 1 17 стр 365 }

«Все что угодно, лишь бы не Народный фронт. И если мы бросим взгляд в прошлое и обратимся к 1940 году и даже к 1871 году, то мы приходим к выводу, что и в эти годы нашу судьбу решал все тот же страх»

Франсуа Мориак

, Bloc notes 5 fevrier 1960
L'Express

Существуют признаки, которые никого не могут обмануть.

12 марта 1865 года на Больших бульварах Парижа во время похорон герцога де Мори, сводного брата императора и главного организатора государственного переворота 2 декабря 1851 года¹, уличные зеваки кричали: «Бис!»

Парижане вырывают друг у друга из рук остроумный и язвительный памфлет «Речи Лабiena». Автор² бичует в нем некоего Цезаря, «вышедшего из кровавой бани, обогрившей зарю его власти», Цезаря, чье правление — лишь «нагромождение преступлений и позора». Намеки столь прозрачны, что Наполеон III велит изъять из обращения эту брошюру.

¹ Этот переворот, сопровождавшийся жестокими репрессиями против республиканцев, привел к установлению во Франции бонапартистского режима, через год (2 декабря 1852 года) президент Луи Наполеон был провозглашен императором под именем Наполеона III — *Прим ред.*

² Автором этого памфлета был демократический публицист Л. О. Рожар, приговоренный за этот памфлет к тюремному заключению на 5 лет. Приговор был вынесен заочно, так как Рожар, спасаясь от ареста, эмигрировал в Бельгию — *Прим ред.*

На ограде одного из дворов Тюильрийского дворца под объявлением, гласящим: «Входа для публики нет», можно прочесть написанный от руки ответ, содержащий угрозу и напоминающий о событиях прошлого: «Нет, иногда есть».

Прошли золотые дни для этого «режима авантюры, сомнительных делишек, людей с продажной совестью и продажных женщин, беспробудного и всеобщего пьяного разгула», описанного Золя. Вторая империя катится в пропасть. Снова активизируется либеральная буржуазия. Рабочий класс начинает приходить в себя после ужасного июньского кровопускания 1848 года¹. Пробуждается общественное мнение.

Необычайное развитие промышленности, вызванное применением паровых машин и электричества, строительством железных дорог и появлением крупных банков, обогатило капиталистов. В большинстве своем они еще верны Наполеону III.

То же самое следует сказать и о значительной части крупных землевладельцев, которые крепко держат крестьянство в своих руках. Но уже прошло то время, когда вся буржуазия рассматривала императора как необходимого часового, стоящего на страже порядка².

Против империи зарождается разношерстная оппозиция. Провинциальные дворяне-легитимисты³, крупные банкиры-орлеанисты⁴, промышлен-

ные магнаты начинают роптать на политику императора в отношении рабочих, которую считают не в меру либеральной, а также против разорительных и обреченных на неудачу внешнеполитических авантюры.

Кроме того, англо-французский торговый договор, подписанный в январе 1860 года и упразднивший покровительственные таможенные пошлины, имел пагубные последствия для некоторых отраслей промышленности, особенно для текстильных фабрик с их устаревшим оборудованием, где давала себя знать иностранная конкуренция. Предприниматели пытались понизить цены на товары, снижая заработную плату рабочим. Но менее могущественные промышленники страдали от стачек. Тьер и Пуйе-Кертё были политическими деятелями, выражавшими недовольство той части промышленной буржуазии, орлеанистской или республиканской, которая потрясала знаменем «необходимых свобод»¹.

Брожение в средних слоях становится заметным. Либеральные интеллигенты, побежденные в результате государственного переворота и отстраненные от руководства политическими делами, стремятся вернуть себе прежнее положение. Процесс концентрации капитала привел к пролетаризации значительного числа торговцев и ремесленников. В ходе экономического кризиса, который разразился в 1867 году, на сцене появляется партия республиканцев, лидеры которой — Жюль Фавр, Жюль Симон и Эрнест Пикар — добиваются поддержки рабочего класса, которая им необходима, чтобы вернуться к власти; но в то же время они хотят водить его на помочах. «Прогресс на основе свободы, но без революции», — такова их программа. Гамбетта, не смотря на свои несколько более радикальные высказывания², в сущности, несколько не отличается

¹ Имеется в виду кровавое подавление июньского восстания парижских рабочих — *Прим. ред.*

² Буржуазия приняла Вторую империю из страха перед социализмом, подобно тому как ее отцы отделились Первой империи, чтобы покончить с Революцией [Lissagaray, Histoire de la Commune de 1871, Dentu, 1896, p. 3 (см. Лиссагаре, История Коммуны, 1871, СПб, 1899)]

³ Сторонники восстановления «легитимной» («законной») династии, то есть Бурбонов.

⁴ Сторонники младшей ветви династии Бурбонов, то есть Орлеанов.

¹ Имеются в виду требования расширения прав Законодательного корпуса и проведения некоторых других умеренно-либеральных реформ. — *Прим. ред.*

² Он заявляет о своей «непримиримости» по отношению к империи.

от других буржуазных республиканцев. Он также отвергает революционные методы.

В кругах мелкой буржуазии наблюдается множество различных течений: от реформизма Мильера до революционного фразерства публициста Рошфора и неоякобинства Делеклюза и Феликса Пи́а.

Лучшие представители радикального крыла буржуазии — Лафарг¹, Лонге², Рожар — солидаризируются с пролетариатом.

ИМПЕРИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Демагогическое заигрывание с рабочими сыграло известную роль в приходе к власти принца Луи Наполеона. В 1844 году, когда он был еще неизвестным авантюристом, он потребовал в своей брошюре «Искоренение нищеты» («Extinction du paupérisme») «проявить наконец справедливость в отношении рабочего класса, который представляется обездоленным и лишенным всех благ цивилизации». В глазах рабочего класса он так ловко прикрывался личной защитника народа против богачей, что в июне 1848 года сумел добиться своего избрания в депутаты от департамента Мозель, хотя его соперником был опытный противник. Вскоре после этого он встретился с Прудоном³, идеологом утопического социализма, пользовавшимся преобладающим влиянием среди передовых рабочих. Содействуя избранию принца Луи Наполеона президентом республики (10 декабря 1848 года), рабочий класс полагал, что берет тем самым реванш у буржуазии, у

¹ Поль Лафарг — видный деятель международного рабочего движения и выдающийся пропагандист марксизма во Франции.— *Прим. ред.*

² Журналист-демократ Шарль Лонге уже в 1866 году вступил в Интернационал, а в 1867 и 1868 годах участвовал в двух его конгрессах.— *Прим. ред.*

³ См. Georges Duveau, *La vie ouvrière en France sous le Second Empire*, Gallimard, 1946, p. 51.

палачей июньского восстания 1848 года, выдвинувших своим кандидатом кровавого Кавеньяка.

Во время государственного переворота 2 декабря 1851 года рабочие массы выжидали, предоставив авангарду пролетариата спасти революционную честь Парижа¹. Одобрение Прудоном бонапартистского государственного переворота² отнюдь не рассеяло иллюзий; напротив, породило еще большие.

В первые годы правления Наполеона III его социальные воззрения нашли выражение в законах об учреждении советов прюдомов³ (1853 год) и о пересмотре системы «рабочих книжек» (1854 год), а также в мероприятиях патерналистского характера: учреждении ломбардов, благотворительных обществ, постройке жилищ для рабочих, субсидий обществ взаимопомощи. Таким путем император надеялся приручить рабочий класс и полностью вырвать его из-под влияния буржуазных республиканцев. Но в то же время капиталистическая система укреплялась; хозяева предприятий оставались всемогущими. Особая статья гражданского кодекса провозглашала их неограниченную власть в вопросах заработной платы⁴.

¹ Среди 158 жертв государственного переворота 2 декабря 1851 года (официальные данные значительно преуменьшали действительные потери) был все же 101 рабочий; из 15 тысяч сосланных большинство составляли пролетарии.

² «Луи Наполеон является уполномоченным революции», — писал Прудон 29 июля 1852 года в прошении на имя принца-президента, ходатайствуя о беспрепятственном распространении своей книги „La Révolution sociale démontrée par le coup d'Etat du 2 décembre“ (Bruxelles, 1852). См. также Georges Cogniot, Proudhon et la démagogie bonapartiste, Editions sociales, 1958.

³ Прюдом — член суда, являющийся посредником (и экспертом) в спорах между хозяевами и рабочими. Советы прюдомов существовали еще в средние века; в 1806 году они были реорганизованы Наполеоном.— *Прим. ред.*

⁴ Имеется в виду статья 1781, согласно которой в случае судебного разбирательства конфликта между предпринимателем и рабочим по вопросу заработной платы дело решается на основе словесного заявления первого.— *Прим. ред.*

Двоюродный брат императора принц Жозеф Наполеон поддерживал связь с рабочими кругами, где его запросто называли Плон-Плоном¹. Это под его покровительством развивался «мютюзелизм»². Именно в эту эпоху, писал Карл Маркс,

«часть пролетариата пускается... в такое движение, в котором он отказывается от мысли произвести переворот в старом мире, пользуясь совокупностью заложенных в самом старом мире могучих средств, а пытается осуществить свое освобождение за спиной общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования...»³

Раздробленность рабочего класса Парижа, где каждое предприятие насчитывало в среднем менее 5 рабочих, ремесленный характер труда в столице, где крупные предприятия были редкостью, создавали благоприятную почву для теорий Прудона, выступавшего за освобождение пролетариата не революционным путем, а путем классового сотрудничества, путем реформ с анархистским налетом. Империя была убеждена, что пролетариат запутался в этих туманных теориях. Принц Жозеф не видел ничего опасного в том, чтобы способствовать поездке рабочих делегаций на международную выставку в Лондон в 1862 году, где они могли приобрести к успехам современной техники. Но в Лондоне французские делегаты вместе со своими британскими товарищами подводят итог социальным завоеваниям, которых удалось добиться тред-юнионам. И у них зреет мысль о создании международной ассоциации трудящихся, которая преврати-

¹ «Он такой же республиканец, как и я», — сказал о нем Жюль Фавр вечером 2 декабря 1851 года См. Beslay, Mes Souvenirs, p. 241 (октябрь 1873 года). (Жозеф Наполеон прикидывался «другом» рабочих и «покровителем» их организаций из чисто демагогических соображений. — Прим. ред.)

² «Мютюзелизм» — теория, сторонники которой искали решения социального вопроса в создании обществ взаимопомощи. — Прим. ред.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 126—127.

ла бы мировой пролетариат в великую армию труда.

После возвращения делегаций рабочее движение во Франции несколько усиливается. В начале 1864 года на дополнительных выборах пролетарская оппозиция заявила о своем существовании, опубликовав «Манифест шестидесяти» в поддержку независимой рабочей кандидатуры в Париже. Эта оппозиция отличалась от оппозиции «левых», годом ранее получившей большинство в столице. В «Манифесте шестидесяти» звучали новые нотки:

«Нам без конца твердили: с 1789 года нет больше классов, все французы равны перед законом. Но нам, не имеющим иной собственности, кроме своих рук, нам, изо дня в день подчиняющимся условиям капитала, нам, живущим при чрезвычайных законах, — нам трудно поверить этому утверждению... У нас нет своих представителей, ибо на недавнем заседании Законодательного корпуса никто не возвысил своего голоса в защиту наших стремлений, желаний и прав, как мы их понимаем. У нас нет своих представителей, у нас, отказывающихся верить в то, что нищета является божественным установлением...»

Рабочая кандидатура получила только 424 голоса. Но сама идея прокладывала себе дорогу. Она нашла дальнейшее развитие в «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» (Лондон, октябрь 1864 года): «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом»¹.

Наполеон III пошел на некоторые уступки, признав за рабочими право стачек (май 1864 года). Но это проявление «благожелательности» не только не умаслило рабочий класс, но, наоборот, придало ему больше смелости. В начале 1865 года

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 12.

была основана парижская секция Интернационала, объединившая несколько сот приверженцев. Ее наиболее видными руководителями являлись прудонисты Толен, Фрибур и Лимузен, сыгравшие немалую роль на учредительном конгрессе Интернационала (Женева, 1866 год). Спустя два года парижская секция оказалась достаточно сильной, чтобы обеспечить победу стачки рабочих-бронзовщиков (февраль 1867 года).

Численность рабочего класса неуклонно возрастала. В 1870 году в Париже насчитывалось 550 тысяч рабочих; из них 50 тысяч было занято в крупной промышленности (2 тысячи — на механических заводах Кайля, 2 тысячи — на военных заводах Жевло, 1400 — в ювелирном производстве Кристофля, 310 — на фабрике обоев Леруа и т. д.). Хотя типичной формой производства для Парижа и оставалась ремесленная мастерская, среднее число рабочих, занятых на предприятии, достигло вследствие концентрации промышленности 14. Крайне низкий жизненный уровень парижского пролетариата в целом способствовал пробуждению его классового сознания. Во время первых забастовок рабочие выдвигали чисто экономические требования. Но по мере того, как конфликты становятся более частыми и острыми, пролетарии начинают все яснее понимать, что огромным препятствием на пути к их социальному освобождению является бонапартистское государство — защитник эксплуататоров, «спаситель» капиталистического строя. Мало-помалу они укрепляются в убеждении, что для того, чтобы покончить с предпринимателями, надо сначала ниспровергнуть империю.

Таким образом, секции Интернационала во Франции из организаций прудонистски настроенного меньшинства рабочих, ориентировавшихся вначале на «мютюэлизм» и классовое сотрудничество, за несколько лет превращаются в массовые, боевые организации, постепенно приобщающиеся к идеям марксизма. После смерти Прудона (в 1865 году) во Франции появляются первые труды

Маркса, распространяемые Лафаргом среди деятелей пролетарского движения — таких, как Бланки, Тридон, Франкель¹. Прудонисты, руководившие секциями Интернационала во Франции, постепенно уступают место социалистам: Варлену, Лафаргу, Дюпону, Бенуа Малону.

Благодаря международной солидарности рабочих стачки часто заканчивались победой стачечников и вступлением их в Интернационал. Несмотря на все судебные преследования руководителей-социалистов, движение все более ширилось. Оно добилося от правительства легализации рабочих кооперативов и профессиональных палат (1868 год). Капиталистический строй («порядок») почувствовал, что его существование находится под угрозой.

В своей внешней политике империя наталкивается на множество трудностей. Она позволила Пруссии раздвинуть Австрию при Садовой (в 1866 году) и тем самым утвердить свое господство в Германии, не получив при этом тех территориальных компенсаций, на которые она (Франция) рассчитывала (ни баварских земель на левом берегу Рейна с городом Майнцем, ни Бельгии и Люксембурга). Колониальная экспедиция в Мексику, начатая в 1861 году и сулившая легкую добычу, скоро превратилась в войну против целого народа, в новую «испанскую войну». Пришлось смириться и отозвать во Францию сильно поредевший и разбитый экспедиционный корпус (в 1866 году).

Единственная победа, которая была тогда одержана, это победа при Ментане (в 1867 году), но это была победа над революционером Гарибальди,

¹ Речь идет главным образом о «Коммунистическом манифесте» и «Нищете философии» (в которой Карл Маркс опровергал «Философию нищеты» Прудона) «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 года» были изданы во Франции соответственно лишь в 1891 и 1895 годах.

героем объединения Италии, победа, плоды которой достались папе! Она обеспечила Наполеону III еще более активную поддержку епископов, но он окончательно лишился какого бы то ни было сочувствия в передовых кругах.

Публицист Рошфор мог с полным основанием писать в первом номере журнала «La Lanterne» (1868 год): «Франция имеет 36 миллионов подданных... и столько же поводов для недовольства». («La France contient trente-six millions de sujets... sans parler des sujets de mécontentement») ¹.

Оппозиция становится смелее. Она воздаст дань уважения депутату Бодену, убитому 3 декабря 1851 года на баррикаде; его могила обнаружена на кладбище Монмартра (в 1868 году). Начинается судебный процесс. Обвиняемые становятся обвинителями. Молодой адвокат-радикал Гамбетта смело заявляет: «Отныне мы будем отмечать в честь наших мучеников гражданскую годовщину — Второе декабря!» Его политическая карьера сделана.

Под нажимом республиканцев император вынужден был пойти на новые уступки. Газеты освобождены от предварительной цензуры и от штемпельного сбора, с помощью которых до сих пор зажимали рот оппозиционной прессе (май 1868 года); разрешены также публичные собрания под надзором полиции (июнь 1868 года). Тотчас же появляется множество пылких ораторов, которые не страшатся возможных преследований; импровизированные выступления ораторов ² во всех кварталах Парижа собирают взволнованных слушателей. Империя подвергается критике словом и пером.

¹ Во французском оригинале непередаваемая игра слов: по-французски слова «подданный» и «повод» выражаются одним словом *sujet*. — *Прим. ред.*

² Рабочие Ранвье и Варлен, интеллигенты Лонге, Риго, Жаклар, независимые Амуру, Брион, Лефрансе и др. Об этих собраниях см. *Gustave Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, Bruxelles, partie V, p. 295 et suiv.; G. de Molinari, Mouvement socialiste et les réunions publiques, Garnier frères, 1872.*

Выборы в мае 1869 года принесли оппозиции более 42 процентов всех голосов против 27 процентов, полученных ею в 1863 году. В Париже и в большинстве крупных городов официальные кандидаты потерпели поражение. Левые республиканцы были обязаны этой победой рабочему классу, организованно голосовавшему против империи. По правде говоря, этот народный фронт во время выборов был далеко не идиллией. Буржуазные республиканцы принимают помощь пролетариата в борьбе против империи, так как отдают себе отчет в том, что без его поддержки путь к власти останется для них закрытым. Однако они всегда помнят о «красном призраке», сообразуя с этим свои оппозиционные действия. Они боятся революционеров, своих временных союзников.

Со своей стороны рабочий класс выступает против империи, так как она каждый раз встает на его пути в его борьбе и так как он хочет восстановления демократических свобод. Но его наиболее сознательные борцы не заглушили в себе горьких воспоминаний о событиях прошлого ¹. Они не заблуждались насчет боеспособности буржуазных республиканцев, о чем свидетельствуют следующие слова Вермореля, оказавшиеся пророческими:

«Они не боятся потворствовать республиканским страстям народа, стремясь использовать их к своей выгоде, но у них нет той энергии и того понимания, которые необходимы, чтобы присоединиться к рево-

¹ В 1830 году после восстания народа, после «трех славных дней» (27, 28, 29 июля 1830 года), буржуазия захватила всю власть в свои руки. Буржуазные министры Луи Филиппа советовали тогда капиталистам: «*Обогащайтесь!*», а рабочим говорили: «*Терпение и покорность!*» И когда эти последние отвергли как первое, так и вторую, последовало подавление восстания лионских ткачей (1831 год) и резня на улице Транснотен (1834 год).

В феврале 1848 года революционные рабочие сыграли решающую роль в обеспечении победы; буржуазия снова захватила власть и четыре месяца спустя обратилась против пролетариата, который содействовал ее успеху.

люции. И если бы эта революция, неосторожно спровоцированная ими, разразилась, они первые подали бы сигнал к реакции и поспешили бы присоединиться к своим нынешним противникам, чтобы бороться с чудовищем революции, подобно тому как они поступили в 1848 году»¹.

Передовые рабочие уже не довольствуются огненной запрещения коалиций, осуществленной в 1864 году. Они ведут открытую и самостоятельную борьбу за право ассоциаций, за право собираться для подготовки необходимых стачек. Стачки приобретают такой ожесточенный характер, что для их подавления пускают в ход «шаспо»²; в результате этого в июне 1869 года в Ла-Рикамари было убито 13 человек, а в Обене в октябре 1869 года — 14.

Учреждается Федерация рабочих обществ Парижа (предшественников профессиональных союзов); она обосновалась на улице Кордери, в том же доме, где помещалась французская секция Интернационала.

1870 год начался созданием так называемого либерального министерства Эмиля Оливье, перебежчика от «левых». В январе двоюродный брат императора³ убивает оппозиционного журналиста Виктора Нуара. В Крезе рабочие организуют стачку в защиту руководства кассы взаимопомощи, стачку, направленную против Шнейдера, торговца пушками, председателя Законодательного корпуса⁴. Прица-убийцу оправдывают, а рабочим, борющимся за кусок хлеба, выносят обвинительный приговор!

¹ Vermorel, M. Jules Simon, Paris, 1869, p. 5.

² Винтовка того времени, названная так в честь ее изобретателя.

³ Принц Пьер Бонапарт.— *Прим. ред.*

⁴ См. Pierre Ponsot, Les grèves de 1870 et la Commune de 1871 au Creusot, Editions sociales, 1958.

Стачки все учащаются, приводя к созданию новых профессиональных объединений, новых секций Интернационала. В самом Париже насчитывалось 16 секций Интернационала; кроме того, большая часть рабочих обществ присоединилась к Интернационалу. 18 апреля 1870 года на совещании, на котором председательствовал Эжен Варлен, более 1200 делегатов секций и представителей ассоциаций решили основать парижскую федерацию. Федерация организуется также в Руане, Лионе, Марселе. Теперь можно было подумать и о создании общенациональной федерации Международного Товарищества, которая объединила бы по всей стране около 250 тысяч человек¹.

Перед империей встала неотложная задача — нанести решительный удар. Чтобы привлечь на свою сторону всю буржуазию, она снова потрясает пугалом «красного призрака». 5 мая 1870 года страну лицемерно призывают одобрить «либеральные изменения, произведенные с начала 1870 года в конституции». Но за пять дней до этого первый министр отдает генеральным прокурорам приказ арестовать руководителей французских секций Интернационала и обвинить их в «заговоре», спешно сфабрикованном префектурой полиции. Охваченные страхом перед революцией, многие буржуазные республиканцы проголосовали «да». Но все же департамент Сены и департамент Буш-дю-Рон отдали большинство голосов непримиримым; в целом по стране 1600 тысяч граждан (в том числе более 50 тысяч солдат) вновь сказали империи «нет». Кроме того, оказалось 1800 тысяч воздержавшихся. Парижская федерация Интернационала призвала воздерживаться от голосования, ибо в соответствии с доводом, который отстаивал социалистический журналист Верморель, каждый, голосующий «нет», уже в силу своего участия в голосовании признает результат голосования, каким бы он ни был, и дол-

¹ К 20 апреля — 245 тысяч. См. „Troisième procès de l'Internationale“, Le Chevalier, juillet 1870, p. 64.

жен будет подчиниться, если большинство проголосует «да».

Однако, несмотря на 7300 тысяч «да», несмотря на судебные преследования, возбужденные против руководителей французских секций Интернационала¹, стачечное движение охватило в июне и июле все районы страны². Французские секции Интернационала, хотя и обезглавленные, продолжали тайно развивать свою деятельность.

Боевой оппозиции социалистов противостоял больной и преждевременно состарившийся император. Поэтому будущее династии сильно тревожило императрицу и ее камарилью. Чтобы обеспечить наследному принцу императорский трон, нужно было заткнуть рот оппозиции. Для этого представлялся прекрасный случай — война. Она будет победоносной: двор в этом не сомневался. Она принесет новые прибыли торговцам пушками, подобным Шнейдеру, — столпам существующего режима.

«Берегитесь кровавой бойни, — пишет Жюль Валлес. — Она им нужна. Они жаждут ее! Нищета давит на них, социализм наступает на них... Теперь самое время устроить новое кровопускание, чтобы новые силы истекли кровью, чтобы возбуждение толпы затерялось в грохоте пушек»³.

Много позже один из советников Наполеона III подтвердил обоснованность суждений Валлеса: «Так как буржуазия, казалось, обезумела от какого-то ненасытного либерализма», а «рабочие городов — от социализма», то он, по его признанию, не воспротивился войне, которая «казалась послед-

¹ Третий процесс руководства французских секций Интернационала окончился 7 июля. 7 человек были приговорены к тюремному заключению сроком на год, а 26 человек — на два месяца.

² Barberet, Les grèves et la loi sur les coalitions, p. 57.

³ Jules Vallès, L'Insurgé, Editeurs Français Réunis, Paris, 1950, p. 142 (см. Жюль Валлес, Инсургент, М., 1939).

ним шансом и нашим единственным средством спасения. Именно тогда, мне думается, император решился на крайний шаг — на войну с Пруссией»¹.

Прусский канцлер Бисмарк и юнкеры также хотели войны. Они были убеждены в том, что она обеспечит объединение Германии под гегемонией Пруссии. Поводом к войне послужило выдвижение кандидатуры прусского принца Леопольда Гогенцоллерна на королевский престол в Испании.

Энергичные дипломатические представления поколебали решимость берлинского двора. Король Вильгельм заверил, что его двоюродный брат отказывается от испанского трона. Но это не устраивало ни Бисмарка, ни сторонников войны из Тюильрийского дворца.

От короля Пруссии потребовали письменного заверения в том, что ни один Гогенцоллерн никогда не будет домогаться испанской короны. Король ответил французскому послу, что его слова должно быть достаточно. Бисмарк почувствовал, что задуманная им война ускользает от него. Тогда он передал в печать такой текст *Эмской депеши*, который искажал смысл сказанного во время этой беседы.

Воспротивившись проверке сообщения, которую было довольно легко осуществить, так как французский посол уже вернулся в Париж, палата² подняла крик об оскорблении и вотировала военные кредиты. *Против* голосовали только 10 человек — депутаты левой, опасавшиеся усиления империи в результате победоносной военной кампании³.

¹ Sylvestre de Sacy, Lettres à ma fille (1862—1878), „Revue des Deux-Mondes“, 1 novembre 1926 (см. Э. А. Желубовская, Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции, М., 1956, стр. 219).

² Законодательный корпус. — *Прим. ред.*

³ «Я из числа тех, кто голосовал за войну, — писал Кетатри — В этом вопросе я разошелся со своими политически-

Серьезное сопротивление войне оказал только рабочий класс. Парижские секции Интернационала, хотя и ослабленные репрессиями, все же изложили свою позицию в манифесте от 12 июля 1870 года:

«Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии в глазах рабочих может быть лишь преступным безумием»¹.

15 июля, в тот самый час, когда Эмиль Оливье заявлял с трибуны палаты, что он «с легким сердцем» принимает на себя ответственность за конфликт, в тот час, когда военный министр утверждал, что все готово, «*вплоть до последней пуговицы на гетрах*», сотни рабочих демонстрировали на бульварах в пользу мира, избиваемые полицией, осуждаемые буржуазными республиканцами, среди волны шовинизма, прокатившейся по столице.

Мобилизация, проводившаяся в течение 15 дней, выявила неподготовленность военного ведомства. Солдата брали в армию в Дюнкерке, отправляли для обмундирования в Перпиньян или даже в Алжир, чтобы в конце концов послать его в воинскую часть в Страсбург. 18 июля войсковые кассы в Биче были еще пусты. 20 июля Мец все еще ожидал провианта. Из Шалона, Лилля, Седана, Эпиналя, Лангра требовали снаряжения. Артиллерия состояла из пушек устаревших образцов. Нигде не было карт пограничных районов. Прибыв 21 июля в Бельфор, бригадный генерал не нашел там ни командира дивизии, ни своих полков. В Тионвиле не было ни войсковых лавок, ни походных лазаретов. Офицеры вынуждены были

ми друзьями; некоторые из них осуждали меня за то, что я голосовал за войну, так как успех мог привести к укреплению империи» (De Keratry, Le 4 septembre et le gouvernement de la Défense nationale). «Они страшились усиления империи, к которому привела бы победа, а в последней они не сомневались» (Emile Ollivier, L'Empire libéral, t. XIV, p. 486).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 2.

приобретать револьверы у оружейников, так как в арсеналах их не было 26 июля армия все еще страдала от недостатка хлеба, и император предложил выпекать его в парижской военной пекарне и отправлять затем в Мец! О разведывательной службе лучше и не говорить. Ведь пришлось же императору расспрашивать 17 августа одного сельского мэра о «двостях из армии»¹.

Пятнадцать дней Наполеон III оставался в нерешительности, все еще надеясь на невозможное — на мирное разрешение конфликта. Он хорошо знал военный потенциал Пруссии. В свое время он ознакомился с письмами генерала Дюкро, военного губернатора Страсбурга, к генералу Фроссару, во спитателю наследного принца (от 28 октября 1868 года и от 31 января 1869 года), в которых отмечались усиленные военные приготовления Пруссии и ее аннексионистские намерения в отношении Эльзаса². Наполеон III хорошо знал слабые места французской армии.

Он начал кампанию без единого союзника, в то время как неприятель сплотил вокруг себя всю Германию. Он сознавал, что неспособен быть достойным главнокомандующим и понимает, сколь виноват в том, что позволил своему окружению навязать ему эту войну, чреватую опасностями, войну, которой он не хотел. Ибо для него лично врагом являлся не столько Вильгельм («мой брат», как он назовет его через месяц), сколько французский пролетариат 3 августа, в то время как сконцентрированная германская армия готовилась нанести сокрушительный удар, Наполеон III телеграфировал своему министру Оливье «*Крепко держите кормило власти в Париже среди волн революции*».

Война началась победоносной операцией на парижской бирже 6 августа там объявили о по

¹ Papiers et correspondance de la famille imperiale, Impr nationale, 1870, t I, p 421

² „Papiers et correspondance de la famille imperiale“, Impr nationale, 1870, t I, p 225—230

беде, одержанной французами. Курс процентных бумаг вновь подскочил; спекулянты получили значительную «разницу». В тот же вечер было официально сообщено о поражениях под Вёртом и Форбаком. Эльзас и Лотарингия захвачены врагом. В извещении от имени императора говорилось об отступлении армии и подчеркивалась необходимость введения в Париже осадного положения и приведения столицы в состояние обороны. Разъяренный народ разгромил биржу. Эмиль Оливье оказался в своей резиденции на Вандомской площади лицом к лицу с враждебной толпой.

Посол Великобритании сообщал своему правительству: «*Династия с каждым днем приближается к гибели.*»

На следующий день, 7 августа, огромная толпа кричала на бульварах: «Оружия! Низложения императора! Республика!» Полиция оказалась не в силах рассеять толпу, ее атаковали кирасиры.

Если бы депутаты-республиканцы возглавили движение, империя была бы низвергнута. Но вожди «левой», Жюль Фавр, Жюль Симон, Пельтан, ограничились обращением к Шнейдеру, председателю Законодательного корпуса. Они предложили ему отстранить Наполеона III от командования армией и передать исполнительную власть комиссии в составе 15 членов, *избранных среди бонапартистского большинства Законодательного корпуса.* Впоследствии Жюль Фавр объяснял это следующим образом:

«Я умолял моих противников взять власть в свои руки, хотя хорошо знал, что они используют ее для борьбы против моих идей. Я совершенно не скрывал своего мнения о Законодательном корпусе: официальные кандидаты, входившие в его состав, не представляли страны; тем не менее они были законной властью, и я склонялся перед ней без всякой задней мысли»¹.

Это объяснение нельзя считать удовлетворительным. Когда Жюль Фавр придет к власти, он менее всего будет заботиться о соблюдении законности. Если вплоть до 4 сентября «левая» уклонялась от ответственности за положение дел, то это потому, что она не хотела возглавить действительную национальную оборону, которая неизбежно потребовала бы активного участия народных масс. Для нее также настоящим врагом были не пруссаки, а население парижских предместий. Следовательно, нужно покончить, и притом быстро, с этой братоубийственной войной между французскими и немецкими эксплуататорами; бонапартистское большинство палаты вполне подходило для выполнения этой роли...

Законодательный корпус был созван на 9 августа. Рабочий класс готовился превратить этот день в день решающих событий, но «левая» всячески саботировала это.

Многочисленная делегация рабочих обществ отправилась к депутатам-республиканцам Кремье, Пельтану, Араго, Глэ-Бизуэну и им подобным, чтобы заставить их подать сигнал к восстанию.

Но, как объясняет Лефрансе, участвовавший в переговорах, этих мнимых республиканцев объединяло с бонапартистами одно стремление: лучше гибель родины, чем ее победа над врагом в результате революции!

«Мы, Брион и я, удалились потрясенные, размышляя о том, что, несмотря ни на что, близок момент, когда власть неизбежно окажется в руках подобных людей»².

«Из предместий, — признавался впоследствии Гарнье-Пажес, — к нам приходили со словами: нет больше сил, нет больше войск, мы вручим вам власть. Но я вме-

¹ Jules Favre, Simple récit d'un membre du gouvernement de la Défense nationale, H. Plon, 1871, t. I, p. 31.

² G. Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 386.

сте с моими коллегами почти с гневом противился этому»¹.

9 августа, вопреки воле депутатов-республиканцев, возбужденная толпа, поддержанная батальонами национальной гвардии, осадила Бурбонский дворец и проникла в его сады. В 13 часов, когда началось заседание, императрица-регентша телеграфировала Наполеону III:

«Вы не представляете себе создавшейся обстановки... Трудности огромны... Чтобы справиться с таким положением вещей, у меня нет командующего войсками, между тем как мятеж уже почти бушует на улицах».

Депутаты «республиканской оппозиции» спасли империю. С террасы Бурбонского дворца Жюль Ферри произнес речь и успокоил толпу. В то же время во дворце пошли на некоторые уступки. Эмиля Оливье, сохранение которого было немислимым, заменили другим, вполне послушным бонапартистом — Кузеном-Монтобаном графом Паликао. Жюль Фавр потребовал, чтобы верховное командование было вручено Базену, который 12 августа будет произведен в генералиссимусы. Он добился также вооружения национальной гвардии «в соответствии с законом от 13 июня 1851 года». Это означало, что «всеобщий набор» будет ограничен годными к военной службе гражданами, внесенными в списки избирателей, то есть преимущество будет предоставлено буржуазным слоям населения.

Поскольку республиканцы-буржуа отказались опереться на «улицу», правительство смогло без помех обрушиться на своего главного врага — «парижскую чернь». Оно отозвало с границы дивизию Мартемпре, разбитую 6 августа под Вёртом, и 10 тысяч солдат морской пехоты, всего около 40 тысяч человек. В то же время правитель-

ство отправило из Парижа в Шалон парижских мобилей — «бельвильцев», как называли их с презрением, смешанным с чувством страха, реакционные буржуа. В надежде обезвредить их, передали командование ими генералу Трошю, слышшему противником империи.

Политических заключенных спешно перевели из тюрьмы Сент-Пелажи¹ в Бовэ. Короче говоря, все было готово, когда 14 августа бланкисты попытались взять инициативу движения в свои руки, поскольку депутаты-республиканцы отказались подать сигнал к выступлению.

Остановимся вкратце на бланкизме (идеологическом течении в социалистическом движении Франции), который сыграл в этот период истории важную роль. Бланкизм — теория об активно действующем меньшинстве. Представители различных социалистических школ, пишет Бланки,

«находясь на берегу реки, с ожесточением спорят о том, что растет на противоположном берегу: маис или пшеница? Они вбили себе в голову, что этот вопрос надо разрешить еще до того, как они преодолют эту водную преграду. Переправимся же сначала через реку, а там увидим»².

«Воспитанные в школе заговорщичества, — указывает нам Энгельс, — спаянные соответствующей этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и удержать ее в своих руках посредством самых энергичных и решительных мер до

¹ Тюрьма, снесенная в 1898 году. Она находилась на левом берегу Сены, между улицей Кле (Clef) и улицей Питие (Pitié).

² Blanqui, Critique sociale, t. II, p. 115—116.

¹ „Enquête parlementaire sur les actes du gouvernement de la Défense nationale“, t. V, p. 202.

тех пор, пока не удастся вовлечь народ в революцию и сгруппировать его вокруг небольшой кучки вожаков»¹.

Наступил ли этот момент в то солнечное воскресенье 14 августа, после полудня, когда Бланки, Эд, Бридо, Гранже и их друзья ворвались в караульное помещение казармы пожарных на бульваре Ла-Виллет, чтобы захватить там ружья? Во всяком случае, сам Бланки должен был признать, что отсутствие связи с народными массами обрекло восстание на неудачу². Население, казалось, оцепенело.

«Бульвар, по которому бежали повстанцы, оставался совершенно безлюдным. Тщетно зывали они к зрителям: «Да здравствует республика! Смерть пруссакам! К оружию!» Факт остается фактом: в таком революционном квартале, как Бельвиль, ни один человек не примкнул к восстанию».

Итог этой попытки переворота: три ружья (которые пришлось бросить, когда повстанцы вынуждены были рассеяться) и четыре смертных приговора, вынесенных военным судом и не приведенных в исполнение только вследствие падения империи³.

•

В то время как Базен, теснимый немецкой армией (Борни, 14 августа, Резонвиль, 16 августа), позволил отрезать ему пути к отступлению (Сен-Прива, 18 августа), Наполеон III, покинувший свою главную квартиру в Меце, принял в шалонском ла-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 442.

² См. о деле в Ла-Виллет „La Patrie en danger“, 16 septembre 1870.

³ Заметим, что на заседании Законодательного корпуса 16 августа «непримиримый» Гамбетта пожелал узнать, почему эти «агенты Пруссии» до сих пор не понесли заслуженной кары за измену.

гере генерала Трошю, поставленного правительством Паликао во главе 12-го корпуса. Трошю и принц Наполеон доказывали императору, что ввиду военных неудач существует лишь одно средство спасения династии: отступить к Парижу со всеми наличными войсками, чтобы обуздать «чернь». Император одобрил это предложение и назначил Трошю губернатором Парижа и главнокомандующим военными силами столицы. «Все, что я смогу сделать для предотвращения революции, я сделаю», — пообещал Трошю¹ и отправился в Париж во главе 18 батальонов парижских мобилей, чтобы подготовить там прибытие императора и «вспомогательной армии». Это отступление он считал «актом мужества правительства, который мог предотвратить революцию».

Бисмарк, догадываясь об этих интригах, писал 24 августа жене:

«Я не считаю невозможным, что Наполеон III освоится с мыслью, что ему следует обратить свои силы скорее против парижан, чем против нас, заключить с нами мир и, опираясь на армию, угнетать остальную Францию. Лично я против этого не возражаю»².

Но в Париже регентша и Паликао встретили Трошю очень холодно (18 августа). В правительственных кругах придерживались другой точки зрения, чем в Шалоне. Конечно, и для них опасность коренилась в «парижской черни». Но они упорствовали в своем убеждении, что наилучшим средством обуздать ее является война, и притом война победоносная. Они нагло спекулировали на патриотизме масс³.

¹ См. его речь в Национальном собрании 13 июня 1871 г.

² „Lettres de Bismarck à sa femme pendant la guerre de 1870“, Taillandier, p. 43.

³ Но богачи по-прежнему были освобождены от налога кровью. Будучи мобилизованы в армию, они всегда могли за 20 тысяч франков купить себе «заместителя»!

После 14 августа Пруссия попросту аннексировала Эльзас и мозельский четырехугольник крепостей. Династическая война превращается в глазах народа в войну за национальную оборону. Поэтому, пока идет борьба против захватчика, «улица» не восстанет. Паликао был настолько убежден в этом, что 28 августа, не колеблясь, вывел из Парижа 13-й корпус (генерала Винуа) и отправил его в Мезьер на соединение с Мак-Магоном. «Нет, — сказала Трошю императрица, — император не возвратится в Париж: он не смог бы вернуться сюда живым».

Накануне Паликао телеграфировал монарху и умолял его отказаться от намерения возвратиться в Париж, «ибо создалось бы впечатление, что император бросил армию Меца»¹. Наполеон III колебался. Из Шалона Мак-Магон связался с Базеном, оставшимся в Меце вопреки полученному им 12 августа приказу «немедленно переправиться через Мозель, чтобы отступить на равнины Шампани». Базен предоставил Мак-Магону свободу действий.

Отступит ли Мак-Магон в сторону Парижа или придет на помощь Базену? Он не осуществит ни того, ни другого плана: из Шалона он направляется на северо-запад, к Реймсу, и остается там, несмотря на повторные приказы Паликао идти на соединение с Базеном. Мак-Магон и император по-прежнему придерживаются плана Трошю: отойти к Парижу. Был даже назначен день возвращения: 23 августа. Но накануне выступления Паликао направляет императору телеграмму с предостережением: «Если Базен будет оставлен без поддержки, это может иметь в Париже тяжчайшие последствия». В тот же день Наполеон III получил от Базена депешу от 19 августа, в которой последний извещал, что будет отступать к Шампани через Монмеди и Сент-Менеульд. Уклоняться далее

¹ „Papiers et correspondance de la famille impériale“, t. I, p. 424.

было невозможно, «вспомогательная армия» выступила по направлению к Монмеди.

23 августа газета «Temps» сообщила добрую весть, подхваченную лондонской газетой «Times»: «Армия Мак-Магона направляется на север, с тем чтобы, повернув на восток, поддержать Базена». Вот Бисмарк и получил информацию!

26 августа Базен все еще находится в Меце! Его интересуют уже не военные действия, а переговоры, которые начнутся после ряда заранее предусмотренных неудач. В военном совете, перед лицом командиров своих корпусов, он цинично заявляет: рейнская армия «может сыграть и, несомненно, сыграет политическую роль». Генералы и полковники одобрили это заявление. Они прекрасно понимали, чего от них ждут: добиться от пруссаков разрешения направиться в Париж, чтобы выполнять там полицейские функции!

27 августа Мак-Магон все еще не достиг Монмеди. Когда он узнал, что Базен остался в Меце, «вспомогательная армия» снова выступила по направлению к Парижу. Но на следующий день последовал приказ Паликао: двинуться снова на северо-восток! Мотивировка: «Если вы покинете Базена, в Париже вспыхнет революция»¹.

Новое оживление на бирже. 31 августа «Journal Officiel» сообщает: «Движение врага на Париж, кажется, остановлено». «Illustration» объясняет это следующим образом: Мак-Магон и Базен соединились!

Увы! Базен по-прежнему находится в Меце — ружье к ноге: он знает, откуда дует ветер, и потому бездействует. Что же касается императора, то, отброшенный к Седану, он капитулирует 2 сентября, сдается в плен и безоговорочно выдает врагу 83-тысячную армию и все вооружение².

¹ „Papiers et correspondance de la famille impériale“, t. I, p. 429

² Однако, отдав только свою шпагу, но «не шпагу Франции», он не стал вступать с неприятелем в переговоры с целью заключения всеобщего перемирия и мирного договора. Будучи разбит, он устранился от всего.

4 СЕНТЯБРЯ

Паликао пытался скрыть известие о седанской катастрофе. Но уже 3 сентября, после полудня, оно распространилось по Парижу. Возбужденная толпа заполнила бульвары, требуя «низложения» и «республики». Правительству удалось рассеять ее с помощью револьверных выстрелов и дубинок. Вечером толпа вновь собралась вокруг Бурбонского дворца, но демонстранты наткнулись на запертые ворота. На этот раз Гамбетта уговаривал собравшихся разойтись по домам. В полночь открылось заседание Законодательного корпуса. Жюль Фавр, внеся предложение о низложении Наполеона III, которое стало неизбежным, возобновил свое предложение от 9 августа — создать в составе Законодательного корпуса комиссию из членов бонапартистского большинства. Заседание откладывается на 4 сентября (в поддень).

На улице перед воинственно настроенной толпой Жюль Фавр заявил: «Терпение! Сохраняйте спокойствие. Справедливость будет соблюдена. Положитесь на своих представителей!» Тьер, не подписавший предложения о низложении императора, совершенно растерялся. Он оказался пленником «мятежников» и вырвался на свободу только после того, как «рассказал им о Седане»...

Успокоительных заверений депутатов «левой» теперь уже было недостаточно, чтобы успокоить толпу, собравшуюся поздним утром на площади Согласия. Народные массы Парижа и буржуазные национальные гвардейцы братаются, требуя низложения императора и провозглашения республики. Под их натиском войска дрогнули, их ряды прорваны. Жюль Фавр, Глэ-Бизуэн, Пельтан, Кремье (все депутаты «левой») прилагают огромные усилия, чтобы воспрепятствовать захвату Бурбонского дворца. Паликао соглашается на создание «Правительственного совета», в котором он был бы «наместником», но ни на что большее. Разговоры о комиссии продолжаются. «Левая» не решается заявить о низложении императора и провозгласить республику. Вскоре народ принудит ее к этому. Под крики: «Да здравствует республика!» он заполняет трибуны и амфитеатр зала заседаний.

Тьеру, который в кулуарах советует манифестантам подождать, отвечает Режер (один из будущих членов Коммуны): «Народ не ждет! Вы не готовы? Мы провозгласим низложение сами»¹.

Бланкист Гранже бросается к председательскому креслу и требует от депутатов провозглашения республики.

В зале не было и 15 депутатов. После тщетных попыток собрать еще нескольких депутатов Гамбетта, осаждаемый со всех сторон, объявляет о низложении императора, «поскольку,— говорит он,— представители нации имели достаточно времени, чтобы объявить о низложении»; но он провозглашает его не именем народа, а именем «законной власти, возникшей на основе всеобщего голосования (?)». Среди бури восторга Жюль Фавр умоляюще призывает: «Только без кровопролития!»

— А республику? Провозгласите республику! — ревет толпа.

¹ См. Jules Claretie, Histoire de la Révolution de 1870—1871, L'Eclipse, 1872, p. 228.

— Республику? Мы должны провозгласить ее не здесь, а в Ратуше!

Гениальная мысль: это позволит отвести грозу от Бурбонского дворца и в то же время опередить восставший народ, который мог обосноваться в Ратуше (последнего можно было опасаться ввиду ожесточения народных масс).

И вот по улицам столицы начинается бешеная скачка. Пешком, верхом, в экипаже — депутаты «левой» мчатся на Гревскую площадь, стараясь обогнать друг друга. Раз нет больше возможности воспрепятствовать революции, пусть же она совершится в их интересах!

А теперь покинем Жюль Фавра на пути к власти и поговорим о личности этого человека, которому предстояло сыграть столь пагубную роль в последующих событиях.

Крупный адвокат-делец, признанный защитник иезуитов, воспылавший с 1848 года патологической ненавистью к рабочему классу, он скрывал под громкими фразами страх за награбленное им: замок и поместье в Гранмоне, в департаменте Эндр, роскошный особняк на улице Амстердам в Париже, вилла в его окрестностях. Беззащитный в выборе средств, Жюль Фавр,

«сожительствова с женой некоего горького пьяницы, находившегося в Алжире, сумел при помощи самых наглых подлогов, совершенных им в продолжение многих лет кряду, захватить от имени своих незаконнорожденных детей крупное наследство, которое сделало его богатым человеком, и... на процессе, который вели против него законные наследники, он избежал разоблачения только потому, что пользовался покровительством бонапартистских судов»¹.

Таков был деятель капитализма, устремившийся к Ратуше, чтобы преградить путь «Коммуне», или, как выразился впоследствии Тьер, чтобы вырвать

Париж «из рук черни, безудержной в своих стремлениях».

Во время этой скачки Жюль Фавр столкнулся на мосту Сольферино с генералом Трошю, человеком, который дал слово — слово католика, бретонца и солдата — погибнуть за династию на ступенях Тюильрийского дворца. Жюль Фавр предложил генералу присоединиться к нему и поспешить в Ратушу: «Именно туда должны торопиться люди, решившие содействовать спасению страны»¹... спасению не от пруссаков, а от «демагогии» и от «дурных страстей».

Прибыть в Ратушу было самое время! Здание, над которым развевалось красное знамя, уже было захвачено. «Дурным страстям» уже дали волю: там собрались не только честные буржуа-патриоты, но и пролетарии из восточных предместий Парижа, и, если судить по именам, которые тут провозглашались, торжество «анархии» было неминуемо.

«Весьма именитые» люди, крупные буржуа-реакционеры, теснившиеся вокруг Фавра, заявляют, что они не будут драться с пруссаками, если рабочий класс получит оружие, если ему позволят участвовать в руководстве государственными делами, если его мнение возобладает в какой-то мере².

К их великому счастью, в результате репрессий императорских властей с политической арены устранились те, кто мог бы направить события по революционному пути. Варлен находится в Брюсселе, Бенуа Малон и Флуранс — в тюрьме, Бланки отсутствует, его сторонники Эд и Бридо заключены в тюрьме Шерш-Миди. Интернационал представлен всего лишь двумя наблюдателями, Брионом и Белэ, которые не могут претендовать на первостепенную роль. Остаются Делеклюз и Мильер; справиться с ними будет пустяковым делом.

¹ См. речь Трошю в Национальном собрании 13 июня 1871 года.

² „Enquête parlementaire sur l'insurrection de 18 mars“, Cerf Versailles, 1872, t. II, p. 43.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 323.

Единственным опасным соперником для Жюль Фавра был Рошфор, которого толпа только что освободила из тюрьмы Сент-Пелажи и который появился в Ратуше в сопровождении огромной толпы. Популярность его была столь велика, что он мог бы возглавить революционное правительство. Со всех сторон его призывают к этому, провозглашают мэром Парижа... Но эти бурные возгласы смущают памфлетиста, которому «адвокаты» гораздо ближе плебеев. Поэтому он с готовностью подчиняется легкому насилию со стороны Флоке и Жюля Ферри, которые вырывают его из объятий бланкистов (освободивших его из тюрьмы), чтобы посадить рядом с Жюлем Фавром и депутатами, занимающимися при закрытых дверях формированием правительства. Рошфор не будет «одним из наименее благоразумных», и лучше *«иметь его внутри правительства, чем вне его»*¹. Его используют в качестве ширмы, подобно тому как это сделали с Луи Бланом и рабочим Альбером во временном правительстве 1848 года.

Чтобы устранить неугодных конкурентов, будут ссылаться на республиканскую законность, на уважение к всеобщему избирательному праву: участвовать в правительстве могут только депутаты Парижа. Мильер и «красные» соглашаются с этим: они не особенно домогаются министерских почестей, эти «простаки»! Для них важно теперь одно — прогнать пруссаков.

Прекрасно!

Спешно распределяются портфели. Их вырывают друг у друга, как на толкучке! В течение нескольких часов список их превосходительств передушивается трижды.

Гамбетта, опередив Эрнеста Пикара, самочинно обосновался в министерстве внутренних дел; он бомбардирует префектов своими циркулярами и

¹ Таковы доводы, которые Жюль Фавр привел в тот же вечер Тьеру и депутатам, собравшимся в Законодательном корпусе.

назначает мэров парижских округов¹. Рошфор позволил убедить себя в том, что Этьенн Араго будет на месте во главе центральной мэрии. Он поклялся, этот Рошфор! Он не видит ничего недопустимого в том, чтобы правительство заручилось поддержкой Трошю².

«Эти люди,— объяснял впоследствии генерал Дюкро³,— тотчас же поняли, что для сохранения власти они должны дать гарантии консервативной партии и заручиться поддержкой армии. Тогда они и вспомнили о генерале Трошю, который был для этого самым подходящим человеком».

Жюль Фавр направил в Лувр, где находился Трошю, своего друга Глэ-Бизуэна, поручив ему привести генерала в Ратушу.

«Генерал,— заявил ему Глэ-Бизуэн,— нельзя терять времени: красное знамя уже появилось на площади Ратуши; медлить нельзя; нельзя допустить, чтобы оно там утвердилось»⁴.

Трошю быстро переделался в штатское платье и отправился в Ратушу.

«В Ратуше,— рассказывает генерал⁵,— положение было крайне напряженным. Там находились все те же огромные толпы, что и утром, но теперь они были более смешанными. Все чаще раздавались крики — крики, которые вы хорошо знаете; недоброжела-

¹ Таким образом был сохранен тот особый порядок, при котором столица являлась единственной во Франции коммуной, не имеющей собственного муниципального совета.

² Glais-Bizoin, Dictature de cinq mois, Dentu, 1873, p. 9; Rochefort, Les Aventures de ma vie, P. Dupont, éd., 1896, t. II, p. 203.

³ См. показания Дюкро перед Парламентской следственной комиссией („Enquête parlementaire sur l'insurrection de 18 mars“, t. III, p. 2).

⁴ Glais-Bizoin, Dictature de cinq mois, p. 9.

⁵ Речь в Национальном собрании 13 июня 1871 года.

тельные, яростные требования слышались со всех сторон. Проникнуть в Ратушу было невероятно трудно: дворы, лестницы, залы были переполнены. Обходным путем, по незнакомым лестницам, я добрался до кабинета, где в полутьме... при свете одной лишь лампы заседало временное правительство».

И вот Жюль Фавр обращается к Трошою: «Генерал, мы не хотели бы, чтобы во время этого страшного кризиса власть оказалась в руках тех, кто находится там»... в соседнем зале, в руках этой «восставшей черни», этой «орды преступников», этого «сброда», который был бы вполне способен обеспечить оборону страны.

Трошо немедленно согласился участвовать в правительстве¹, но потребовал от своих коллег обязательства защищать... что? Францию, подвергшуюся вторжению врага? Нет, не о Франции шла речь! Он потребовал от них обязательства защищать «семью, собственность, религию!» — «Ну, разумеется! Для этого мы здесь и находимся», — ответил ему Жюль Фавр².

Трошо оставалось лишь выполнить одну формальность: получить согласие того, на кого он все еще смотрел как на свое высшее начальство, — бонапартистского министра Паликао. Итак, в Тюильрийский дворец! Все идет хорошо: императрица, не пожелавшая воспользоваться предложением Тьера спрятать ее в Париже, тайно скрылась. «Мы направляемся в Бельгию», — телеграфировал в Мобеж агенту императорской фамилии наставник

¹ Гюстав Лефрансе приводит другую версию, заслуживающую внимания: «Со вчерашнего вечера (3 сентября) все было решено. Трошо и депутаты оппозиции сговорились между собой... Эти господа поняли, что они не могут больше уклоняться, и программа буржуазного переворота была намечена совместно с губернатором Парижа, которому они поклялись в верности» (G. Leïgançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 389).

² «Мы заверили его в этом» (Jules Favre, Simple récit, p. 89).

наследного принца. Паликао, желая присоединиться к беглецам, придумал «благопристойную» ложь: он должен отправиться в Брюссель, чтобы отдать последний долг бранным останкам своего единственного сына, «убитого под Седаном» (сын его был цел и невредим). Перед отъездом Паликао дает Трошо последний совет: «Революция — совершившийся факт. Если вы не возьмете руководство делами в свои руки, все погибнет»¹.

Трошо галопом возвращается в Ратушу. Здесь его ждет сюрприз: от него скрыли, что в состав правительства входит Рошфор. Как ни уверяли Трошо, что Рошфор настроен вполне миролюбиво, однако сидеть рядом с Рошфором!.. Ничего не дается даром: «Если вы хотите, чтобы во время этого ужасающего кризиса я был полезен, то делами должен руководить я»².

И вот Трошо — глава правительства вместо Жюля Фавра. Трошо готов в соответствии с желанием «порядочных людей» дать отпор «многоголовой и ужасной тирании бельвийских трущоб», тем одержимым, которые, вне себя от радости, что они добились наконец республики, разбили табличку на улице «Второго декабря» и заменили ее новой табличкой «Улица 4 сентября».

Гюстав Лефрансе, вдумчивый наблюдатель, обеспокоен этим возбуждением:

«Хотя происходящее ничем не напоминает людям моего возраста всеобщего бурного порыва, вызванного 24 февраля 1848 года падением Луи-Филиппа, но молодые люди все же предаются безумной радости.

Они не знают, что 18 лет назад Жюль Фавр, Жюль Симон, Кремье, Гарнье-Пажес и Пельтан были инициаторами или служивыми сообщниками июньской бойни; что скептику Пикару «в высшей степени на все

¹ Речь Трошо в Национальном собрании 13 июня 1871 года.

² Там же

таться организовать силу, которая могла бы заставить Ратушу всерьез заняться обороной Парижа и республики.

Было решено направить к новому правительству делегацию, дабы заявить ему, что, не оспаривая, в виду срочности положения, законности его власти, более или менее узурпированной, ему окажут содействие на следующих условиях: проведение выборов муниципальных советов, которые должны будут срочно приступить к формированию и вооружению батальонов национальной гвардии; немедленное упразднение полицейской префектуры и передача ее функций муниципалитетам; упразднение ныне существующих судебных органов и замена их выборными; отмена всех фискальных и запретительных мер в отношении печати, права собраний и права союзов; полное упразднение бюджета культов; отмена всех приговоров по политическим делам и прекращение преследований по политическим мотивам в связи с событиями, предшествовавшими 4 сентября¹.

Кроме того, не питая никаких иллюзий насчет возможных результатов этого шага, собрание на площади Кордери решает направить воззвание к немецким рабочим и напомнить им, что поскольку прусский король заявил в начале кампании, что он ведет войну только против Наполеона III, а не против Франции, то теперь, когда империя пала, они должны воспрепятствовать дальнейшему продвижению немецких войск по французской территории.

5 сентября, как бы в виде отклика на этот манифест, Центральный комитет германской социал-демократической рабочей партии заявил:

«Мы протестуем против аннексии Эльзаса и Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в интересах

¹ G. Lefrançais, op. cit., p. 395

западноевропейской цивилизации против восточного варварства немецкие рабочие не потерпят аннексии Эльзаса и Лотарингии...»

Но, замечает 9 сентября Карл Маркс, «к несчастью, мы не можем рассчитывать на их непосредственный успех. Если французские рабочие не могли остановить агрессора в мирное время, то больше ли шансов у немецких рабочих удержать победителя во время военной горячки?»¹

Марксу была известна слабость французской секции Интернационала в области революционной теории. Как только он узнал о провозглашении республики, он послал Серраиё в Париж, чтобы «наладить там дела» с парижским Федеральным советом. Маркс пишет 6 сентября Энгельсу:

«Это тем более необходимо, что сегодня устремляется в Париж вся «французская секция», чтобы делать там глупости от имени *Интернационала*. «Они» хотят свергнуть временное правительство, учредить *Comité de Paris*, назначить Пиа французским посланником в Лондоне и т. п.»²

Организации Интернационала во Франции действительно были неоднородны и весьма далеки от единства теории и практики, которое характерно для подлинно пролетарской партии. Секции Интернационала представляли собой группы, отражавшие разнообразие течений, существовавших среди рабочего класса. Наряду с подлинными социалистами-интернационалистами, такими, как Бенуа Малон, Лео Франкель, Эдуар Вайян и особенно Эжен Варлен, который играл первостепенную роль, там можно было видеть прудонистов, таких, как Толен, Каме-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 279—280.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 393

лина, Пенди, Тейс, старый последователь философа-утописта Фурье — Белэ, беспринципный журналист и демагог Феликс Пиа¹.

Поэтому учитывая «исключительно трудное положение», в котором оказался французский рабочий класс, Маркс давал ему полезные советы:

«Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но, вместе с тем, они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса»²

5 сентября, в час ночи, Гамбетта принял делегацию, вручившую ему резолюции собрания на площади Кордери, и дал ей некоторые заверения относительно свободы печати и амнистии. *Что касается остального, заявил он, то это будет принято к сведению и, конечно, злоупотребления будут пресечены*³

«Эти господа, — писал Лефрансе, — считают себя вправе захватить власть именем народа. Но использовать ее, чтобы избавить народ от извечных пут, — это другое дело. Они тотчас же начинают терзаться

¹ Мелкобуржуазный демократ Феликс Пиа не был членом Интернационала и резко нападал на его Генеральный совет и парижскую федерацию — *Прим ред.*

² К Маркс и Ф Энгельс, Соч, т. 17, стр 280—281

³ G. Lefrançais, Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871, Neuchâtel, p 65

сомнениями, и это продолжается до тех пор, пока, став более сильными, они в свою очередь не порабощают полностью тех, кем управляют»¹

Делегаты удалились, весьма озабоченные и «вполне убежденные в том, что нужно быть начеку, иначе исход этой революции будет таким же, как и всех предыдущих».

Вот почему во время нового собрания, состоявшегося в тот же вечер на улице Омэр, обсуждались пути создания революционной организации, которая могла бы придать действительно республиканский характер этому «правительству мошенников», способных на любую подлость, если они знают, что за ними не наблюдают.

Был подробно обсужден вопрос об организации Республиканских комитетов бдительности. В некоторых округах Парижа комитеты бдительности уже объединили передовых республиканцев, как только стало известно о первых победах немцев. Речь шла о том, чтобы создать такие комитеты повсюду. Нужно было, чтобы жители каждого округа избрали на публичном собрании свой комитет бдительности, который в свою очередь направил бы 4 представителей в *Центральный республиканский комитет национальной обороны 20 округов Парижа*. Эта организация имела своей целью «борьбу за спасение отечества, а также за окончательное утверждение подлинно республиканского режима».

7 сентября, когда Серрайн прибыл в Париж, он не нашел там ни секций, ни Федерального совета Интернационала:

«Все члены были в тюрьме, а теперь разбросаны по разным полкам — одни в регулярной армии, другие в национальной гвар-

¹ G. Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 395

дии, некоторые в мобильной гвардии.
Товарищество распалось»¹.

Недооценивая необходимость преобразования секций Интернационала в партию пролетариата, парижский Федеральный совет направлял секциям следующие указания в качестве директив к действию:

«...Час недоверия и раскола не настал. На нас лежат только две обязанности, которые нам надлежит выполнить: оборона Парижа и принятие мер предосторожности против растерявшейся, ошеломленной, но не побежденной реакции»².

До начала января 1871 года парижская федерация не предпринимала никаких самостоятельных действий. В окружных комитетах бдительности ее активисты растворились среди передовых интеллигентов и представителей средних слоев, являвшихся членами клубов или революционно-демократических групп, считавших себя политическими наследниками якобинцев, а также среди некоторых видных бланкистов, таких, как Дюваль, Теофиль Ферре и Тридон.

В стороне от комитетов бдительности оставался один только *Республиканский альянс*³, руководимый Ледрю-Ролленом, Делеклюзом, Артюром Арну и Рауа.

¹ „Procès-verbaux des séances du Conseil général de l'Internationale“, séance du 28 février 1871. (См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны Документы и материалы», М., 1941, стр. 4—5).

² „Dans l'impossibilité où nous sommes...“ (Листовка, которая хранится в Москве в ИМЛ и приводится у Э. А. Желубовской, цит. соч., стр. 391—392.)

³ Республиканский альянс, созданный во время осады Парижа, объединял в своих рядах буржуазных радикалов, мелкобуржуазных демократов (неякобинцев) и социалистов прудонистского направления. Решающую роль в этой организации играли буржуазные радикалы, не скрывавшие своего отрицательного отношения к социализму.—
Прим. ред.

Центральный комитет 20 округов Парижа, созданный на основе комитетов бдительности, являлся катализатором мысли и революционных действий вплоть до середины февраля 1871 года, когда утвердился авторитет Центрального комитета национальной гвардии.

В Центральном комитете 20 округов были представлены все передовые политические течения. Он объединял в своих рядах и сближал рабочих, торговцев и пролетаризованных ремесленников, прогрессивных интеллигентов.

5 сентября, на рассвете, после приема делегации с площади Кордери, явившейся, чтобы потребовать немедленного проведения муниципальных выборов, министр внутренних дел Гамбетта в сообщничестве с Этьенном Араго, который сам себя сделал мэром Парижа, назначил без ведома правительства новых мэров 20 округов: большинство из них не питало никаких нежных чувств к парижским пролетариям.

Поэтому комитеты бдительности взяли на себя задачу контролировать мэрии и принимать жалобы и пожелания населения.

На следующий день после своего назначения мэры стали окружать себя для выполнения своих административных обязанностей личными друзьями и кооптированными лицами. К этим зарождающимся муниципальным комиссиям присоединяются граждане, избранные комитетами бдительности. Ставленникам правительства нелегко было прямо и целиком отвергнуть помощь людей, которые, испровергнув империю, подняли их на щит.

В зависимости от позиции мэров и от их склонности к сотрудничеству комитеты бдительности в конце концов добились более или менее обширных полномочий, создали комиссии по снабжению, по гигиене и даже по вооружению, контролируя таким образом национальную гвардию. Некоторые центральные административные учреждения вынуждены — хотят они этого или нет — смириться с вмешательством революционных деятелей. Так,

8 сентября якобинец Мильер¹ и бланкисты Эд Бридо и Гранже явились к префекту полиции Кератри и вручили ему резолюцию, принятую накануне клубом «Отечество в опасности»:

«Префекту полиции предлагается немедленно отправить в действующую армию или в форты, расположенные вблизи столицы, всех бывших агентов, полицейских сержантов и других, а также всех муниципальных гвардейцев, большей частью бывших солдат».

Собрание патриотов требует немедленного смещения всех комиссаров полиции времен империи, независимо от даты их назначения².

Встреча с префектом была бурной. С его отказом решили не считаться. В тот же день в кварталах были созваны собрания, на которых выбрали новых полицейских комиссаров. В частности, собрание XV округа, избравшее интернационалиста Шалена и бланкиста Гранже, насчитывало «не менее 2 тысяч человек»³.

Правительство, предупрежденное 12 сентября Кератри о том, что «вечером народ собирается поставить у власти новых полицейских комиссаров, избранных им на публичных собраниях», решило воспротивиться этой «узурпации власти»⁴.

Все же в некоторых случаях избрание комиссаров, уже приступивших к исполнению своих обязанностей, нельзя было признать недействительным. 25-летний журналист-бланкист Рауль Риго (будущий прокурор Коммуны), избранный публичным собранием, занял пост комиссара в управлении политического отдела префектуры. Разбирая архивы вместе со своим секретарем и другом Га

¹ Ж. Б. Мильер был не столько неоякобинцем, сколько левым прудонистом.— *Прим. ред.*

² „La Patrie en danger“, 8 septembre 1870.

³ „La Patrie en danger“, 9 septembre 1870.

⁴ „Procès-verbaux des séances du Conseil de gouvernement de la défense nationale“ (Dréo), p. 110

стоном Да Коста, он вплоть до своего увольнения (на другой день после 31 октября) разоблачал тайных агентов императорской полиции.

Отношения между правительством и революционными комитетами обострились в связи с инцидентом Везинье — Годийо.

28 сентября один из клубов Бельвиля, под председательством Везинье¹, сместил своей властью мэра округа и постановил (по свидетельству Жюля Симона²), или, вернее, предложил (по свидетельству Фидюса³), захватить большую обувную фабрику Годийо, экспроприровать ее и эксплуатировать в интересах рабочих, выплачивая владельцу ежегодное возмещение.

«Ну, теперь началось! — мечет громы Фидюс, — рабочие жаждут коренного социального преобразования!»

Довольно! Теперь речь идет о «классовых интересах». Теперь истинный враг дал о себе знать — это эксплуатируемый. Медлить нельзя. С 29 сентября в тюрьме Везинье сможет поразмыслить на досуге над несообразностью своего предложения.

ПЛАН ТРОШЮ

«Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни

¹ Везинье был членом Интернационала, 26 марта 1871 года был избран членом Коммуны.— *Прим. ред.*

² Jules Simon, Souvenirs du 4 septembre. Le gouvernement de la Défense nationale, Michel Lévy frères, 1874, p. 118.

³ „Journal de Fidus. La Révolution de septembre“, Albert Savine, éd., 1889, p. 114

минуты — оно превратилось в правительство национальной измены»¹.

Следует отдать справедливость Трошю: он никогда не изменял своих взглядов, он всегда был *убежденным пораженцем*. После своего возвращения в Париж, 19 августа, после того как император назначил его губернатором Парижа, Трошю хладнокровно заявил в совете министров, что все потеряно и что оборона столицы невозможна. Спустя два дня он доверительно сообщил трем руководителям «левой» (среди них был Жюль Фавр, который впоследствии привел его слова²): *«Что касается Парижа, то оборонять его было бы чистым безумием»*.

События 4 сентября и взрыв патриотизма не изменили его мнения:

*«Первый вопрос, который поспешили задать мне мои новые коллеги вечером 4 сентября, — говорил генерал, — был вопрос о том, имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии. Я, не колеблясь, ответил на это отрицательно... Я сказал им совершенно точно: при настоящем положении дел попытка выдержать осаду Парижа была бы чистым безумием»*³.

Начальник его штаба, верный Шмитц, выразился еще яснее: *«Мы не можем обороняться. Мы решили не обороняться»*⁴.

Все министры, за исключением Гамбетты и Дориана, также были пораженцами. По словам Эр-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 321—322

² Jules Favre, Simple récit, t. I, p. 49.

³ Эти слова, сказанные Трошю 21 января 1871 года перед парижскими мэрами, были приведены Корбэнном, мэром XV округа, и опубликованы в газете „Le Rappel“ 17 mars 1871 (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 322).

⁴ Lissagaray, Histoire de la Commune, Dentu, éd. 1896, p. 48.

неста Пикара. *«обороняться будут из чувства чести, но всякая надежда на успех химерична»*. Кремье острил: *«Пруссаки войдут в Париж, как нож в масло»*.

Трошю, совесть которого, как говорил Лиссагаре, «имеет такие же темные закоулки, как и кулисы театра», считал, что на него возложена почти божественная миссия: спасти общество (подразумевается — капитализм), заключив как можно скорее мир с пруссаками, чтобы получить возможность начать войну «против революции». Но он не обольщал себя надеждой, что это будет легким делом.

*«Общественное мнение достигло крайней степени возбуждения, и, поверьте мне, если бы в этот момент правительство посмело заявить, что оно собирается заключить мир и что оно хочет мира, оно было бы сметено в течение какого-нибудь часа»*¹.

Капитулировать, но по возможности не вызывая «мятежа», возмущения «черни» и «воинственных крикунов».

Помощник Трошю, генерал Дюкро, впоследствии признавал: *«В основе почти всего, что предпринималось в области дипломатии и для обороны страны, лежало одно — боязнь мятежа»*².

При столь щекотливых обстоятельствах пришлось прибегнуть к невероятному двуличию. Правительство решило капитулировать, но называет себя правительством национальной обороны и заявляет: *«Мы не у власти, мы в бою!»* Оно готово подчиниться унижительному диктату, но провозглашает: *«Мы не уступим ни пяди нашей земли, ни камня наших крепостей»*³.

В лагере патриотов это бахвальство пока еще принимают за чистую монету. В воззвании, в кото-

¹ „Journal officiel“, 3 juin 1871.

² Ducrot, La Défense de Paris, t. II, p. 28.

³ Jules Favre, Circulaire aux agents diplomatiques, 6 septembre 1870.

ром Бланки, Бридо, Эд, Тридон и их друзья сообщали о создании газеты «La Patrie en danger». мы читаем:

«Перед лицом врага нет больше ни партий, ни различий. С властью, которая предавала нацию, сотрудничество было невозможно.

Правительство, вышедшее из великого движения 4 сентября, представляет республиканскую идею и идею национальной оброрны. Этого достаточно.

Всякая оппозиция, всякие разногласия должны исчезнуть во имя общего спасения.

Существует только один враг — пруссаки и их сообщники, сторонники павшей династии, которым хотелось бы навести в Париже порядок с помощью прусских штыков.

Да будет проклят тот, кто в час великих испытаний, к которому мы приближаемся, будет думать о каких-либо личных интересах, будет таить заднюю мысль, какова бы она ни была!

Нижеподписавшиеся, отбрасывая в сторону все частные соображения, предлагают временному правительству свое самое энергичное и полное содействие, без всяких оговорок и условий, за исключением одного: несмотря ни на что, оно будет отстаивать республику и скорее погибнет вместе с нами под развалинами Парижа, чем согласится скрепить своей подписью бесчестие и расчленение Франции»¹.

И вот Трошю выступает в роли «ученика волшебника»: он хотел «разоружить сброд», но вынужден — в силу успеха своей же демагогии — дать народу оружие! Впоследствии он сам при

¹ „Les Murailles politiques françaises“, Le Chevalier Paris, 1874, t. I, p. 18

знал это, громогласно выразив свое раздражение по поводу недоверия тех, кто потребовал от него отчета в ходе парламентского следствия по делу о восстании 18 марта¹.

«Некоторые думают, что можно было отказать в нем (в оружии) народу или выдавать его с ограничениями и по выбору. Хотел бы я посмотреть, что бы они делали на моем месте!..»

Это правда: нельзя было поступить иначе, не возбудив подозрений и не вызвав возмущения патриотов. Порыв был настолько всеобщим, что невозможно было даже сохранить за национальной гвардией ее буржуазную организацию, определенную законом 1851 года и столь милую сердцу Жюля Фавра.

В течение 48 часов было сформировано 60 батальонов по 1500 человек в каждом. Не прошло и месяца, как в национальной гвардии насчитывалось 340 тысяч человек! У нее не было пушек. Она решает отлить их на средства, собранные по общественной подписке: 2830 пушек по 5 тысяч франков каждая — таков вклад населения Парижа, решившего дать своей армии современную артиллерию!

Никто не смог бы сдержать такой поток. Трошю не желал проведения грандиозного смотра 13 сентября, так как боялся, что он «способен возбудить в массах веру, чреватую опасностью, — веру в победу»².

Но ему, убежденному пораженцу, пришлось все же прогарцевать перед 300 тысячами людей, кричавших о своей любви к родине и о своем желании победить или умереть за нее!

А пока Трошю, этот военачальник, методически старался подорвать «веру в победу», которая

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“ t II, p. 15.

² Trochu, Œuvres posthumes, t. I, p. 217.

владела гражданским населением. А для этого нужно было, во-первых, сослаться на существование некоего плана¹, чтобы отсрочить операции крупного масштаба, которые могли бы увенчаться успехом, поскольку главные немецкие силы удерживались под Мецем, и обзывать «пруссаками» всех прозорливых патриотов, ратующих за наступление. Во-вторых, когда нажим со стороны народа достигнет такой силы, что нельзя уже будет откладывать боевые действия, — драться... но так, чтобы доказать всю бесполезность этого. Благодарение богу! В штабе хватает искушенных специалистов, чтобы разработать соответствующую тактику: «*Она состоит в том, чтобы всегда выставлять против неприятеля силы, намного уступающие по численности тем, которыми он располагает*»². Подставлять армию и национальную гвардию под удар по частям, чтобы убедить их в бессельности их героизма. Если же не удастся их образумить, то придется ждать всего лишь три месяца, так как запасов продовольствия хватит только на три месяца, о чем неприятель был предупрежден еще 6 сентября³, за 12 дней до начала окружения столицы, то есть в такой момент, когда правительство имело достаточно времени, чтобы без помех обеспечить ее продовольствием⁴.

¹ О пресловутом «плане Трошю», якобы сданном на хранение какому-то парижскому нотариусу, имеется два авторитетных мнения. Мнение Гамбетты, который в своих показаниях Национальному собранию (*Dépositions*, t. I, p. 564) заявил: «У меня хранятся все письма Трошю, адресованные мне, в них говорится о многих вещах, но нигде не упоминается о плане». Затем мнение такого неопровержимого свидетеля, как сам Трошю: «У меня не было ни стратегической, ни тактической идеи» (*Œuvres posthumes*, t. I, p. 273). Не достаточно ли этого?

² Flourens, Paris livré, Paris, 1871, p. 68.

³ «Париж может продержаться три месяца», — писал Жюль Фавр в своем циркуляре французским дипломатическим представителям

⁴ Владельцы огородов в окрестностях Парижа хотели перевезти свой урожай в столицу. Они отказались от этого намерения из-за ввозных пошлин, которые были отменены только 14 сентября, накануне полного окружения столицы!

III

СОРЕВНОВАНИЕ В ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ

9 сентября в письме к своему другу д'Оссонвилю Тьер первый ясно обрисовал перспективы: «*видимость сопротивления и мир любой ценой*»¹.

Тьер — это выскочка, «*напичканный классовыми предрассудками вместо идей*». В начале своей деятельности нуждавшийся историк, он на протяжении своей пятидесятилетней государственной службы сколотил всякими мошенническими путями огромное для той эпохи состояние — 14 миллионов! Но он ненасытен, и мы имеем возможность в этом убедиться: будучи избран главою исполнительной власти, он потребовал назначения себе ежегодного жалованья в 3 миллиона франков! В апреле 1871 года Тьер заставил морского министра покупать уголь для военно-морского флота у «Компани дэ мин д'Анзэн» (*председателем административного совета, которой являлся он сам*) по 30 франков за тонну, тогда как средняя цена равнялась 10 франкам. А в августе 1872 года мы видим этого хваленого «освободителя страны» в роли посредника между государством и Ротшильдами

¹ D'Haussonville, Mon journal pendant la guerre, p. 143

(по вопросу о займе), с которыми он разделил 25 миллионов франков, комиссионных¹. Этот взяточник объявляет смертельную войну рабочему классу, поскольку он считает «скверной политикой желание изменить насильственным путем естественную стоимость рабочей силы». Долой «Интернационал, который фальсифицирует стоимость рабочей силы!» Послушайте этого удивительного изобретателя теории «заколдованного круга»:

«Самое большее, чего можно достигнуть таким путем,— это принудить некоторых предпринимателей. Может даже случиться, что их заставят повысить на 50 сантимов или даже на франк поденную плату. Но к чему это приведет? К повышению стоимости продукции. Предприниматели, которых заставят пойти на такое повышение заработной платы, не смогут больше выдерживать внутреннюю или иностранную конкуренцию; исчезнут покупатели, и разорение хозяев разорит рабочих»².

Сохранить же цены на прежнем уровне за счет сокращения прибылей — совершенно невысказано! Это значило бы нарушить «естественное развитие» того капиталистического режима, олицетворением которого является господин Тьер.

Он реакционер во всех областях и систематически отвергает всякий прогресс — как строительство железных дорог, так и демократическую налоговую систему. «Можно,— заявляет он,— посредством некоторых налогов, например подоходного налога, прийти к социализму, то есть отобрать состояние у тех, кто чем-нибудь владеет»³.

Тьер — дока по части политического ренегатства. Союзник республиканцев до 1830 года, он,

¹ См Paul Delesalle, Paris sous la Commune, Bureau d'éditions, 1937.

² „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t II, p. 20

³ Там же

став министром короля Луи Филиппа, организует их резню на улице Транснотен (1834 год), а своим планом укреплений, направленных против Парижа, подготавливает их всеобщее истребление. (Так, форт Исси строится на расстоянии одного километра от крепостного вала Парижа, с таким расчетом, чтобы в случае надобности держать под огнем кварталы, расположенные на левом берегу Сены. Первым сооружают форт Эпин, и где? — на высотах Пер-Лашез!)

Накануне февраля 1848 года, чувствуя приближение народного восстания, Тьер заявил в палате: «Я принадлежу к партии революции». А четыре месяца спустя он дает советы артиллеристам генерала Кавеньяка, как раздавить восставших рабочих.

15 июля 1870 года, сделав из предосторожности несколько ораторских оговорок, он голосует за кредиты для ведения династической, несправедливой, реакционной войны, направленной против объединения Германии. 9 сентября, в тот момент, когда Карл Маркс протестует во втором воззвании Генерального совета Интернационала против аннексии Эльзаса и Лотарингии и выступает против войны, превратившейся из войны национальной в войну завоевательную, Тьер готов идти навстречу желаниям Бисмарка!

После 9 сентября он советует Жюлю Фавру просить при посредничестве лондонского кабинета тайного свидания с прусским канцлером. Для всех посольств этот шаг был секретом полишинеля. Австрийский посланник в Париже, пользуясь отнюдь не дипломатическим языком, в котором сквозит презрение к адвокатам из парижской Ратуши, писал в Вену: «Жюлю смертельно хочется заключить мир»¹.

«Видимость сопротивления и мир любой ценой!» Такая линия поведения Тьера отнюдь не была

¹ J. P. T. Bury, Gambetta défenseur du territoire, p. 59

продиктована гуманными, пацифистскими побуждениями. Он — типичный представитель капиталистов, а пораженчество отвечало интересам класса эксплуататоров.

Франция может победить Пруссию, только мобилизовав все живые силы народа, и прежде всего все живые силы рабочего класса. Но как принять помощь рабочего класса, не отведя ему того места, которое он заслужил своей решимостью и принесенными им огромными жертвами? Прибегнуть к помощи рабочего класса — это означало бы одновременно содействовать стремительному росту влияния Интернационала, ограничению прибылей и усилению угрозы пролетарской революции.

Капиталисты с ужасом вспоминали годы, предшествовавшие началу войны, когда Интернационал благодаря организации пролетарской солидарности добился успеха многих стачек. Наполеону III не удалось приручить рабочий класс. Он не смог задушить Интернационал. Теперь, когда благодаря поддержке народа буржуазия взяла власть в свои руки, ей нужно было срочно покончить со своим бывшим союзником, если она не хотела, чтобы он посягнул на ее привилегии.

Классовая ненависть — вот что определяло поведение Тьера. Он знает, как следует расценивать планы пролетариата на будущее. Он читал и перечитывал статью в «Marseillaise»¹, где за полгода до того Варлен определял эти планы следующим образом:

«Предстоящая революция только в том случае будет завершена, если она не ограничится простой сменой правительственной этикетки и кое-какими частичными реформами, если она решительно освободит трудящегося от всякой капиталистической или политической эксплуатации и установит справедливость в социальных отношениях».

В ушах Тьера еще болезненно звучали гордые слова, произнесенные Лео Франкелем 22 июня 1870 года, во время третьего процесса членов парижской организации Интернационала.

«Цель Международного Товарищества состоит не в повышении заработной платы рабочих, а в полном уничтожении наемного труда, который представляет собой не что иное, как замаскированное рабство»¹.

С подобными людьми невозможен никакой компромисс! Рабочий класс, Интернационал — вот «враг, которого надо обезоружить!» — писал год спустя первый председатель судебной палаты в Бурже, когда Коммуна была уже раздавлена и можно было говорить обо всем открыто, не скрывая более своей постоянной цели:

«Нынешнее положение требует определенных средств борьбы. На всякого рода экономические эксперименты, на уступки духу ассоциаций или повышение заработной платы, на развитие благотворительных и просветительных учреждений, на приюты и сберегательные кассы... не следует даже рассчитывать как на действенные средства умиротворения. Речь идет не о том, чтобы их [революционеров.— М. Ш.] излечить, а о том, чтобы сделать их бессильными».

Заклеймить позором Интернационал и «лишить этих заговорщиков национальной принадлежности» посредством «специального закона!»². А затем не будет уже ничего проще, как восстановить рабочие книжки и отменить право стачек, как этого требовал в тот же период председатель судебной палаты

¹ „Troisième procès de l'Association internationale des Travailleurs à Paris“, p. 218.

² Доклад Бодуэна, первого председателя судебной палаты в Бурже (25—29 августа 1871 года). „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, Cerf-Versailles, t. I, p. 487.

¹ „La Marseillaise“, 11 mars 1870.

в Тулузе¹. Тогда Интернационал не осмелится больше «фальсифицировать стоимость рабочей силы...»

«Мир любой ценой» позволит направить все усилия против подлинного классового врага — против пролетариата. Поэтому Тьер и ему подобные не считают, что они совершают предательство. Напротив, они защищают интересы господствующего класса, которые они, понятно, отождествляют с высшими интересами страны.

Лефрансе был прав, утверждая:

«Все, кто управляет и распоряжается в Париже, охвачены одним стремлением — капитулировать как можно скорее, дабы помешать Парижу, спасающему своим сопротивлением республику, обеспечить торжество революции»².

В тот момент, когда в патриотической печати Парижа раздавались взволнованные призывы к оружию, когда пролетарии столицы обучались воениному делу и жаждали броситься на врага, изменники всех мастей, движимые классовой ненавистью, осаждали Бисмарка всевозможными предложениями.

11 сентября в оккупированном Реймсе Бисмарк принял владельца фирмы «Шампань вёв Клико» («Champagnes veuve Cliquot»), депутата Верле. Беседуя с Бисмарком о мерах, которые необходимо принять во избежание беспорядков, Верле сказал: «Действительно, существует опасение, как бы трудящиеся классы не высказались в пользу радикальной республики»³.

¹ См. доклад Каро, председателя судебной палаты в Тулузе (29 августа 1871 года). „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t. I, p. 536.

² Gustave Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 400.

³ „Mémoires de Bismarck“, Eug. Fasquelle, éditeur, 1898, t. I, p. 116

В голове Бисмарка зреет «великая» идея

«Франция до некоторой степени разделена на две нации: Париж и провинцию; вторая — добровольный раб первой. Нужно освободить Францию от тирании Парижа»¹

Орудие, необходимое для подобного «освобождения», было у Бисмарка под рукой. Это тот самый Базен, который на протяжении месяца давал неоднократные доказательства своего нежелания сражаться. В газете «Indépendant rémois» («Реймская независимая») («независимая» от кого? Уж наверное не от прусской главной квартиры!) Бисмарк заигрывает с Базеном. Подчеркивая тот факт, что парижское правительство представляет лишь часть депутатов «левой» бывшего Законодательного корпуса и поэтому не может быть признано законным, он заявляет, что немцы готовы «вступить в переговоры с маршалом Базеном, которому вручил командование император». Излишнее нетерпение со стороны Бисмарка. Не успели высохнуть чернила, которыми была написана эта статья, как прусский принц Фридрих-Карл, командовавший германской армией, стоявшей под Мецем, получил от Базена письмо с предложением вступить в переговоры!

Бисмарк злорадствует в кругу своих приближенных: «Послушайте, нам, пожалуй, следовало бы подумать о том, чтобы заставить Париж в виде наказания сохранить императора!»².

14 сентября в ноте послу Великобритании в Париже лорду Лайонсу Жюль Фавр в свою очередь раскрывает карты:

«Правительство национальной обороны подпишет перемирие, а затем созвет Нацио-

¹ „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 116.

² На вопрос своей жены: «Скажи мне, пожалуйста, первое условие мира — пожизненное сохранение французского трона за Луи Наполеоном — решено окончательно?» Бисмарк 12 сентября ответил: «Да, если это окажется возможным» („Lettres de Bismarck à sa femme“, p. 86)

нальное собрание, которое ратифицирует мирный договор».

Все ясно. Заключение перемирия равносильно заключению мира. Заранее ясно, что будущее Национальное собрание ратифицирует условия мира, хорошо известные, поскольку Бисмарк (к которому обращались через посредников) уже назначен Вильгельмом *генерал-губернатором Эльзас-Лотарингии!*

Вечером 14 сентября Бисмарка посетил в Мо атташе британского посольства и вручил ему письмо лорда Лайонса, предлагавшего вступить в переговоры с Жюлем Фавром¹.

Все вокруг соревнуются в предательстве. Бисмарку сообщили о предстоящем прибытии из Лондона некоего Ренье, претендующего на звание уполномоченного императрицы-регентши Евгении.

Поистине, говорит Бисмарк,

«Франция — это нация ничтожеств, настоящее стадо. Французы лишены всякой индивидуальности; они образуют массу, что-то около 30 миллионов кафров, готовых повиноваться приказам свыше. *Это был бы довольно ловкий ход — выделить из этой бесхребетной массы фалангу, способную подчинить себе остальных!*»².

Вы заблуждаетесь, господин канцлер! Глубоко заблуждаетесь! Даже не зная обо всех этих темных делах, наиболее дальновидные патриоты разоблачают пораженчество мнимых защитников Франции.

9 сентября в газете «Patrie en danger» Бланки говорит о том, что народ *«принял всерьез патриотический энтузиазм прессы, но ему кажется, что дела расходятся со словами. Он сомневается»*.

14 сентября Флуранс пишет своему брату:

¹ См. „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 120.

² Там же, стр. 121.

«Правительство национальной обороны предаёт нас из ненависти к пролетариату».

15 сентября сомнения Бланки приобретают более определенный характер. Среди воинственной шумихи он различает

«что-то лживое и натянутое, создается леденящее душу впечатление, будто все это кипение — одно притворство, мыльный пузырь, который того и гляди лопнет.

Душу охватывает сомнение. Сердце сжимается, подозревая чудовищную ложь¹. *Что одержит верх — энтузиазм масс или хитрость маленькой кучки?..* Сопrotивление врагу лишь чисто внешнее... Кто знает, не закончится ли комедия войны позорным миром?»

16 сентября появляется первая красная афиша, подписанная Жюлем Валлесом, Эдуаром Вайяном, Бенуа Маломом, Ранвье, Лонге, Мильером, Пенди, Лефрансе и Кюзере. Она представляет собой манифест Центрального комитета 20 округов Парижа, требующего проведения выборов муниципальных советов и судей, полной свободы печати, собраний и ассоциаций, учета продуктов питания первой необходимости и распределения их по рационам, вооружения всех граждан и отправки в провинцию комиссаров, чтобы поднять ее на борьбу, — то есть всех тех мер общественного спасения, которых не принимает правительство!

Пруссаки движутся небольшими переходами к Парижу. Они не спешат. В интересах Бисмарка, убежденного в том, что никто его серьезно не атакует, дать пораженцам время подорвать оборону изнутри. Впрочем, разве Жюль Фавр не находится уже на пути в резиденцию Бисмарка в Ферьере?

¹ Та же мысль возникла несколько недель спустя у Флобера: «Почему такое бездействие? Не разыгрывается ли за кулисами какая-нибудь омерзительная комедия?» („Correspondance“, t. 14, p. 166). Цитируется у Н. Guillemin, L'héroïque défense de Paris, 1959.

Утром 18 сентября Жюль Фавр выезжает из Парижа в наемном экипаже через ворота Шарантон; по дороге его приветствуют национальные гвардейцы, полагающие, что он совершает осмотр укреплений. Добрая воля и доверие людей из народа неизменны: они берут «на караул» человеку, который готовится вступить в переговоры с врагом!

В Париже будут строго хранить его тайну. Жюль Фавр по крайней мере на это надеется. В нее посвящено всего трое заговорщиков: инициатор этого шага Тьер, отправившийся с визитом в качестве чрезвычайного посла по европейским дворам, глава правительства и генерал-губернатор Парижа Трошю (хитрец, организовавший незначительную военную вылазку в направлении Шатильона, но не перестававший взывать «к чувству осторожности» своего друга — генерала Дюкро) и военный министр Ле-Фло, поручивший одному из своих офицеров проводить Жюля Фавра на аванпосты. Они остереглись поставить об этом в известность Гамбетту, этого «буйно помешанного»¹, верившего в национальную оборону.

И вот в Ферьере происходит встреча между исполненным высокомерия канцлером и изворотливым адвокатом, надевшим для данного случая, по мнению Бисмарка², личину отчаявшегося человека.

Они сразу же поняли друг друга благодаря общности идей и языка.

Бисмарк: *Вы, несомненно, заинтересованы в том, чтобы договориться, и притом как можно скорее! Вас породил мятеж, и вы завтра же можете быть свергнуты парижской чернью!*³ Кроме того, если вы не нач-

¹ По выражению Тьера (на заседании Национального собрания 8 июня 1871 года).

² „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 130.

³ „Compte rendu de J Favre“, „Journal Officiel“, 23 septembre 1870

нете тотчас же переговоры, я могу договориться с Базеном или с императрицей-регентшей, специальный уполномоченный которой ждет меня в соседней комнате. Я затрудняюсь только выбором.

Жюль Фавр: Хорошо, каковы в таком случае условия мира?

— Вы их знаете. Много золота. Кроме того, Эльзас и мозельский четырехугольник. Это вопрос решенный. К нему незачем возвращаться: я уже назначен туда генерал-губернатором.

— Чтобы подписать подобный мир, нам нужно созвать Национальное собрание.

— Согласен, но мы установим свои пушки на Мон-Валерьяне, чтобы держать Париж в повиновении.

— Нет, добиться принятия такого условия будет невозможно. Нельзя ли созвать Национальное собрание в Туре? Для его созыва было бы достаточно двухнедельного перемирия.

— Я согласен, чтобы черни говорили о перемирии, но наши условия мира должны быть приняты, разумеется, уже теперь. И так как предосторожность никогда не бывает излишней, то нам сейчас же нужны осязательные гарантии вашей готовности ничего не оспаривать; например, немедленная капитуляция крепостей Страсбург, Туль и Фальсбург, которые еще оказывают нам сопротивление.

— Ну, полноте! В тот момент, когда мы уже почти договорились, вы создаете для меня новые трудности! Уверяю вас, что на нас можно положиться! Итак, я возвращаюсь в Париж, к своим коллегам, чтобы обсудить с ними ваши предложения. После чего я вернусь («я буду здесь завтра»).

Вот в нескольких фразах итог двухдневных переговоров¹.

Жюль Фавр пускается в обратный путь в Париж, вполне довольный собой. Однако по прибытии в столицу его охватывает разочарование. Его секрет раскрыт. Как и все парижане, он читает в «Electeur libre» сообщение, расстроившее его превосходную комбинацию. В статье под утверждающим заголовком «*Перемирие*», словно речь шла о совершившемся факте, сообщалось об отъезде Жюля Фавра «в ставку прусского короля» в результате посредничества британского посла, который десять дней назад просил о таком свидании. «Electeur libre» всеми силами старается убедить своих читателей в серьезности этого дела:

«Заместитель председателя правительства национальной обороны мог предпринять подобный шаг, только будучи уверен в том, что ему окажут прием, достойный Франции, и твердо рассчитывая на благоприятный исход.

Поэтому мы надеемся на быстрое достижение результатов, соответствующих нашим желаниям. Лорд Лайонс не стал бы вмешиваться, а Жюль Фавр не покинул бы свой пост, чтобы принести нам одно разочарование.

Следовательно, можно рассчитывать на заключение перемирия, за которым вскоре последует мир».

Тайна раскрыта. Плоды ее достались министру финансов Эрнесту Пикару. Он передал статью в газету, руководимую его братом, Артюром Пикаром, банкиром сомнительной репутации, тесно связанным с биржевыми кругами. Сообщение о перемирии и мире привело к повышению курса ренты на 60 сантимов, и оба брата немало на этом зара-

¹ См. по этому вопросу замечательное исследование Henri Guillemin, *Ferrières en Tapinois*, „Les Temps modernes“, mai — octobre, 1956.

ботали. К тому же классовые интересы совпадали с их личными интересами. Открыто говорить о перемирии — не значит ли это ускорить заключение мира, столь желанного для буржуазии?

Но «улица» волнуется. 20 сентября в зале «Альказар» состоялось общее собрание представителей 20 комитетов бдительности, которое приняло и опубликовало следующие резолюции:

I

Республика не может вести переговоры с врагом, занимающим ее территорию.

II

Париж готов скорее похоронить себя под развалинами, чем сдаться.

III

Немедленно будет издан декрет о всеобщем наборе в Париже и в департаментах, а также о реквизиции всего, что может быть использовано для обороны страны и для снабжения ее защитников.

IV

Муниципальная полиция будет немедленно передана в ведение Парижской Коммуны, и, следовательно, полицейская префектура будет упразднена.

V

Скорейшее избрание членов Парижской Коммуны из расчета один муниципальный советник от десяти тысяч жителей¹.

¹ „Murailles politiques françaises“, t II, p 617.

Делегация в составе двадцати человек¹ представила текст этих резолюций в Ратушу. Там она встретила около сотни офицеров национальной гвардии Бельвиля, Монмартра, Ла-Виллет, предместий Сент-Антуан и Тампль во главе с Радуа из Республиканского альянса, явившихся протестовать против позиции, занятой временным правительством в вопросе о мире и перемирии. «Да здравствует республика! Долой Бисмарка!» — раздавалось на площади, где манифестировала огромная толпа народа. По бульварам проходили бурные процессии, демонстранты несли плакаты, призывавшие: «К оружию!»

На следующий день в Ратушу явились новые делегации: от командиров местной национальной гвардии, от добровольных сестер милосердия, от Центрального республиканского комитета.

Но положение спасает «оплошавший» Пикар, грозивший отставкой, если будет начато следствие в связи со статьей, опубликованной в его газете «Electeur libre». Воспользовавшись в качестве предлога несколькими пушечными выстрелами в пригороде, он появился перед делегациями, иступленно вопя: «К оружию! На валы! Враг атакует нас!»² И доверчивый народ покидает Ратушу и устремляется навстречу пруссакам. Уф! Дешево отделались!

Лучшее средство «обуздать племс» — это кричать громче его. Из всего этого удастся выпутаться, если правительство, как утверждает Жюль Ферри, будет «восхвалять и поддерживать как гарантию порядка, вдохновляющий чернь патриотический бред». Надо сделать вид, будто прави-

¹ В том числе Ш Белэ, Камелина. Дюваль, Жоаннар, Лонге и Ранвье.

² См „Le Figaro“, 23 septembre 1870. С помощью подобного же трюка Жюль Фавр рассеял 8 октября национальных гвардейцев во главе с их храбрым командиром Сапиа (Отчет об этой манифестации можно найти в „Journal Officiel“ Коммуны от 11 апреля 1871 года)

тельство разделяет *«безумную мысль о возможности выдержать осаду»* И оно выпускает прокламацию!

Прокламация правительства:

«Распространяют слухи, что правительство национальной обороны намерено отказаться от политики, для проведения которой ему был доверен этот почетный и опасный пост.

Эту политику можно сформулировать следующим образом: *мы не уступим ни пяди нашей земли, ни камня наших крепостей.*

Подает голос и «Journal Officiel»:

«Враг разоблачил себя перед нами. Он ставит нас перед выбором: долг или бесчестье; наш выбор сделан».

Черт побери! Они выбрали бесчестье, но продолжают утверждать: *«Париж будет сопротивляться до последней крайности».*

23 сентября в «Journal Officiel» появляется отчет о свидании в Ферьере, отчет, над которым Жюль Фавр трудился в поте лица своего в течение двух дней. Ему надо было оправдаться. И это ему превосходно удалось благодаря его несравненному таланту бесстыдного комедианта. Он, видите ли, ездил в Ферьер не для переговоров, а для разоблачения злой воли и аннексионистских намерений врага. Раз все предприятие лопнуло вследствие оплошности Пикара, а прохода Тьер может перехватить ведение переговоров, надо выпутываться. В Ферьере он плакал. Он корчился от горя. «Бог, который все видит, решил наши судьбы». Справедливость, свобода и т. д. и т. п.

Тем временем генерал Дюкро, которому Трошу предусмотрительно не послал подкреплений, дал разбить себя у Шатильона, что не удивительно, когда знаешь о его отношении к национальным гвардейцам, этой «банде франтиреров». «Я удерживал

при себе тех, которые находились в моем распоряжении, *ибо это были элементы беспорядка, удаленные из Парижа*¹. Но в бой² он их не вводил. Впоследствии это не помешало Трошю взвалить ответственность за поражение на национальную гвардию и обвинить ее в трусости. В то же время правительство, не скупясь, расходовало государственные средства: национальным гвардейцам была установлена ежедневная плата в размере 30 су. «Получатели 30 су» или «войки до последней крайности» — вот ярлыки, которые пораженчески настроенная буржуазия беспрестанно наклеивала на национальных гвардейцев-патриотов.

Что бы ни делала национальная гвардия, она, по мнению Трошю, всегда виновата: ее непременно нужно дискредитировать, ибо, как справедливо замечает Флуранс, *«национальная гвардия должна была играть в планах Трошю ту же роль, какую играли в 1848 году национальные мастерские»*³.

После февральских дней 1848 года рабочие ждали, что «социальная» революция, победе которой они содействовали, даст им работу, по крайней мере они верили в это. Но стоявшая у власти буржуазия, чтобы дискредитировать социалистические идеи, набрала в национальные мастерские безработных, установив для них поденную плату, в 23 су и поручив им выполнение различных бесполезных или непроизводительных работ. В то же время правительство установило дополнительный налог в 45 сантимов на каждый франк прямых налогов, что ударило главным образом по крестьянству. После этого реакционеры подняли крик:

¹ Свидетельские показания 30 июня 1871 года в Парламентской следственной комиссии.

² В своих свидетельских показаниях, данных следственной комиссии по делу о восстании 18 марта, генерал Ле-Фло заявил: «Во время некоторых наших вылазок в резерве оставались 50, 60 и даже 80 батальонов национальной гвардии; им не давали сделать ни одного ружейного выстрела».

³ G. Flourens, Paris livré. Librairie Internationale, 1871, p. 104

отнимать у нас деньги и создавать видимость работы — вот что такое социализм! Завершением этой политической махинации было решение о закрытии национальных мастерских, которое спровоцировало кровавые июньские дни 1848 года и разгром пролетариата.

Итак, снова прибегли к испытанному методу. «Красные» хотят национальной войны, всеобщего набора, массовой вылазки национальной гвардии? Они хотят доказать, что вооруженный народ способен спасти отечество? И буржуа берутся доказать все безумие подобных намерений! Национальную гвардию не вводят в бой, ее стараются дезорганизовать, измотать бесполезными караулами на валах, беспрестанными «разведывательными операциями» без определенной цели. Используют малейший предлог, чтобы изобразить «получателей 30 су» пьяницами и трусами, сбродом, который надо распустить.

«Помнится,— пишет реакционер Сарсэ,— когда мне однажды понадобились визитные карточки, я отправился к граверу, который сказал мне: «Сударь, теперь, во время осады, у нас нет рабочих, в нашем производстве они зарабатывают всего лишь от 3,5 до 4 франков и предпочитают получить полтора, ничего не делая». *Это были знаменитые национальные мастерские, возрожденные в инсй форме.* Шам¹ намекает на это в одном из своих рисунков, полных остроумия и здравого смысла. На нем изображен национальный гвардеец слегка навеселе, страстно обнимающий свое ружье: «Мой друг, мое сокровище,— говорит он,— мое добро, моя радость, мое утешение, моя национальная мастерская!»²

¹ Известный французский художник-карикатурист
Прим. ред.

² Francisque Sarcey, Le Siège de Paris, Lachaud, 1871, p. 178.

В обстановке этой путаницы и двуличия Бланки не теряет ясности своих суждений. 22 сентября он пишет в газете «Patrie en danger».

«После 4 сентября у правительства мнимой обороны только одна мысль — мир; но не почетный мир, а мир любой ценой. Это его мечта, его навязчивая идея... Оно не верит в сопротивление, оно уверено в неизбежной победе пруссаков... Какое же может быть желание сражаться, когда не сомневаясь в поражении?»

Но у газеты «Patrie en danger» всего несколько сот читателей.

2 октября правительство издало декрет, отменявший принятое ранее решение о проведении выборов в Учредительное (Национальное) собрание.

Лавирование правительства в вопросе о выборах весьма показательно. 8 сентября уже было решено заключить мир. Следовательно, необходимо было, как этого требовал Жюль Фавр, «какое-нибудь Собрание, с которым неприятель мог бы вести переговоры»¹. Поэтому выборы были назначены на 16 октября.

16 сентября Трошю узнал, что со дня на день Жюль Фавр будет принят Бисмарком и что перемирие неизбежно. Поэтому он торопится созвать Национальное собрание, которое одобрило бы условия мира. В результате правительство переносит созыв Учредительного собрания на 2 октября. Чтобы заставить замолчать «крикунов», можно даже позволить себе такую роскошь, как решение о проведении муниципальных выборов еще раньше этого срока.

¹ „Procès-verbaux des seances du Conseil de gouvernement de la defense nationale“ (Dréo) p. 90

Но 22 сентября осуществление проектов о перемирии и мире пришлось отсрочить вследствие «злополучного» исхода свидания в Ферьере, и правительство объявляет, что «ввиду некоторых обстоятельств» выборы будут отложены! Каких обстоятельств? Для народа обстоятельства одни и те же, как 22-го, так и 16 сентября! Но для правительства дело обстоит иначе. Поскольку капитуляция задерживается, не нужно и Национального собрания для ее утверждения. Наоборот, отказаться от него — это значит не допустить также и муниципальных выборов в Париже, то есть изгнать прирак «Коммуны».

Именно это и разъясняет правительство, находящееся в Ратуше, правительственной делегации, пребывающей в Туре и легкомысленно решившей провести всеобщие выборы 16 октября.

Необычайно трезво (и вопреки общему мнению, ибо народные массы Парижа еще верят в патриотизм министров) Бланки вновь заостряет внимание на «обороне» («Patrie en danger» от 3 октября)

«...Где она? Все одна ложь и притворство. Париж никогда не обороняли, не обороняют и не будут оборонять. Пруссаков беругут как средство против «демагогии»

К несчастью, влияние старого революционера среди народных масс было крайне ограниченным, к тому же он не уделял достаточного внимания организации масс на борьбу против правительства.

«Мы чувствовали,— пишет Флуранс¹,— как каждый потерянный в бездействии день безвозвратно отнимает у нас лучшие шансы на успех... Что было делать? Самые пламенные призывы республиканских газет не на-

¹ G. Flourens, Paris livré, p. 106

ходили отклик. Трошо продолжал спать или совершать бесполезные прогулки в форты и на аванпосты. Мы должны были действовать, в противном случае мы стали бы соучастниками измены».

5 октября пять батальонов национальной гвардии Бельвиля во главе с офицерами направились к Ратуше, чтобы потребовать у правительства выдачи двух тысяч «шаспо», лежащих без пользы на государственных складах, всеобщего набора, полного изменения военной тактики, немедленного выступления против пруссаков не мелкими отрядами, а войсковыми частями, достаточно мощными для одержания победы, проведения муниципальных выборов, реквизиции всех продуктов питания и их распределения по рационам.

Трошо уклоняется от встречи под тем предлогом, что его ждут на аванпостах: если пруссаки совершат прорыв, то в этом будут повинны бельвилцы! Флуранс, которому все это внушало отвращение, тотчас же сложил с себя полномочия командира: «В то время Париж еще верил Трошо¹. Он еще слыл честным человеком, настолько успешным было его притворство!»²

Все же эта манифестация заставила правительство направить 7 октября Гамбетту на воздушном шаре в Тур, где правительство национальной обороны было представлено в течение трех недель несколькими немощными стариками.

Крайний реакционер Фидюс проявил известную пронизательность в своем истолковании истинных причин этого решения:

«Кое-кто склонен объяснять отъезд Гамбетты следующим образом: его коллеги, видя его готов-

ность признать правоту коммунистов [синоним патриотов в словаре Фидюса.— М. Ш.], предложили ему отправиться в провинцию для того якобы, чтобы подогреть ее, а в действительности для того, чтобы избавиться от него»¹.

Это вполне правдоподобно. Если приспособленца Рошфора² Жюль Фавр предпочитал иметь «лучше внутри» правительства в качестве его добровольного пленника, чем «вне» его, где он подвергался бы нажиму со стороны народных масс, то Гамбетту он предпочитал держать как можно дальше от решающего пункта осуществления своих пораженческих замыслов, ибо в этом случае он представлял для них меньшую опасность.

С момента прибытия в Тур, 9 октября, Гамбетта показал себя «пламенным патриотом»:

«Ваш первый долг,—заявил он населению департаментов,—не позволить отвлечь себя никакими иными заботами, кроме войны, кроме борьбы не на жизнь, а на смерть... Людей достаточно. Не хватает только решимости, смелости и последовательности в осуществлении намеченных проектов... Поднимем же все сообща и скорее умрем, чем потерпим позор расчленения... Да здравствует Нация! Да здравствует Республика, единая и неделимая!»³

Однако в то же время Гамбетта старается сдерживать революционный порыв в крупных городах Юга (основавших патриотическую Лигу, ратовавшую за оборону страны), например в Лионе, где республиканские комитеты и национальная гвардия создали 4 сентября Коммуну, а также в Кре-

¹ Варлен, командовавший 193-м батальоном национальной гвардии (VI округ), был смещен своими людьми за то, что он участвовал в антиправительственной манифестации 8 октября. См. Maurice Foulon, Eugène Varlin, Editions Montlouis, Clermont-Ferrand.

² G. Flourens, op. cit., p. 109

¹ „Journal de Fidus“, p. 147—148.

² Он одобрил миссию, порученную Тьеру; этим все сказано [см. показания Тьера перед Парламентской следственной комиссией („Enquête parlementaire sur l'insurrection de 18 mars“, t. II, p. 3)].

³ „Murailles politiques françaises“, t. II, p. 638.

зо, где Гамбетта поддержал Шнейдера против мэра-социалиста, рабочего Дюмэ¹.

В критические периоды предусмотрительная буржуазия не ставит все на одну карту. Тьер — это ее ставка на поражение во имя укрепления господства имущих классов. Гамбетта — это ее ставка на победу. Таким образом, что бы ни случилось, «красные» не смогут присвоить себе монополию на патриотизм. Если «сотрудничество» с врагом потерпит крах, то наготове имеется другая группа буржуазии, обладающая высоким престижем, группа «подлинных борцов», которая после победы сумеет обуздать сопротивление народа и его социальные притязания.

Пока Гамбетта пытается сформировать в течение нескольких недель новые армии, изменники продолжают свою подрывную работу в Париже. Лондоне, Меце.

13 октября, приказав войскам атаковать Баньё, который им удалось захватить, Трошю оставил их без подкреплений, а затем велел отступить.

21 октября — новая операция, на этот раз у Мальмезона. Наступательный порыв войск так стремителен, что, несмотря на численную слабость французов (6350 солдат!), они опрокинули пруссаков. Но Трошю оставляет эти части на произвол судьбы, и то, что могло стать крупной победой, превращается в кровопролитное отступление.

Не более утешительно и то, что происходит в Меце. Чтобы предвидеть в тот период ход событий, достаточно было придавать официальным декларациям прямо противоположный смысл. Комендант

¹ Pierre Ponsot, Les grèves de 1870 et la Commune de 1871 au Creusot.

крепости Мец генерал Коффиньер утверждал 13 сентября в напыщенной прокламации.

«Армия, стоящая под нашими стенами, нас не покинет».

С этой минуты можно было не сомневаться, что Базен готовит предательство; и действительно, первое письмо Базена к принцу Фридриху-Карлу написано 12 или 13 сентября.

Мы видели, как 20 сентября в Ферьере, желая оказать давление на Жюля Фавра, Бисмарк использовал присутствие другого посредника-конкурента, авантюриста Ренье, выдававшего себя за специального уполномоченного императрицы-регентши. И мы увидим, как Бисмарк использует то же лицо, стремясь воздействовать на Базена.

23 сентября под прикрытием миссии Красного Креста Ренье перешел линию фронта. Принятый сначала генералом де Сиссэ (одним из будущих палачей «кровавой недели»), он предстал затем перед Базеном, который сообщил ему о своем согласии вступить в переговоры, но как можно скорее, так как продовольственных запасов его армии хватит только на двадцать пять дней (ценные сведения для Бисмарка). На следующий день Ренье возвращается к Базену. Бисмарк согласен на поездку к императрице-регентше одного из генералов Рейнской армии, которому поручили бы пригласить ее в Мец, чтобы созвать там Законодательный корпус и, опираясь на армию, восстановить во Франции «порядок». 25 сентября под презрительными взглядами прусских часовых Бурбаки пересекает линию фронта и направляется в Лондон.

Все эти странные передвижения через линию фронта вызывают подозрения у офицеров-патриотов. Молодой капитан Луи Россель, возглавивший через полгода вооруженные силы Коммуны, рассказывает в своих воспоминаниях¹ об одном поучи-

¹ Louis Rossel, Mémoires et correspondance, Stock, Paris, 1908, p. 158.

тельном разговоре: на вопрос Базена, что говорят о нем в Меце, один из офицеров ответил:

«Говорят, что вы изменник. Говорят, что вы умышленно губите армию, чтобы устранить препятствия, мешающие осуществлению ваших замыслов. Говорят, что вы хотите добиться реставрации «в пользу малолетнего принца и самому стать регентом».

4 октября, чтобы заставить всех поверить в попытку прорыва, Базен организовал маленькую вылазку «в стиле Трошю». Несмотря на все принятые им предосторожности, она едва не увенчалась успехом, столь велик был яростный натиск солдат. Потребовалось оставить их на полдня под градом артиллерийских снарядов врага, чтобы немного охладить их воинственный пыл...

7 октября, стремясь вовлечь в заговор всех своих подчиненных, Базен созывает их на военный совет. Мнение их *единодушно*: у Рейнской армии только одна миссия — *охрана общественного порядка*.

9 октября Бурбаки, которому не удалось добиться аудиенции в Лондоне, все еще не вернулся в Мец. Базен принимает ряд мер, позволяющих судить о его намерениях: он опустошает армейскую кассу, уплатив всем офицерам жалованье вперед по 1 января.

10 октября решено послать к Бисмарку нового эмиссара, генерала Буайе, с письмом, которое не нуждается в комментариях:

«В момент, когда обществу грозит опасность со стороны партии насилия, чьи стремления не могут привести к решению, коего ищут здравомыслящие люди, маршал, командующий Рейнской армией, воодушевляемый желанием спасти свою родину и избавить ее от эксцессов внутри страны, обращается к своей совести и спрашивает себя: *не предназначено ли армии, находящейся под его командованием, стать оплотом общества?»*

В таком тоне составлен весь документ. Прусский король является победителем, пусть так, но он не может быть заинтересован в роспуске *единственной силы, способной ныне обуздать анархию*. Действия германской армии против Парижа с целью восстановления «порядка» породили бы значительно большие трудности, чем действия Рейнской армии, которая одна только способна гарантировать Пруссии выполнение «обязательств, коих она могла бы потребовать в настоящее время!»

Ничего даром не дается: позвольте нам восстановить в Париже «порядок» — и вам за это заплатят!

18 октября Базен вызывает к себе Росселя и угрожает ему строгим взысканием, если он будет и впредь обсуждать с другими офицерами меры, которые следует принять «в случае капитуляции, так как о ней, упаси бог, никто еще и не помышляет»¹.

О ней так мало помышляли, что 19 октября генералам сообщили следующие «новости», приведенные Буайе:

«Во Франции нет больше правительства... Тулуза и Юг отделились от Франции... Руан и Гавр призвали немцев, чтобы избавиться от социалистов. Возможно только одно правительство — это регентство: нужно, чтобы армия вернулась внутрь страны для восстановления порядка и свободы (sic)»².

20 октября Буайе снова выезжает в прусскую штаб-квартиру, откуда его направляют в Лондон. «Записка» Базена к его генералам подтверждает данное Буайе поручение: «Просить императрицу дать свое согласие».

Россель и его друг Буанваль тщетно пытаются поднять гарнизон Меца. В Лондоне же императрица соглашается поставить свою подпись только

¹ Louis Rossel, Mémoires et correspondance, p. 153

² Там же, стр. 148.

под просьбой о двухнедельном перемирии, в течение которого крепость Мец должна снабжаться продовольствием.

Тьер, вернувшись из своей поездки по дворам Европы, находился в Туре, в гуще всех этих интриг Супруга маршала Базена тоже была в Туре вместе со своим деверем. По совету Тьера она обратилась к прусскому королю с просьбой дать ей разрешение на поездку к мужу в Мец. Тьер рассчитывал, что, если крепость продержится еще дней десять, он сможет за это время договориться о перемирии, а затем срочно отправиться в Мец¹, где ему нетрудно будет столкнуться с Базеном против Парижа.

Но 24 октября, узнав от Буайе о провале его миссии, Бисмарк сообщил Базену, что «нет больше никаких шансов достигнуть каких-либо результатов путем политических переговоров».

Он требует безоговорочной капитуляции! За этим дело не станет! К Бисмарку немедленно направляют генерала Шангарнье, чтобы предложить ее. Еще в течение двух дней Россель и несколько других офицеров пытаются организовать отчаянную вылазку и связаться с патриотами Меца, которые бьют в большой набатный колокол «Ла Мютт». Слишком поздно. Армия деморализована. Гражданское население бессильно. 27 октября Коффиньер сообщает в афише роковую весть:

«Итак мы вынуждены пасть, но мы падём с честью, побежденные только голодом»².

После сорока дней полного бездействия последняя регулярная армия Франции была предана Базеном: 175 тысяч человек с оружием и полным снаряжением, 1665 пушек, 13 тысяч лошадей.

Капитуляция «на почетных условиях»? Снова ложь! Базен сдал все знамена и отказался даже от предложенного победителем условия — вывести

из крепости один батальон, сохранив его солдатам оружие.

Предатели уважают закон своего мира, и Жюль Фавр всячески старается обелить Базена. После того как ежедневная газета «Combat» напечатала сообщение о капитуляции, Жюль Фавр послал своих полицейских разгромить помещение газеты. На следующий день в «Journal Officiel» он восхваляет «прославленного Базена, который держит шпагу Франции такой твердой и честной рукой», и пригвозждает к позорному столбу газету «Combat» («Борьба»), ведущую, по его словам, «борьбу пруссаков против Франции». 30 октября, когда скрывать правду стало уже невозможно, он выпускает прокламацию, в которой выдает Базену следующее свидетельство в патриотизме: «Маршал Базен и его армия после героических усилий вынуждены были сдать».

17 ноября «Journal Officiel» публикует большую статью в защиту Базена, которого после 1 ноября Гамбетта заклеил позором как предателя в прокламации, названной Тьером «омерзительной». А шесть месяцев спустя тот же Тьер, решивший использовать Базена для разгрома коммунаров и принявший меры для обеспечения безопасности маршала-изменника, заявил 29 мая 1871 года с трибуны версальского Собрания, что Базен, «один из наших великих полководцев», был жестоко оклеветан.

Накануне предания маршала-изменника Верховному суду Трошю, видящий в Базене «жертву царистских заблуждений», находит, что он имеет право на смягчающие обстоятельства¹.

Конец октября 1871 года. Трошю продолжает подставлять под удар французские войска. Представьте себе командующего армией, который зани-

¹ Dreyfus, Monsieur Thiers, p. 185.

² „Murs politiques françaises“, t II, 2e partie, p. 78

¹ Trochu, Pour la vérité, J. Hetzel et Cie, éd., p. 19

мает центральную позицию и располагает численым превосходством над неприятелем, чьи войска расположены по окружности длиною в сто километров, причем на каждый километр приходится около трехсот солдат. Если он хочет прорвать это окружение, то должен сосредоточить в каком-либо пункте значительные силы и ударить по врагу прежде, чем тот успеет перегруппировать свои войска. Трошю делает как раз обратное. Он вводит в бой лишь мелкие отряды и не дает им подкреплений. При таких условиях все неприятельские контратаки неизбежно оказываются победоносными.

28 октября на рассвете 300 франтиреров-печатников захватили в результате внезапной атаки Бурже. Поскольку дело касалось решающей позиции для прорыва окружения, расположенный в этом секторе отряд регулярных войск численностью в 1600 человек (*с двумя пушками*) занял освобожденную деревню. Трошю оставил его там без всякой поддержки, пока 15 тысяч пруссаков не перешли в контрнаступление и не истребили его там сорок восемь часов спустя. После этого главнокомандующий с омерзительным лицемерием выражал сожаление о

«печальном случае, имевшем место в Бурже, когда один отряд, захватив врасплох противника, не проявил должной бдительности и в свою очередь дал застигнуть себя врасплох».

Прежде чем писать подобную нелепость, Трошю следовало бы прочесть в своей же работе, опубликованной тремя годами раньше, строки, посвященные изучению паники, где он категорически утверждал, что

«ответственность за это ложится на командование, у которого почти всегда недостает мо-

рального авторитета, опыта и предусмотрительности»¹.

Судьба иногда может сыграть подобную шутку с генералами-политиканами.

Тьер до сих пор держался в тени, предоставляя Жюлю Фавру и Трошю исчерпать и дискредитировать себя. Он был уверен, что в нужный момент найдет поддержку у реакционеров всех мастей, которых он так хорошо защищал против «красных» в 1830 и 1848 годах, и намерен был появиться на сцене к моменту развязки в роли главного спасителя. Он милостиво согласился взять на себя роль чрезвычайного посла при европейских дворах, которая позволила ему изображать из себя великого патриота, ведущего переговоры о союзах, и под прикрытием этого преследовать свои цели.

В чем же, в сущности, заключалась таинственная миссия, порученная Тьеру? «Ему были даны инструкции,— рассказывает нам его министр иностранных дел Жюль Фавр,— *облегчить созыв Национального собрания*»², того Национального собрания, которое было необходимо для ратификации мира любой ценой, представлявшего собой единственную «цель войны» «правительства обороны». Условия мира, выдвинутые Пруссией и ставшие известными на следующий же день после Седана, оставались неизменными, и Бисмарк прекрасно знал, что Тьер «признает необходимость значительных жертв для достижения мира». По мере того как шло время и враг продвигался в глубь Франции, по мере того как одна капитуляция следовала за другой, у Тьера зрела мысль вновь сыг-

¹ Trochu, L'Armée française en 1867, Amyot éd., Paris, 1867, p. 250

² Показания перед Парламентской следственной комиссией („Enquête parlementaire sur les actes du gouvernement de la Défense nationale“, t I, p. 337).

рать главную роль и самому взяться за ведение переговоров о мире. Для этого ему нужно было добиться от правительства национальной обороны, «державшего в руках ключи от Парижа, права распоряжаться этими ключами»¹.

Цинизм высказываний политиков той эпохи иногда просто поражает. Следует, однако, отметить, что большая часть этих саморазоблачительных речей была произнесена не публично, не в тот момент и не перед народом, который мог бы осудить их, а впоследствии, перед парламентскими следственными комиссиями, или же содержится в посмертных изданиях, когда предательство уже совершилось. Тьер, Трошию и Фавр отнюдь не скрывают своих гнусных преступлений, наоборот, они ими кичатся: они совершили эти подлые дела в интересах своего класса. Они предали родину? Но разве для них важна родина? Для них важна, как это верно выразил вице-директор Французского банка маркиз де Плэк, «защита интересов»².

Искать ключи от Парижа Тьер отправляется в Россию. Царь приходился королю Пруссии племянником. Вот и необходимый посредник.

Послушаем рассказ самого Тьера о своей последней встрече с русским министром иностранных дел князем Горчаковым:

«...Если бы я даже и подписал мир в Версале, но не получил на это полномочий от правительства, которое я представляю, я бы ничего не достиг». На это русский канцлер ответил мне: «Хорошо; надо, чтобы вы отправились в Париж. Император напишет своему дяде и попросит его дать вам разрешение на проезд в Париж для получения полномочий, которые вам нужны». Дело было таким образом решено. Тем не менее я сказал князю Горчакову: «Не предприни-

майте этого шага, пока я вас не попрошу об этом телеграммой...»¹

Телеграмма не заставила себя ждать.

21 октября, прибыв в Тур, Тьер не жалеет слов. (Очевидно, дело подходит к концу².)

Однако на совещании правительственной делегации, где он отчитывается в своей миссии, он узнает «удивительные вещи» — вернее, досадные для него. Англия предлагает свои услуги в качестве посредника между обеими воюющими сторонами с целью заключения перемирия; она просит прусского короля смягчить условия мира и призывает Россию, Австрию и Италию предпринять подобные же шаги, открывая таким образом путь к посредничеству нейтральных держав, стеснительному для Пруссии.

Но если эта дипломатическая инициатива будет успешной, к чему же сведется роль незаменимого посредника, которую выбрал для себя Тьер? Что станет тогда с переговорами один на один между Францией и Пруссией, подготовленными в Петербурге?

«С точки зрения подлинных интересов Франции,— должен был признать потом один из его почитателей, Робер Дрейфюс,— Тьер, по-видимому, совершил в тот момент вполне искренне свою главную ошибку. Между предложением Англии, которое могло привести к созыву европейского конгресса, благоприятного для дела более слабой стороны, и предложением Горчакова, оставлявшим Францию один на один с Бисмарком, колебания были недопустимы. И Тьер не колебался, но он предпочел предложение Горчакова»³.

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t II, p. 4.

² A. Thiers, Notes et souvenirs, p. 51

³ Robert Dreyfus, Monsieur Thiers, Bernard Grasset 1928, p 180

¹ Thiers, Notes et souvenirs, p. 23.

² Charles Beslay, La Vérité sur la Commune, 1878, p 85

«Искренне» совершил ошибку? Конечно же нет! Тьер лгал тогда всем: англичанам, от которых он скрывал, что только недавно, отправив условленную телеграмму, просил Горчакова организовать переговоры один на один с Пруссией; Гамбетте, которого он пытался уверить, что перемирие не будет означать мира, что оно позволит выиграть месяц для усиления Луарской армии; всей Делегации в Туре, которой он дал обязательство не посещать прусской главной квартиры...

Проект наступления, составленный пылким Гамбеттой, — «нелепый» проект! Этот «молодой человек» не терял зря времени в течение двенадцати дней. Он сместил паникера де Ла Мотт-Ружа и поставил во главе Луарской армии генерала д'Ореля де Паладина¹, который казался человеком энергичным, если судить по его столь красноречивому первому приказу: *«Я твердо решил расстреливать каждого солдата, который дрогнет перед врагом. А если отступлю я — расстреляйте меня»*. Еще до начала операций «Mopiteur» сообщал о смертных приговорах, вынесенных военным судом. По железным дорогам двинулись эшелоны с войсками. Корпус численностью в 60 тысяч человек расположился в Сальбри, другой корпус численностью в 35 тысяч человек занял позицию между Блуа и Вандомом. Двести пушек были готовы для отправки на передовую линию фронта.

Были рассмотрены и изучены два плана наступления. Один состоял в том, чтобы двинуться на восток и перерезать коммуникации противника, другой предусматривал продвижение на Париж и попытку прорвать его блокаду. Предпочтение было

¹ Неужели Гамбетта не знал о его письме к Наполеону III, в котором д'Орель выражал сожаление о том, что его не было в Париже 2 декабря 1851 года и он не смог принять участие в государственном перевороте и в резне республиканцев?

в конце концов отдано второму плану, и 24 октября на совещании в главной квартире была назначена первая задача: взять Орлеан. Приближался назначенный час. Тьер, считающий это наступление «неосторожным», а главное «находящимся в вопиющем противоречии с предложением перемирия», лезет из кожи вон, чтобы помешать началу выступления. Как мы уже знаем, он поддерживал связь с братом Базена и с женой маршала. 24 октября в Версале Бисмарк заявил Буае, что Мец должен капитулировать. В «Заметках и воспоминаниях» Тьера мы читаем¹:

«Вторник, 25 октября: «Только что мне сообщили о капитуляции маршала Базена». Тьер немедленно бросился к Гамбетте, чтобы объявить ему об этом несчастье, которое должно поразить его еще больше, чем его коллег, «ибо эта капитуляция наносит серьезный удар военным операциям, которыми он намерен был руководить. Он подавлен этой новостью»².

Отлично! Будем надеяться, что задуманное Гамбеттой наступление лопнуло! Тем более что фон-дер Танн только что прислал Тьеру пропуск в Версаль...

Но нет! Гамбетта упорен. Первые минуты уныния проходят. Он навел справки и узнал, что Мец еще держится. Тем больше оснований ускорить наступление, чтобы попытаться прорвать окружение Парижа, прежде чем туда придут многочисленные прусские войска, которые вскоре должны высвободиться с падением крупного лотарингского города.

Второе совещание состоялось 26 октября в военном министерстве в Туре. Сосредоточение войск должно было начаться на следующий день, а наступление — 29-го. Но послушаем, что говорит самый осведомленный в этом вопросе человек, чест-

¹ A. Thiers, op. cit, p. 52.

² A. Thiers, op. cit, p. 53.

ный Шарль де Фрейсинэ, уполномоченный военного министра:

«В последний момент, 28-го вечером, мы узнали, что выступление не состоится. Генерал д'Орель уведомил нас депешей (в 10 часов 20 минут вечера), что погода плохая, дороги труднопроходимы, снаряжение части мобильной гвардии никуда не годное и что было бы неосторожно предпринимать в подобных условиях серьезную операцию. *Потом мы узнали, что новость о капитуляции Меца, о которой турецкое правительство еще не знало, распространилась в армии в тот же день после проезда Тьера*»¹.

И Фрейсинэ, который считал крайне необходимым выяснить, на ком лежит ответственность за срыв наступления, сообщает следующие подробности:

«Сразу же после того, как господин Тьер покинул расположение наших войск, храбрый генерал Трипар, командовавший войсками, расположенными на аванпостах, явился в 9 часов вечера в главную квартиру и принес туда это роковое известие. После этого мы больше не сомневались, что это и было одной из главных причин, если не самой главной причиной, отмены наступления».

Цель оправдывает средства. Тьеру удалось наконец сорвать наступление Гамбетты.

30 октября утром он стучится у двери канцлера Бисмарка в Версале. «Самый любезный из галлов»² «пришел просто попросить пропуск, чтобы пересечь нашу линию фронта и отправиться в

¹ Charles de Freycinet, La Guerre en province, Michel Lévy frères, édit., 1872, p. 83.

² См. „Lettres de Bismarck à sa femme“, Taillandier, p 127

Париж»¹ за пресловутыми ключами. С баварским офицером, провожавшим его до французских аванпостов, Тьер пускается в еще большие откровенности, уверяя, в частности, что его цель состоит в том, чтобы заставить правительство пойти на «необходимые жертвы»².

Белый флаг на Севрском мосту. Парламентеры. Переезд в лодке через Сену. В 16 часов прибытие в Париж. «Я оставался там двадцать четыре часа и нашел правительство, пребывающим в убеждении, что самое лучшее, что оно может сделать,— это начать переговоры о перемирии, так как нельзя сразу заключить мир...»³. Положение, повторял Тьер, таково, что дольше держаться невозможно. Главное, ни у кого не было никаких иллюзий относительно Луарской армии. Никто не верил, что она способна воевать, и «Гамбетта не более, чем всякий другой»⁴. Но что говорить о Луарской армии? Ведь фактически «армии не существовало... Господин Тьер не верил в эффективность усилий Турской делегации и осуждал господствовавшее там умонастроение»⁵.

Дискуссия по этим вопросам продолжалась до трех часов ночи. Перемирие необходимо для созыва Национального собрания и заключения мира. В противном случае перспектива анархии. Созыв Собрания даст возможность помешать узурпаторским действиям Гамбетты. Ведь под тем предло-

¹ „Mémoires de Bismarck“, recueil par Maurice Busch, Fasquelle, éd., 1899, t. I, p. 179.

² Georges Hirth, Tagebuch des deutsch-französischen Krieges, Leipzig, 1872, t. II, col. 3014—3016.

³ Показания Тьера перед Парламентской следственной комиссией 21 августа 1871 года.

⁴ Бесстыдная ложь. Впрочем, 24 октября Гамбетта конфиденциально писал Жюлю Фавру: «Все речи господина Тьера можно резюмировать одной фразой: он считает, что Франция истощила свои силы и что она не в состоянии победить; он хочет мира.. Чтобы заставить других людей согласиться с этим мнением, господин Тьер склонен преувеличивать... действительный недостаток наших вооруженных сил.»

⁵ Jules Favre, Simple récit, t I, p 319

гом, что правительство перестало снабжать его продовольствием, он начал переговоры с Англией о получении займа в 250 миллионов. Трошю вполне разделяет эту точку зрения: и в военном и в политическом отношении перемирие необходимо¹. Что касается условий, то Тьер советует «не быть требовательными»². Более того, решать нужно быстро, так как завтра в четыре часа у него назначена встреча с пруссаками, которые должны проводить его к Бисмарку.

«Мне были даны ограниченные, но достаточные полномочия: правительство требовало для осажденной столицы права получать продовольствие в течение всего срока перемирия и в соответствии с его продолжительностью, как это практикуется в отношении осажденных городов на время приостановки военных действий»³.

Отныне ключи от Парижа в его руках, и Тьер возвращается к Бисмарку

НОВЫЙ ДЕНЬ ОБМАНУТЫХ

31 октября, говорит Лиссагаре, Париж, проснувшись, получил три удара в грудь: потеря Бурже, капитуляция Меца и всей армии «прославленного» Базена, приезд Тьера, явившегося для ведения переговоров о перемирии.

Из всех трех известий самое сильное возбуждение вызвало последнее.

Реакционные элементы, настроенные пораженчески в силу своих классовых интересов, радуются. Ф. Сарсэ⁴ довольно верно передает их умонастроения:

¹ См. Thiers, Notes et souvenirs, p. 67.

² Jules Favre, Simple récit, t. I, p. 318.

³ Показания Тьера перед Парламентской следственной комиссией 21 августа 1871 года.

⁴ F. Sarcey, Le Siège de Paris, Lachaud, Paris, 1871, p. 142.

«Если Бисмарк позволил Тьеру связаться с правительством обороны, значит, он не смотрит на перемирие как на нечто невозможное. Но ведь перемирие—это преддверие к миру. Франция изберет Национальное собрание, которое договорится с пруссаками и избавит нас от бремени этой ужасной войны...² Ветчина, куски сала, всевозможные продукты, как по волшебству, появились из подвалов, где их предусмотрительно припрятали в ожидании повышения цен, и победоносно красовались теперь в витринах встревоженных колбасников. Все улыбались от удовольствия при виде этой неожиданно вернувшейся снеди. Свинья — это мир! — говорили карикатуристы...»

В таком же духе высказывается и Фидюс:

«Мирным людям, принадлежащим к жилищным и торговым классам, перемирие внушает уверенность и порождает у них надежду: перемирие позволит созвать Национальное собрание; немедленно прекратят свое существование социалистические республики Лиона и Марселя, а также турецкое правительство, столь же анархическое, как и парижское. Но эти настроения,—прибавляет он,—не разделяют те, кого называют народом... Его лозунгом стало сопротивление до последней крайности; он слышится во всех группах, где преобладают рабочие; там не скрывают, что правительство будет свергнуто, если захочет вести переговоры².

Заменить глупцов, доказавших свою полную непригодность,—примерно такое мнение выражает якобинец Делеклюз в передовой статье газеты «Le Réveil».

Возвышают свой голос и либералы. Даже мэром Монмартра, Жорж Клемансо, которого никак

¹ За 24 часа курс трехпроцентной ренты повысился с 51 до 54 франков.

² „Journal de Fidus“, p. 230—231

нельзя заподозрить в «коммунизме», распорядился вывесить афишу, в которой говорится: *«Муниципалитет XVIII округа с возмущением протестует против перемирия; согласившись на него, правительство совершило бы измену».*

Шумная толпа, собравшаяся ранним утром 31 октября 1870 года перед зданием Ратуши, весьма разношерстна. Преобладают возгласы: *«Не надо перемирия! Война до последней капли крови!»* Толпа восторженно приветствует появление на площади колонны, несущей транспаранты с надписями: *«За здравствует Республика!»*, *«Всеобщий набор!»*, *«Не надо перемирия!»* Но на возгласы: *«Да здравствует Коммуна!»* — кое-кто еще отвечает: *«Да здравствует Трошю!»*

В первую очередь требуют объяснений. Члены правительства, как всегда, бахвалются. Этьенн Араго, мэр Парижа по назначению, клянется: *«Пока я жив, пруссаки не войдут в Ратушу!»* Трошю театрально заявляет: *«Мой патриотизм заставит меня пожертвовать жизнью во имя защиты республики!»* Ему кричат: *«Почему в Бурже не было пушек?»* И он бьет отбой. Толпа бушует.

Тем временем мэры двадцати округов Парижа предлагают правительству приступить как можно скорее к муниципальным выборам. Большинство правительства одобряет это предложение, но не спешит сообщить о своем согласии.

Центральный комитет 20 округов Парижа, собравшийся в полном составе в 13 часов 30 минут на площади Кордери, решает (без прений) идти к Ратуше. Таким образом, в середине дня манифестации приобретают все более мощный и грозный характер. 186-й батальон национальной гвардии (X округ), которому было приказано подавить движение, поднимает ружья прикладами вверх. Ратуша захвачена, и члены правительства оказываются блокированными в здании. Гюстав Лефрансе¹ от имени Центрального комитета 20 окру-

гов провозглашает свержение правительства национальной обороны и предлагает назначить комиссию для руководства выборами в Коммуну.

Мэры, которые со своей стороны вновь выдвинули предложение о выборах, вступают в контакт с манифестантами. Назначается комиссия по выборам под председательством министра общественных работ Дориана; афиша призывает избирателей собраться на следующей день для выборов *«такой муниципальной власти, вокруг которой могли бы объединиться все республиканцы».* В этот муниципалитет должно быть выбрано по 4 представителя от каждого округа. Таким образом, речь идет о Муниципальном совете, о выборной Коммуне, которой требуют патриоты.

Хотя далеко не для всех очевидно, что правительство предает страну, его популярность сильно подорвана неудачами; весьма вероятно, что муниципальные выборы привели бы к серьезным изменениям в составе министерства.

Национальная гвардия проявляет в общем довольно сильное недовольство правительством. Пикар, которому удалось выбраться из Ратуши, приказывает бить сбор, но без особого успеха.

К вечеру в Ратушу проникает Флуранс во главе одного из батальонов Бельвиля¹, но его внезапное вторжение вызывает решительный поворот в общественном настроении.

Флуранс — привлекательная личность, но он лишен некоторых качеств, необходимых для политического руководителя народных масс. Несомненно, он был человеком образованным: в 25 лет он стал преподавателем в «Коллеж де Франс», сменив там своего отца. Он страстно и бескорыстно служил делу свободы на Крите, в Греции — везде, где угне-

¹ Ведомость продовольственных пайков (выданных в Ратуше в ночь с 31 октября на 1 ноября), найденная мною в архиве исторического отдела армии, показывает, что в захвате здания участвовало 3572 национальных гвардейца-патриота.

¹ При поддержке Шассенэ, Мориса Жоли и Вермореля.

тенные восставали против угнетателей. Добрым и искренним, смелым и непреклонным был этот вызывавший симпатии анархист¹, этот Дон-Кихот XIX века. В день похорон Виктора Нуара² его можно было видеть шагающим через весь Париж с ружьем на плече, готовым, если потребуется, один на один вступить в бой с империей. В день ареста журналиста Рошфора³ он провозглашает в Бельвиле республику и один дерется на шпагах с полицейскими Второй империи. В Бельвиле его обожают.

В начале осады видели, как он бросился прямо в огонь, чтобы потушить пожар. Он создает мастерские по изготовлению мундиров для своих национальных гвардейцев. Его горящий взгляд, его пламенные речи покоряют слушателей-пролетариев. Но нетерпеливый и воинственный Флуранс не имеет представления о том, что возможно. Готовый пожертвовать своей жизнью, бесспорно искренний в своих убеждениях, он думает, что воодушевил целую армию, тогда как на самом деле привел в движение только авангард. Когда он говорит, он верит, что выступает от имени всего народа.

И вот в Ратуше, вскочив на стол, за которым происходят заседания правительства, он собственной властью провозглашает новое правительство — Комитет общественного спасения, среди членов которого наряду с его именем фигурируют имена Бланки, Дориана и Делеклюза; а в это время в соседнем зале его друг Тибальди тоже формирует правительство... Если принцип «активно действующего меньшинства», провозглашенный Флурансом, привлекает Бланки, то Дориан и Делеклюз не согласны заменить одну диктатуру другой⁴.

¹ Это не точно: Флуранс был близок к бланкистам.— *Прим. ред.*

² 12 января 1870 года.— *Прим. ред.*

³ 7 февраля 1870 года.— *Прим. ред.*

⁴ Объясняется это, разумеется, тем, что Дориан, как умеренный буржуазный республиканец, и Делеклюз, как мелкобуржуазный демократ, отрицательно относились к бланкистам.— *Прим. ред.*

Приказы Флуранса и Бланки остаются мертвой буквой. Республиканец Эдгар Кине, которому в 16 часов предложили войти в новое правительство, уклонился от этого: «Перед лицом Бисмарка патриотизм велит нам поддерживать правительство, подталкивать его, наблюдать за ним, прищипоривать его, но отнюдь не свергать»¹.

Так же отнесся к этому Виктор Гюго: «Бланки, Флуранс, Делеклюз хотя и свергнут Трошю — Фавра. Я отказываюсь присоединиться к ним»². Так же повели себя Ледрю-Роллен и Феликс Пиа.

Один из буржуазных батальонов национальной гвардии (106-й, из Сен-Жерменского предместья) совершает дерзкий налет и освобождает Трошю и Жюля Ферри. Они организуют контратаку против Ратуши. Батальоны, которые до этого отказывались выступить, так как одобряли организацию муниципальных выборов, изменили свою позицию, когда узнали о свержении правительства восставшим меньшинством и об аресте ряда министров.

В Ратуше Бланки, Делеклюз, Мильер, Моттю и Ранье тщетно обсуждают положение. Дориан маневрирует.

В зале Биржи собралось сто пятьдесят офицеров национальной гвардии. Один из ораторов восклицает: «Если Трошю совершил недостойный поступок, пусть обсудят его поведение, и отрешат его от должности, но нельзя свергать его революционным путем. Если же он действовал как храбрый и честный гражданин, я требую, чтобы его оставили на месте». Оратору рукоплещут. Раздаются крики: «Коммуна сама себя назначила! Мы ее не хотим! Пусть Коммуна будет выборной, но не революционной!»

На улицах бьют общий сбор батальонов. Батальоны национальной гвардии приходят в движение и окружают Ратушу. Бретонские мобили

¹ *Mme* Edgar Quinet. Journal du Siège, Dentu, p. 139.

² См. Victor Hugo, Carnets intimes, 1870—1871, p. 62.

проникают в здание муниципалитета через подземный ход, соединяющий Ратушу с казармой Лобо. Во избежание кровопролития Дориан и Делеклюз предлагают соглашение¹, которое правительство принимает. Принимают его и Флуранс и Бланки, которые не решаются развязать гражданскую войну, когда враг стоит у ворот города. Решено, что Ратуша будет очищена и выборы состоятся, как было предусмотрено ранее. Ни с той, ни с другой стороны не будет проведено репрессий, каков бы ни был исход событий.

Но как только Ратуша была очищена, правительство отреклось от своих обязательств и отменило выборы.

Подавшего в отставку Адана заменяют в префектуре полиции злобным реакционером Эрнестом Крессоном, который требует для поддержания порядка *артиллерийской батареи*. Правительство отдает распоряжение об аресте сорока руководителей движения, смещает 13 командиров батальонов национальной гвардии и назначает на 3 ноября плебисцит по вопросу: «одобряет ли население — «да» или «нет» — полномочия правительства национальной обороны?» На 6 ноября назначаются выборы, но не Муниципального совета, а мэра и трех его помощников для каждого округа. Этьенна Араго, возглавлявшего центральную мэрию, сочли слишком мягким и заменили непримиримым Жюлем Ферри.

Речи, произносившиеся на собраниях клубов и служившие барометром общественного мнения, не оставляли никаких сомнений относительно исхода плебисцита. 1 ноября в клубе «Фоли-Бержер» одного из участников событий 31 октября, Мориса Жоли, освистали и выгнали из зала. Один из ораторов заявил, что Жюль Фавр подвергся при аресте грубому обращению. «Позор! Это трусы! Они

¹ «Нечто вроде соглашения», — скажет впоследствии префект полиции Адан А командующий национальной гвардии Тамизье будет говорить о «молчаливом согласии».

бесчестят республику!» — кричат присутствующие по адресу Флуранса и Бланки. На следующий день в клубе «Кур де Мирабль» отказываются выслушать оратора, враждебного правительству. 3 ноября в клубе монтаньяров, слывшем одним из наиболее передовых, перебивали и освистали Гюстава Лефрансе, оратора, к которому обычно относились с большим уважением! В «красном» клубе «Рэн Бланш» на Монмартре трибуну занял оратор, призывавший голосовать «за», а сменивший его Клемансо заявил под одобрительные возгласы слушателей, что «правительство Ратуши, возможно, лучше всякого другого отвечает нынешнему состоянию общественного мнения». Единственным исключением был XX округ, самый пролетарский в Париже: 6 ноября в клубе «Фавье» бурно приветствовали Ранвье¹, избранного мэром округа.

Франсис Гарнье в своем «Дневнике осады»² подробно характеризует умонастроение национальной гвардии к 1 ноября.

«Несколько батальонов, состоящих главным образом из рабочих, которым было приказано нести охрану, заявили, что они не выступят в поддержку правительства. Они открыто проявляют свое глубокое недоверие к нему, и чувствуется, что они готовы занять враждебную ему позицию.

Многие офицеры являются к начальнику сектора и, выражая это недоверие, заявляют ему, что они не смогут отвечать за повиновение своих людей, если и впредь будут настаивать на том, чтобы их посылали на улицы Парижа. Они заверяют в своей преданности порядку и в своей готовности не жалеть усилий для его поддержания. Нужно любой ценой, говорят они, помешать мятежу на улицах, пока враг стоит у наших ворот,

¹ См. Molinari, Les clubs rouges pendant le siège de Paris, 1871, p. 66.

² Francis Garnier, Journal du siège, p. 58—60.

но для этого необходимо, чтобы правительство согласилось на выборы муниципалитета и приняло более действенные с точки зрения обороны меры.

Они отвергают всякое перемирие и требуют всеобщего набора или по меньшей мере строгого соблюдения закона от 10 августа¹. Они с горечью упрекают правительство в поражении под Бурже; надо было либо оставить эту позицию, если она была бесполезна, либо суметь ее отстоять. Они протестуют против примиренческого отношения к людям и явлениям, характеризующего, по их мнению, политику правительства. Они утверждают, что его умеренность есть не что иное, как проявление слабости. Они хотели бы, чтобы вместо всех словесных уловок, к которым оно прибегает, желая скрыть промахи подчиненных ему генералов, оно осудило и сурово покарало бы лиц, виновных во всех упущениях и ошибках. Они мотивируют недоверие, которое им внушает правительство, отсутствием у него откровенности, его обыкновением всегда приуменьшать наши неудачи и постоянно рисовать в чересчур благоприятном свете известия, поступающие извне. Таким образом, говорят они, поддерживают пагубные иллюзии: через день после резкого опровержения в газете «Le Combat» произошли события, послужившие еще более резким опровержением.

Во всех их словах проскальзывает плохо скрытое беспокойство. Они чувствуют, что провинция враждебна нынешней форме правления, и считают, что ее усиленно возбуждают прежние чиновники империи. Они убеждены в том, что перемирие, заключенное с

¹ Этот закон предусматривал организацию 200 батальонов национальной гвардии (в дополнение к уже существующим 60-ти батальонам) — *Прим. ред*

целью созыва Учредительного собрания, означало бы конец республики, и эта перспектива глубоко возмущает и раздражает их. Именно поэтому они отвергают какое бы то ни было перемирие и призывают к борьбе не на жизнь, а на смерть.

В итоге они ждут уступок.

Тем не менее батальоны, оставшиеся верными правительству, составляют пока еще большинство; но и среди них наблюдаются многочисленные признаки уныния и усталости. По-видимому, их доверие все-таки колеблено»

Однако Франсис Гарнье указывает, что путем спокойного разъяснения положения командованию удалось «образумить горячих людей», доказав им, что «менять еще раз среди бури рулевого — значило бы поставить под угрозу спасение Парижа».

Результаты плебисцита были следующие: 558 тысяч сказали «да», 63 тысячи — «нет».

Реакционеры в своей массе голосовали «за», одолев таким образом политику капитуляции в отношении пруссаков и политику репрессий в отношении рабочего класса.

Многие республиканцы, которые высказались 26 марта 1871 года за Коммуну, голосуют на этот раз за правительство Трошю — Фавра, надеясь воспрепятствовать таким образом дезорганизации национальной обороны и обеспечить сохранение республики.

Интересно сравнить результаты плебисцита 3 ноября с результатами выборов окружных мэров 6 ноября. Как в первом, так и во втором случае решительные противники правительства получили большинство только в двух округах, наиболее пролетарских по составу населения, — в XI и XX. Они потерпели 3 ноября значительное поражение в XIX округе, где 31 октября Жюль Валлес¹ силой

¹ У него было всего каких-нибудь 30 человек (J Vallès. L'Insurgé, p 195)

захватил мэрию. Наоборот, на выборах 6 ноября в том же округе мэром был избран абсолютным большинством голосов якобинец Делеклюз, который 31 октября ограничился требованием узаконения существующей власти всеобщим голосованием.

Таким образом, Флуранс и Бланки, чьи убеждения и намерения находятся вне всяких подозрений, содействовали своим преждевременным выступлением упрочению правительства, которое они хотели свергнуть. Этот урок не пропал даром. Выступление 18 марта 1871 года оказалось успешным потому, что его участники имели два козыря, отсутствовавшие у революционеров 31 октября: более сплоченное руководство (Центральный комитет национальной гвардии) и одобрение и активную поддержку широких народных масс, понявших многое на опыте, ибо за это время правительство успело в полной мере обнаружить свою неспособность и свое пораженчество.

Выступление 31 октября имело по крайней мере один непосредственный и положительный результат: срыв проекта капитуляции.

31 октября после полудня Тьер спешно вернулся в Версаль. Для него нет более срочного дела, чем уведомить Бисмарка о вспыхнувших в столице волнениях и о ее продовольственном положении¹; «Я выведу у него все, что угодно!» — восклицает прусский канцлер в кругу своих приближенных. Бисмарк соглашается на 28-дневное перемирие для выборов в Национальное собрание, которое ратифицирует мир, но без снабжения Парижа продовольствием.

На Севрском мосту состоялось свидание между Тьером, с одной стороны (последний боялся, что его растерзают, если он вернется в Париж), и Жюлем Фавром и Дюкро, с другой.

«Во избежание нового возмущения в Париже,— объяснял Дюкро¹,— было решено, что свидание будет устроено на Севрском мосту, по возможности конфиденциально. Его старались скрыть, чтобы избежать народных волнений».

Только боязнь нового 31 октября заставила правительство отвергнуть перемирие без снабжения столицы продовольствием вопреки настояниям Тьера, заявлявшего:

«Я хорошо понимаю, что это тяжелое условие. Оно ставит правительство в критическое положение, ибо будет очень трудно добиться его принятия населением Парижа. Тем не менее, если я должен дать вам совет и если вы хотите мне поверить,— соглашайтесь»².

За неимением другого выхода, Тьер решил отправиться в Тур, чтобы подорвать там дух сопротивления. Но перед отъездом он попытался предпринять еще один, последний шаг, свидетельствующий о его упорном стремлении любой ценой договориться с пруссаками. Во время свидания на Севрском мосту ничего не было сказано о возможности выборов в Национальное собрание без заключения перемирия. Нельзя ли положить это в основу новых переговоров? Тьер получил от Бисмарка разрешение направить в Париж специального эмиссара. Но после трехдневных усилий последний вынужден был отказаться от надежды проникнуть в столицу³.

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t II, p. XIII.

² См. показания Тьера в Национальном собрании 21 августа 1871 года.

³ См. Dreyfus, Monsieur Thiers, p. 120.

IV

ФРАНТИРЁРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Помещики-дворяне и крупные капиталисты встречают пруссаков как освободителей. Только рабочие и «мелкий люд» оказывают сопротивление врагу.

В Лаоне, который был без боя сдан командованием, простой артиллерист пожертвовал жизнью, чтобы взорвать крепость.

Крупная буржуазия Нанси сдаёт город взводу, состоявшему всего лишь из четырех улан; зато лотарингские патриоты героически выполняют свой долг в отрядах франтирёров. Мак-Магон отступил, даже не пытаясь защищать горные проходы через Вогезы. А франтирёры и мобили Вогезов остановили 23 сентября наступление ландвера у Бадонвилле. 5 октября отряды вольных стрелков дали бои авангарду прусской армии под Раон-л'Этап.

26 сентября супрефект города Мондидье публикует взволнованный призыв:

«Ждать больше нельзя. Немедленно вооружайтесь сами. Помогайте нам вашей собственной инициативой. К оружию! Любое железо пригодно, чтобы ковать из него оружие. Пусть те, у кого есть ружья, лют пули!

Там, где не хватает ружей, вооружайтесь пиками. Выпрямляйте косы, насаживайте их на крепкие рукоятки, и они превратятся в грозное оружие... Ни одно охотничье ружье, ни один пистолет, ни один кусок железа, из которого можно выковать саблю или пику, не должны оставаться неиспользованными! За дело, кузнецы!..»¹

В тот же день жители департамента Уаза, *поднявшиеся при звуках набата*, отбросили пруссаков между Клермоном и Лианкурор. 8 октября рабочее население Сен-Кантена, объединившееся вокруг молодого префекта департамента Эна, Анатоля де ла Форжа, построили в предместьях города баррикады и успешно обороняли его от наступающих пруссаков. Франтирёры, пожарные и национальные гвардейцы, соперничая в доблести, в течение тринадцати дней удерживали город.

Как не похоже все это на малодушное поведение какого-нибудь Бурбаки! После провала своей капитулянтской миссии в Лондоне он вернулся в Тур, где на него было возложено командование Северной армией. Три недели держал он свои войска в полном бездействии, что и послужило причиной его отъезда в Тур (18 ноября 1870 года) и замены его Федэрбом, который стойко сражался до конца, несмотря на пораженческие настроения промышленников департамента Нор:

«Федэрб утверждал, что если бы немцы попытались захватить Фландрию и Артуа, то любой комендант крепости, который захотел бы сопротивляться до последней крайности, натолкнулся бы на противодействие буржуазии»².

В Нормандии и в пределах Иль-де-Франса патриотизм также был тем пробным камнем, который

¹ „Muralles politiques françaises“, t. II, p. 627.

² Arthur Chuquet, La guerre, p. 301.

определял размежевание общественных классов Мэр и депутат Вернона (департамент Эр) герцог д'Альбюфера призывал своих подчиненных «не оказывать пруссакам никакого сопротивления». «Соввершаются такие гнусности, что не хватает слов, чтобы заклеить их,— писал 24 сентября префект департамента Эр,— нам смеют советовать не оказывать врагу никакого противодействия»¹.

Около середины октября именитые граждане Руана попросили пруссаков оккупировать город, «так как там опасаются волнений рабочих»². В это же время мэр Дрё публично заявил, что город «не намерен обороняться», и обязал жителей «сдать в арсенал все имеющееся у них оружие».

4 декабря мэр Дарнеталя умолял прусского коменданта оставить в городе войска, так как он опасается возникновения «эксцессов» в случае их ухода:

«Добропорядочные граждане здесь, как и везде, ведут себя благоразумно и спокойно,— говорил он,— но я не могу отвечать за чернь. Тут имеется несколько фабрик и, следовательно, много рабочих...»³.

В противоположность этому 8 октября в Абли, вблизи Шартра, франтиреры уничтожили половину эскадрона прусских гусар, а жители Шеризи, вблизи Дрё, построили 11 октября на улицах баррикады и оказывали сопротивление шести батальонам пехоты, двум артиллерийским полкам и одной артиллерийской батарее.

Обе деревни были взяты штурмом и сожжены неприятелем. Но это не испугало жителей.

¹ „Murs politiques françaises“, t. II, p. 622.

² См. показания Канробера в Парламентской следственной комиссии („Enquête parlementaire sur les actes du gouvernement de la Défense nationale“, t. IV, p. 281).

³ „Mémoires du chancelier prince du Bûlow“, Plon, 1931 t. IV, p. 121

Берлинская газета «Börsen-Courier» от 23 ноября так описывает бой, разыгравшийся в одном из замков близ Дрё:

«Все франтиреры были перебиты для острастки остальных. Всю банду выстроили в шеренгу и перестреляли одного за другим выстрелом в голову. Особым приказом по армии категорически запрещается брать франтиреров в плен и предписывается немедленно уничтожить их везде, где они появятся».

11 октября генерал де ла Мотт-Руж, один из тех, кто отстаивал Вторую империю во время восстания 4 сентября, отступил в провинцию Солонь, оставив Орлеан. Шесть тысяч человек, принесенных в жертву для прикрытия этого отступления, сдерживали целый армейский корпус (1-й баварский). «Женщины, дети, школьный учитель из Айда ползли под огнем, чтобы подобрать раненых и перетащить их в дома»¹.

Согласно одному немецкому официальному сообщению от 26 ноября, крестьяне Луаре нападали на патрули и вели повсюду партизанскую войну. 77 сельских священников были осуждены военными судами.

Муниципалитет Шатодёна сообщил о своем намерении объявить город «открытым», но население возмутилось против этого, и рабочие, вооруженные только своими инструментами, отразили нападение разведывательного отряда прусских улан. 18 октября прусская дивизия численностью в 12 тысяч человек (с 24 пушками) атаковала город, который обороняли 1200 человек, лишенных артиллерии: 600 парижских франтиреров, 115 нантских и 50 из Канн, 200 волонтеров из департамента Луар-и-Шер, 300 национальных гвардейцев и городские пожарные.

На баррикаде в Сент-Обене рабочий-штукатур Альбран сражался вместе со своими тремя сыновья-

¹ Jules Claretie, Histoire de la Révolution de 1870—1871, p. 310

ми. Он был ранен, а один из его сыновей – убит Молоденькая девушка Леонтина Пруст подносила на баррикады патроны. Рабочие черепичного завода защищали его от врага. Капитан Ла-Сесилиа, ставший впоследствии одним из самых доблестных генералов Коммуны, привел в Париж 127 человек, уцелевших после этого героического сопротивления.

Правительственная делегация, переехавшая из Тура в Бордо, констатировала, что в результате боев, развернувшихся 31 декабря в департаменте Нижняя Сена, франтиреры рассеяли пруссаков, потери которых достигли 300 человек.

В состав Луарской армии входили многочисленные партизанские отряды: волонтеры Запада, франтиреры Парижа, стрелки Жиронды, партизаны Жера, франтиреры Блида, Фонтенбло, Тура.

На этапных пунктах звучал знаменитый марш:

В лесах, долинах, по карьерам,
Отважны сердцем и душой,
Бесшумно бродят франтиреры,
Внушая ужас пред собой.
Всегда на страже, чутки, зорки,
Врагов преследуют, и им
Мила в их рейдах поговорка:
«Невидим и неуловим!»¹

В департаменте Сена-и-Уаза и в оккупированных пригородах Парижа борьба франтиреров и сопротивление гражданского населения приобрели значительный размах. 21 сентября в Вильжюифе один учитель обстрелял с колокольни немецкий патруль, заставив его отступить. Он сообщил в штаб, что опорный пункт От-Брюйер еще не захвачен неприятелем, и французские войска вновь заняли эту превосходную позицию.

22 сентября в Пармене, близ Л'Иль-Адана, 27 франтиреров во главе с патриотом Капроном отразили нападение противника. 27 сентября они отбили новую атаку немцев и только 30 сентября, после 24-часового боя с полутора тысячами немцев,

поддержанных мощной артиллерией, вынуждены были отступить¹.

В Версале богатые буржуа, стоявшие во главе национальной гвардии, взяли под свою охрану и доставили в мэрию трех неприятельских гусар-разведчиков; согласно докладу Гатцфельда, доверенного лица Бисмарка, они «были так рады приобрести защиту против демократии, что в некотором роде праздновали прибытие крон-принца». Настроение трудящихся было совсем иным. В мемуарах Бисмарка² можно прочесть следующую запись, помеченную 25 октября:

«Два экземпляра «Nouvelliste»³ расклеиваются ежедневно в различных районах города. Перед ними всегда толпятся люди, читая и комментируя статьи. Когда мимо проходит немец, слышатся возгласы: «Ложь!», «Не может быть!» Один из подчиненных начальника полиции Штибера поймал на месте преступления какого-то рабочего, писавшего слово «враки» на экземпляре газеты, вывешенном около префектуры. Кажется, этого рабочего собираются выслать в Германию»

Высылка в Германию — такова была уже тогда участь рабочих-патриотов!

В Лонжюмо после нескольких удачных налетов франтиреров, действовавших в окрестных лесах, командовавший 1-м корпусом генерал фон-дер-Танн издал 27 сентября следующий приказ:

«Каждый мужчина, встреченный в лесу или в роще, будет считаться франтирером, и с ним будет поступлено соответственно»⁴.

Жители оккупированного города Аржантей передают сведения о противнике стоящим поблизости французским войскам. В период между 25 сен-

¹ Les Prussiens à l'Isle-Adam et à Parmain, par le Dr Abadie.

² „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 170.

³ Газета, выходившая в Версале под контролем немцев

⁴ „Murailles politiques françaises“, t. II, p. 633.

¹ Перевод стихов Ирины Оныщук.—Прим. ред

тября и 7 октября 1870 года оккупационные власти расклеили не менее четырех объявлений: земледельцам запрещалось разводить на полях огонь, они были обязаны возвращаться в город до 19 часов; с 21 часа и до 6 часов утра жителям не разрешалось выходить на улицу; запрещалось собираться группами более трех человек. 26 сентября в 1 час ночи «во время перестрелки местные жители снабжали сведениями о противнике французских солдат, находившихся на другом берегу Сены». Вследствие этого движение по берегу Сены и всякая попытка переправиться через нее были запрещены под угрозой расстрела. Воду из реки разрешалось брать только в установленном пункте около моста. «Все обязаны относиться с уважением к часовым, где бы они ни стояли». Было приказано стрелять по жителям, замеченным в верхних этажах домов.

7 октября в Буживале был расстрелян садовник Франсуа Деберг за то, что он перерезал телеграфные провода прусской армии. «Это должно послужить примером для жителей департамента», — заявил генерал фон Шмидт в расклеенных там афишах. Но месяц спустя, во время наступления на Мальмезон, были захвачены в плен и казнены рабочие-франтиреры Мартен и Шардон.

Мельники Мелана отказываются снабжать прусскую армию мукой (23 октября), а местная газета «L'Étincelle», обходя немецкую цензуру, призывает население к сопротивлению и угрожает «коллаборационистам»¹.

22 ноября в Саннуа был приговорен к смертной казни садовник Дени из Шату «за то, что, вооруженный косой, он напал на немецкий патруль»².

23 января на город Понтуаэ был наложен штраф в размере 5 тысяч франков за то, что извещения о победе пруссаков были кем-то изорваны.

Но если рабочие, крестьяне, ремесленники выполняли свой долг, сопротивляясь прусской окку-

пации, то этого нельзя сказать об эксплуататорах, видевших в неприятельских войсках надежный оплот против «орд Коммуны». Так, например, крупный промышленник и мэр города Корбей, Поль Дарблэ, участвовал в банкете, устроенном в его замке Сен-Жермен-ле-Корбей генералом фон-Гошем по случаю капитуляции Парижа¹.

Старый Гарибальди, хотя и разбитый ревматизмом, явился вместе с сыновьями и зятьями, чтобы отдать себя в распоряжение Турской делегации 30 октября 1870 года на него было возложено командование всеми франтирерами восточных районов Франции. 19 ноября отряды франтиреров во главе с молодым Риччотти Гарибальди, сражаясь против вдвое превосходящих сил противника, истребили прусский гарнизон Шатильона-сюр-Сен.

24 ноября дижонская газета «Journal des Ap-pences», выходявшая под немецким контролем, признала, что в Вогезах, в горах Юра и Кот-д'Ор «ведется одна лишь партизанская война». «Тщетно обшаривают войсковые части, — добавляла она, — все извилины и складки Кот-д'Ор: неприятель постоянно ускользает, а иногда внезапно появляется, наводя ужас на наши войска».

Эти сведения подтвердила и «Preussische Zeitung»: войска фон Гольца были атакованы 3 и 4 декабря в горах Кот-д'Ор отрядами франтиреров, действовавших, несмотря на 15-градусный мороз. В то же время близ Ванденесса и Шатонёфа, на дорогах, пересеченных ущельями, колонна прусского генерала Келлера, разбитая под Ньюи, понесла значительные потери в результате действий франтиреров генерала Креме, что ускорило отступление пруссаков к Дижону.

¹ См. „Souvenirs d'un officier d'ordonnance“, publiés à Berlin, 1888, p. 118.

¹ „Murailles politiques françaises“, t. II, p. 655

² Там же, стр. 659

Отряды Гарибальди одержали также победу в боях под Паком и Пренэ (26 ноября), Дижоном (27 ноября) и Отёном (1 декабря), обеспечив таким образом безопасность Крёзо, где увеличивалось производство пушек.

В начале декабря численность отрядов Гарибальди не превышала 16 тысяч человек. Это были разведчики Роны, разведчики Грэ, мобили Приморских Альп, Нижних Альп, Нижних Пиренеев, «батальоны Равенства» Марсея и Ду, дружинники Кольмара, Алжира, Воклюза, франтиреры Ду, Юга, Савойи, Орана, Доля, Изера, Вогезов, охотники Гавра и Доля, эльзасцы Парижа, «Отчаянные смельчаки» Парижа, отряды итальянских партизан. С этой разношерстной армией, насчитывавшей всего 45 кавалеристов, Гарибальди поспевает повсюду. С 15 по 27 декабря одна победа следовала за другой — Сольё, Семюр, Шато-Шинон, Пуйи-ан-Осуа, Шансо, Лорм, Курсон, Колонь-сюр-Йонн, Вермантон, Кюси, Рукруа. 23 декабря неприятель эвакуировал Ньюи, а 27 декабря — Дижон.

В декабре франтиреры действовали также в районе Лангра. Трижды перерезали они железнодорожную линию между Шомоном и Труа.

«Рельсы были разъединены, но так уложены, что по их виду этого никак нельзя было заподозрить», — писала 1 января 1871 года берлинская «National-Zeitung».

«Это произошло, — добавляла она, — 24 декабря в Брику, почти у самого Шомона. Военский поезд, в котором находилось пятьсот солдат, сошел с рельсов; тотчас же из леса выскочило множество франтиреров, чтобы захватить в плен наших солдат».

2 января франтиреры Лиона обратили врага в бегство около Шансо. Заняв плато Монбар, они вынудили противника покинуть Осер. 23 января франтиреры Риччотти Гарибальди нанесли пруссакам тяжелое поражение у Шато-де-Пуйи и помешали

им вновь захватить Дижон. В это же время отряд франтиреров Вогезов, сформированный южнее Контрексевиля, напал на коммуникации оккупантов, о чем свидетельствует следующее немецкое извещение:

Извещение

Необходимо самое тщательное наблюдение за безопасностью железных дорог и этапных пунктов. Прошлой ночью был взорван железнодорожный мост возле Фонтенуа, в окрестностях Туля.

В наказание за это деревня Фонтенуа сожжена дотла.

Такая же участь постигнет все населенные пункты, где произойдет что-либо подобное.

Туль, 22 января 1871 года

*Этапный комендант фон Шмадель*¹.

28 января 1871 года два десятка вогезских франтиреров прорвались до Флавины, что вызвало панику в Нанси среди немецких офицеров и чиновников, «быстро собравшихся бежать и приказавших держать под парами двадцать паровозов, стоявших в депо»².

29 января гарибальдийцы выбили пруссаков из Доля и, совершив фантастический ночной переход в 55 километров, начали наступление на Бур и Лон-ле-Сонье, чтобы прийти на помощь Восточной армии.

В Реймсе, где фабрикант шампанских вин депутат Верле умолял Бисмарка защитить его от рабочих, последние перешли к вооруженному сопротивлению. 18 января 1871 года было взорвано

¹ „Murailles politiques françaises“, t. II, 2^e partie, p. 255.

² Charles Hainchelin, Les Francs-Tireurs dans l'histoire de France, Editions France d'abord, 1945, p. 101.

железнодорожное полотно в Витри-ла-Виль. Да же после капитуляции Парижа патриоты не хотели сложить оружие, о чем свидетельствует следующее прусское сообщение:

Объявление

В ночь с 6-го на 7-е число текущего месяца в окрестных горах несколько раз открывали ружейную стрельбу по реквизиционным отрядам, вступившим в Бельваль. Шарль Мируа, 42 лет, священник в Кюшри (к приходу которого относится Бельваль), прятавший и раздававший жителям оружие, арестован за подстрекательство к этим враждебным актам и по приговору военного суда расстрелян сегодня утром в Реймсе, как совершивший предательство в отношении немецких войск¹.

Реймс, 12 февраля 1871 года

*Генерал-губернатор, генерал-лейтенант
фон Розенберг-Груцинский*

По подсчетам, на всей оккупированной территории Франции сражалось более 50 тысяч франтиреров

Рассмотрим теперь действия Луарской армии. Вспомним, что вечером 28 октября, проезжая через расположение войск, Тьер сообщил генералу д'Орелю о капитуляции Базена и добился таким путем отмены предполагавшегося наступления в направлении Орлеана.

¹ „Murailles politiques françaises“, t. II, p. 667.

Крайне раздраженный этим, Фрейсинэ письменно запросил у Гамбетты 4 декабря «определенных и точных инструкций»:

«Уже несколько дней армия и я лично не знаем, чего хочет правительство — мира или войны. В момент, когда мы были уже готовы выполнить тщательно разработанные планы, вдруг распространились слухи о перемирии, вселив смутнение в души наших генералов».

В виду возражений генерала д'Ореля Фрейсинэ спрашивал, не будет ли он сам дезавуирован, если заставит генералов наступать.

«Как вы знаете, известие о капитуляции Меца, распространившееся в Луарской армии после проезда одного из наших государственных деятелей через расположение наших войск, сорвало наступление, которое должно было, несомненно, привести нас в Орлеан...»

Фрейсинэ не хочет мириться с тем, что стратегические планы постоянно нарушаются из-за политических соображений, и выражает опасение, как бы инициатива не перешла к неприятелю, силы которого вскоре возрастут, когда придет армия, осаждавшая Мец. В заключение он пишет: «Нужно, чтобы правительство решительно заявило, чего мы хотим: мира или войны»¹.

Гамбетта ответил ему в тот же день²:

«Мне неизвестно, склонно ли правительство Ратуши вести переговоры. Что же касается меня, то я знаю лишь свои полномочия и свой долг — вести войну до последней крайности... К несчастью, первой попытке осуществить наш план наступления, столь разумно составленный, помешало вме-

¹ De Freycinet, La Guerre en province, p. 86—87

² Там же, стр. 88—89

шательство...¹ Нельзя дольше терпеть это вмешательство. Нужно придерживаться нашей прежней линии поведения и сегодня же решить вопрос о нашем продвижении вперед... Итак, война! Не теряйте ни минуты. Вперед!»

7 ноября д'Орелю пришлось выступить со своими войсками. Но в тот же день на обратном пути из Версаля Тьер опять проезжает через французские линии. Результаты не замедлили сказаться:

«Ночью была получена депеша от генерала д'Ореля, в которой подчеркивались опасности продвижения вперед. Погода вновь испортилась, дороги стали труднопроходимыми, по-видимому, следует опасаться неожиданного нападения»².

Но на этот раз Делегация не дала себя провести. Она поставила д'Ореля в известность о своем горячем желании осуществить первоначальный план, и армия возобновила наступление. Французские войска, состоявшие большей частью из молодых новобранцев, устремились на 1-й корпус баварской армии, опрокинули его у Кульмье и освободили Орлеан (9—10 ноября). Путь на Париж был открыт. Но Тьер не дремал — он был настроен и неустанно твердил представителям армии и дипломатам:

«Нужно заключить мир. Дальнейшее сопротивление невозможно³. Вы ничего не достигнете, упорствуя. Позиция у Орлеана непригодна для обороны. Вас обойдут или

¹ Фрейсинэ опубликовал этот документ в 1872 году, когда Тьер был президентом республики, чем и объясняется стылкое многообразие.

² De Freycinet, La Guerre en province, p. 91.

³ См. показания Тьера перед Национальным собранием 21 августа 1871 года.

захватят силой, и ваши войска будут отрезаны»¹.

12 ноября Гамбетта отправился в главную квартиру генерала д'Ореля, чтобы заставить его выступить вперед. Напрасный труд! Генерал заявил ему, что на пути из Версаля Тьер видел 80 тысяч пруссаков, двигавшихся на Орлеан. Войска будут атакованы и не выдержат удара. Орлеан надо эвакуировать! Гамбетте с величайшим трудом удалось помешать отступлению д'Ореля, но от мысли заставить его наступать пришлось отказаться. Три недели бездействия, в продолжение которых д'Орель потопил энтузиазм своей армии в грязи бивуаков. Эти три недели дали пруссакам время закончить концентрацию своих войск.

Фрейсинэ видит объяснение этого бездействия «в миротворческой миссии, которую осуществлял тогда Тьер. Было замечено, что проезд этого известного государственного деятеля через расположение французских войск дважды, в Версаль и обратно, совпал с приостановкой наступления генерала д'Ореля; что в промежутке между этими посещениями последний казался весьма озабоченным слухами о перемирии. Такое сопоставление стало еще более обоснованным вследствие мнения, недавно высказанного с трибуны г-ном Тьером...² Полагают, что это мнение, ставшее тогда известным главнокомандующему, могло повлиять на его образ действий в Орлеане»³.

¹ В тот же период Бисмарк писал своей жене. «наша главная армия скована здесь (в Париже)... и наш энтузиазм испаряется, между тем как французы вновь вооружаются...»

² Заседание 21 августа 1871 года. «По моему мнению, ошибочное требование войны до последней крайности было выдвинуто не в Париже, а на Луаре, когда уже не было больше разумных надежд сформировать по ту сторону этой реки армии, способные освободить Париж от осады.»

³ De Freycinet, La Guerre en province, p. 182—183

Гамбетте пришлось трижды вмешаться, чтобы д'Орель решился несколько продвинуться вперед 30 ноября Гамбетта, извещенный Трошю о предстоящей вылазке парижского гарнизона, приказал двинуть Луарскую армию численностью в 200 тысяч человек к Фонтенбло. Армия, измученная холодом (солдатам было запрещено размещаться в амбарах), была разбита и разрезана на две части. В то время как Шанзи, генерал-республиканец, отступил в полном порядке к Вандому и открыл таким образом для 2-й Луарской армии¹ возможность новой решающей кампании, д'Орель позорно бежал в глубь провинции Солонь, оставив без всякого сопротивления крепость Орлеан, располагавшую большим числом морских орудий. Гамбетта отстранил его от командования.

Д'Орель говорил в свое время: «Если я отступлю, расстреляйте меня!» Не отставал от него и Дюкро. В своем воззвании от 28 ноября к солдатам 2-й Парижской армии он заявил: «Перед вами, перед лицом всей нации клянусь: я вернусь в Париж только с победой или погибну; вы, может быть, увидите, как я паду сраженный, но никогда не увидите моего отступления!» На этот раз была предпринята массовая вылазка (в которой участвовало 100 тысяч солдат, имевших в своем распоряжении 400 пушек), причем ей предшествовали две искусно проведенные диверсионные операции — одна в Женвилье, другая в направлении Шуазиле-Руа.

Была ли эта вылазка успешной? Нет, конечно! Ибо даже маленькая песчинка, попавшая в машину, может вывести ее из строя.

Дюкро не видел того, что обязан был видеть 29-го утром в тот момент, когда войска уже готовились выступить, обнаружилось, что понтонные мосты, которые надо было навести на Марне, не

¹ Впоследствии Шанзи стал очевидцем поражения буржуазии города Лавалья, именитые граждане которого умоляли его оставить город, так как они не хотели оказывать никакого сопротивления пруссакам

готовы¹. В жестокий холод солдаты были вынуждены топтаться на месте в течение 24 часов, *не имея ни палаток, ни одеял*. За это время противник успел сосредоточить свои силы. Фактор внезапности был упущен.

Тем не менее утром 30 ноября французские войска взяли Шампиньи. Следующий день был проведен в ожидании неприятельской контратаки; она последовала 2 декабря. Французские войска, из коих в бой было введено менее половины, отбили ее. Победа была уже почти у них в руках. Но 3 декабря Трошю отдал приказ об отступлении. Дюкро, считавший себя победителем, не осмелился, однако, вернуться в Париж и остановился в Венсенне.

Тот, кто клялся «вернуться с победой или погибнуть», разбит, но цел и невредим.

«В этот момент,— отмечает мэр Х округа Дюбай,— население убедилось в том, что если мы и не победили, то не потому, что у нас не хватало способных генералов, а из-за отсутствия воли и вследствие твердого намерения незаметно привести к такой же капитуляции, как капитуляция Меца»².

После своего «подвига» в Шампиньи Трошю три недели почивал на лаврах; он ограничился тем, что старался завлечь в ловушку Флуранса и расформировать батальон его «бельвильских стрелков». Военный министр генерал Ле-Фло заявил впоследствии³, что форсировать неприятельские линии было вполне возможно и даже нетрудно, но «*в этом отношении не было предпринято никакой серьезной попытки*».

¹ Чтобы скрыть это упущение, ссылались на неожиданный паводок на Марне, но все очевидцы отрицают его.

² Показания в Парламентской следственной комиссии по делу о восстании 18 марта (19 июля 1871 года).

³ Показания в Национальном собрании, заседание 7 июля 1871 года.

Среди командного состава армии усиливались пораженческие настроения. 13 декабря командующий артиллерией Гио писал своему другу, дивизионному генералу Сюзанну, по поводу одного офицера, которого тот рекомендовал ему:

«Скажите мне откровенно, чего вы желаете, и я сделаю это. Я возьму его в свой штаб, где он будет *томиться от безделья*, или пошлю его в Мон-Валерьен, где он будет подвергаться меньшей опасности, чем в Париже... и *будет делать вид, что стреляет из пушки, так как будет стрелять в воздух по методу Ноэля*» (генерал Ноэль был командантом этого форта).

Правительство «обороны» обескураживало избретателей, трудившихся над созданием танка.

«Один из них сконструировал паровую машину, способную врезаться на большой скорости в неприятельские ряды и причинить им неисчислимый урон. Я выбивался из сил, стараясь объяснить ему, что противник будет также уклоняться от встречи с этой машиной, как путники сторонятся при виде приближающегося издали локомотива; кроме того, достаточно расположиться на возвышенности, чтобы сделать эту мнимую адскую машину совершенно безвредной. Но я наталкивался на возражения, лишённые здравого смысла... Мне приходилось также рассматривать проекты передвижных фортов и прочий вздор»¹.

Инициаторов воздушных бомбежек с привязанных аэростатов также вежливо выпроваживали. Высмеивали людей, добровольно предлагавших забросать пруссаков «бутылками, наполненными динамитом, которые, разбиваясь об их каски,

взрывали бы всех, кто имеет неосторожность носить этот слишком прочный головной убор»¹.

Инженеры предлагали проникнуть через катакомбы под плато Шатильон и взорвать его, после того как удастся завлечь туда врагов мнимой атакой. Это предложение было отвергнуто².

Наконец, 21 декабря Трошю счел момент подходящим, чтобы подставить под удар свои войска. Он бросил их на позицию Бурже (которую он после неудачи 30 октября объявил позицией «второстепенного значения»), бросил без всякой артиллерийской подготовки (из-за тумана, существовавшего только в его воображении). Франтирёры-печатники (*de la presse*) и храбрые матросы, участвовавшие в этой операции, вновь подверглись истреблению.

Победа при Ла Виль-Эввар привела войска к воротам Шель. Трошю заставил их отступить. 27 декабря эти части были уничтожены неприятельской артиллерией на плато Аврон, так как они были оставлены без убежищ под предлогом того, что «земля (это было в дни рождества) все еще не поддается лопате». У Трошю не было недостатка в отрицательных доводах, но почему же он не приказал вырыть окопы до наступления морозов?

Отныне для предместий Парижа правительство Ратуши не более, чем «*банда иуд-предателей*»...

¹ Rochefort, *Les Aventures de ma vie*, t. II, p. 281.

² Jules Claretie, *Histoire de la Révolution de 1870—1871*, p. 476.

V

ГОЛОД, ХОЛОД, НИЩЕТА

С самого начала осады в народных клубах ставился вопрос о реквизиции продовольствия и об его нормированном распределении. Эти меры, осуществленные во время войн 1914—1918 и 1939—1945 годов, казались буржуазии 1870 года слишком «революционными». Репортер «Journal des Débats», который составлял отчеты о заседаниях клубов, был поражен, услышав 25 сентября на собрании в клубе на улице д'Ассá требование введения рацийонов¹.

«Париж,— говорил Бланки,— это уже не город, а военный лагерь, его население — это армия, поскольку все его граждане ныне солдаты. Поэтому надо ввести для него рациионы, как это обычно делается для снабжения армий. Следовательно, правительство, на которое возложена задача национальной обороны, должно, не медля далее, реквизировать все продовольствие, будь то у торговцев или у частных лиц, направить его

на склады или же оставить его на тех же складах, где оно было найдено, под ответственность хранителей и под контролем властей. Затем эту массу всевозможных продуктов *следует разделить на рациионы и распределить в зависимости от потребностей каждой семьи*, так как справедливость требует, чтобы каждый, и богатый и бедный, в равной мере испил чашу страданий, причиненных осадой, и внес свою долю тягот во имя защиты родины.

Но как осуществить.— спрашивал журналист,— нормирование в таких огромных масштабах — при населении в два миллиона человек?.. Эту трудность.. разрешил другой оратор, предложивший под аплодисменты присутствующих поручить консьержам составлять списки лиц, имеющих право на снабжение, конечно под руководством комитетов бдительности и при содействии и взаимном контроле самих жильцов»

Клубных ораторов нельзя было обвинить в недостатке остроумия. Один из них, выступая 14 декабря в клубе Революции на Элизе-Монмартр, иронически благодарил правительство за его совет национальным гвардейцам одеваться теплее, носить добротные фланелевые рубашки, кальсоны и пояса. *«К этим советам остается только добавить самую одежду [аплодисменты] и реквизировать ткани в магазинах, где они навалены горой».*

Но правительство не склонно внимать подобным советам. Рынок свободен... но ведь цены на нем подобны ценам всеобщего черного рынка «Нормирование,— предсказывал Молинари¹,— осуществится само собой в результате роста цен на продукты, по мере их исчезновения с рынка».

¹ G de Molinari, Les Clubs rouges pendant le siège de Paris, Garnier Frères, 1871, p 35—36

¹ „Journal des Debats“, 19 septembre 1871

Ниже приводится взятая из газет той эпохи сравнительная таблица цен на некоторые продукты питания (во франках):

	Декабрь 1869 года	25 сен- тября 1870 года	20 ноября 1870 года	21 января 1871 года
Яйца (штука) .	0,15	0,25	0,50	2,50
Картофель (буасо ¹)	1	2,50	6	30
Кролик (штука) .	3	7	15	45—50
Цыпленок (штука) .	4	10	20	55—60
Масло (кг)	6	16	40	80

¹ Буасо — старинная мера сыпучих тел, приблизительно 13 литров. — *Прим. ред.*

И в течение всего этого времени жалование национального гвардейца не превышало *30 су в день!*¹

Тридцать су — это цена кочана капусты 20 ноября, одного воробья — 20 декабря, головки салата или собачьего мозга — 20 января. Легко себе представить, как быстро росла нужда в семьях трудящихся!

Они питались лошадиной требухой и крошками риса. Кошки исчезли. Они стоили на центральном рынке 5 франков штука 10 ноября и 12 франков — 8 января. Ели крыс, продававшихся на рынке грызунов возле Ратуши, до тех пор пока цены на них оставались еще доступными (30—55 сантимов за штуку 9 ноября). В первый день нового года цена на ворон достигла 2,5 франка.

Несмотря на ежедневную выдачу «дешевыми кухнями» неимущим и нуждающимся гражданам 190 тысяч порций «народного супа», смертность неуклонно возрастала: если в августе 1870 года каждую неделю умирало в среднем 900 человек,

¹ А жалование министра — 2 тысячи франков в месяц

го на третьей неделе января 1871 года эта цифра достигала 4665 (в том числе 800 детей).

Это было торжество «суверенной власти денег», как говорил Бланки. Только богачи могли есть досыта, когда мясо мула стоило 8 франков килограмм, ветчина — 16 франков, карп из бассейнов Тюильри или из Венсеннского озера — 20 франков (20 ноября), говяжье филе — 30 франков килограмм (27 ноября), кенгуру — 16 франков килограмм (11 декабря), когда «Потель и Шабо» продавали швейцарский сыр по 36 франков за килограмм и павлинов по 55 франков за штуку (18 декабря), когда сушеный зеленый горошек стоил 4 франка килограмм, а лук — 6 франков литр (27 декабря), мясо слона из Зоологического сада 105 франков за килограмм (27 декабря), а пирожок величиной с кулак с телятиной или с ветчиной у Шеве — 30 франков (8 января).

Только для богачей у рестораторов подавалось седло осла под охотничьим соусом, слоновая нога под белым соусом, боа под соусом тартар, печень страуса, начиненная трюфелями, котлеты из волчатины, рагу из обезьяны, заливное из крокодила, медвежий окорок и жареное верблюжье мясо!

Обжорство имущих оскорбляло изнывавший от лишений народ. Вот, например, меню обеда на шесть персон, приготовленного ресторатором Биньоном 27 декабря:

Консоме из тапиоки.

Суп из зелени.

Масло, редиска, колбаса, сардины.

Ромштекс по-охотничьи с печеными яблоками.

Фаршированная молодая утка по-руански.

Салат из стеблей сельдерея.

Фасоль ассорти.

Белые грибы по-бордоски¹.

¹ Парижские шампиньоны стоили в ту пору 7 франков килограмм.

Яблоки Конде.

Отборные фрукты. Сыр.

Вина: сен-жульен, херес, замороженное бургундское 1846 года.

Позднее, после перемирия, некоторые привилегированные лица воздали честь корыстной... преданности своих рестораторов. Свидетельство тому — медаль, выбитая в честь ресторатора Бребана по заказу группы верных клиентов, среди которых были Эрнест Ренан, Эдмон де Гонкур и Теофиль Готье¹.

Во время осады Парижа несколько человек, продолжая собираться у Бребана два раза в месяц, ни разу не почувствовали, что они обедают в осажденном городе с двухмиллионным населением (1870—1871).

Нищета обездоленных достигла вскоре такой степени, что отчаяние народа вылилось в конце концов в голодные бунты. 28 ноября 1870 года революционерка Луиза Мишель была арестована² за то, что возглавила манифестацию женщин, требовавших: *«Хлеба или смерти!»*

Правительство вынуждено было принять решение о введении рацийонов на мясо и хлеб, чтобы установить на них твердые цены.

Хлеб, или, вернее, заменяющее его жесткое мезиво, сообщает нам некий оратор из клуба Революции (Элизе-Монмартр), состоял 18 января, во-первых, из сена, во-вторых, из высевок овса, в-третьих, из мусора, сметаемого на мельницах, в-четвертых, из глины — «главным образом из глины, так что в данную минуту мы, собственно, поедает холмы Монмартра!» И так как парижан

¹ Видные французские писатели и публицисты.— *Прим. ред.*

² 1 декабря ее освобождения потребовал Виктор Гюго, а также делегация женщин XX округа, руководимая Теофилом Ферре.

никогда не покидает остроумие, то эти голодающие люди еще находят в себе силы шутить...

Разделение Парижа на 20 мэрий привело к тому, что было установлено 20 различных норм снабжения. В одном месте выдавали 60 граммов мяса, в другом — 30. Один-единственный делегат от мэрии руководил распределением 600 пайков. Начиная с трех часов утра хозяйки выстраивались в очереди, месяц ногами грязь перед муниципальной мясной лавкой, а когда она открывалась в 8 часов, они частенько получали... селедку!

100 килограммов угля стоили 7 франков, лес, который национальные гвардейцы рубили в окрестностях Парижа, перепродавался по 3 франка (двухдневное жалованье!) за вязанку весом в 50 килограммов. В конце декабря, когда установились сильные морозы, а цены на дрова подскочили вчетверо, население стало ломать заборы дровяных складов и скамейки в скверах (в одном официальном документе это называлось «грабежом»).

Сроки погашения квартирной платы за три месяца были всего лишь отодвинуты. Жильцы с ужасом смотрели, как накапливаются счета, которых они не смогут погасить. В клубах настаивали на том, чтобы правительство отсрочило на неопределенное время взнос квартирной платы, арендной платы и выплату процентов, *«так как несправедливо сохранять привилегии капиталистов во время переживаемого нами кризиса»*¹.

В середине декабря лозунг «Коммуны» зазвучал с новой силой на народных собраниях: 14 декабря — в клубе Революции на Элизе-Монмартр, 17 декабря — в клубах «Мэзон-Дьё» и Медицинской школы, где Коммуну определяют как «парижское собрание, которое осуществит всеобщий набор». 19 декабря — в клубе «Фавье» в Бельвиле, где освобожденный из тюрьмы Ранвье обрушился на бонапартистских генералов д'Ореля и Бурба-

¹ Molinari, op. cit., p. 195.

ки: «Если бы Луарской армией командовали генералы-республиканцы, как это было в 93 году, Париж был бы уже освобожден от блокады. Вот почему нам нужна Коммуна. Она вернет нам 93 год и принесет победу!» 23 декабря в клубе Медицинской школы и в клубе на Элизе-Монмартр объявляют о восстановлении Комитета бдительности XVIII округа; 25 декабря происходит собрание в зале «Пре-о-Клер» (улица Бак) с участием Шалена, члена Интернационала; 26 декабря в клубе «Рэн Бланш» один оратор заявляет, что правительство имеет только одно намерение — капитулировать. «Это в его интересах, ибо оно может столкнуться с пруссаками, но никогда не договорится с социалистами». 29 декабря в клубе «Фавье» говорят: «Тактика правительства заключается в том, чтобы морить нас голодом и холодом! Этим оно хочет принудить нас к капитуляции!»

В радикально настроенном «Республиканском альянсе», несмотря на то, что Ледрю-Роллен из всех сил старался обуздать «нетерпеливых», в конце концов теряют терпение. На заседании 18 декабря Альянс выразил пожелание, чтобы правительство отказалось от всяких проектов капитуляции и «немедленно использовало для наступления все силы, которыми оно располагает». 3 января, по предложению Делеклюза, он одобрил принцип Коммуны — «муниципального собрания, на которое была бы возложена задача обеспечивать нужды обороны Парижа». Не считаясь с возражениями одного из своих членов, агента правительства, помощника мэра Флоке, Альянс решил опубликовать манифест, ибо «если ждать момента, когда генерал Трошю соблаговолит приступить к действиям, чтобы затем решить, надо или не надо выпускать манифест, то придется долго ждать»¹.

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t. III, p. 274.

Наталкиваясь на упорное сопротивление народа, правительство медлило с капитуляцией. Бисмарк стал терять терпение. В начале января 1871 года он приступил к систематической бомбардировке столицы.

Огонь неприятельской артиллерии осветил ту цель, которую преследовал Тьер, руководя в правление Луи-Филиппа планировкой фортов. Размещая южные форты поблизости от крепостного вала Парижа, он предназначал их не столько для защиты столицы от вражеского вторжения, сколько для ее усмирения. И вот наилучшее доказательство тому: южные форты не в состоянии были помешать крупновским пушкам крупного калибра, установленным на Шатильонских высотах, обстреливать весь левый берег Сены. Тюрьма Санте, военный госпиталь Валь-де-Грас, Пантеон, Люксембургский музей, театр «Одеон», церковь Сен-Сюльпис, Музей естественной истории оказались под ударом. Рабочие кварталы XIII и XIV округов пришлось эвакуировать, так же как и жителей улицы Муффтар (V округ). Снаряды рвались и в конце бульвара Сен-Мишель (у дома № 22) и поблизости от площади Бастилии.

Но вот настали дни девятидневного молитвенного обета в честь святой Женевьевы. Трошю не мог упустить такой возможности — обратиться к заступничеству святой с мольбой защитить несчастное население Парижа:

«Я верующий человек,— писал он в проекте воззвания,— и я молил святую Женевьеву, спасительницу Парижа во времена нашествия варваров, вновь осенить его своей благодатью. Она пожелала в тот же час внять этой мольбе. Она провиденциально внушила неприятелю мысль о бомбардировке, покрывшей позором германское оружие...»¹

¹ D a y o t, L'invasion, le siège, la Commune, Flammarion, p. 358.

Узнав об этой чудовищной выходке, Жюль Фавр прибег к помощи префекта полиции Крессона, который удержал Трошю от опубликования афиши¹.

Виктор Гюго дал Трошю следующую уничтожающую характеристику: Трошю — это «*причастие прошедшего времени от глагола «trop choïr»*»².

Популярность председателя правительства приходит к концу. Когда Луизе Мишель не хватило молока для учащихся основанной ею школы и дети начали капризничать, она пригрозила, что отправит их всех к Трошю. И перепуганные малыши стали умолять ее: «Мадемуазель, мы будем хорошо себя вести, только не отсылайте нас к Трошю!»

30 декабря и 4 января на собрании мэров Парижа некоторые из них даже поддержали мэра XIX округа Делеклюза, когда он потребовал отставки Трошю, военного министра Ле-Фло и главнокомандующего национальной гвардии Клемана Тома, обновления военных комитетов и омоложения штабов, предания офицеров-пораженцев военному суду, мобилизации всей национальной гвардии, учреждения совета обороны, где гражданские представители не были бы подчинены военным, прямого и постоянного участия населения Парижа в решении вопросов, касающихся его дел, и принятия всех необходимых мер общественного спасения ввиду прискорбного бездействия властей.

Временный муниципалитет XX округа, который должен был заменить членов выборного муниципалитета, заключенных в тюрьму за участие в событиях 31 октября, видя растущую непопулярность правительства, подал в полном составе в отставку, но министр внутренних дел отклонил ее.

¹ Cresson, Cent jours de siège à la Préfecture de police, Plon, 1901, p. 209.

² Trop choïr (франц.) — слишком низко пасть, trop chu (по созвучию «Трошю») — слишком низко павший — Прим ред.

6 января Делеклюз и два его помощника, не желая «*далее оставаться безвольным орудием политики, предающей интересы Франции и Республики*», публично заявили о своей отставке и были заменены двумя промышленниками и двумя коммерсантами.

«Красная афиша», выпущенная в тот же день за подписью 140 членов Центрального комитета 20 округов, прокламация, в которой чувствуется хватка Жюль Валлеса, должна была вызвать более живой отклик, чем все предыдущие выступления, отражавшие точку зрения этой организации.

УМРЕМ, НО НЕ СДАДИМСЯ!

«Это решение, — писал впоследствии Жюль Валлес¹, — было принято на собрании, происходившем в доме на площади Кордери, на третьем этаже, в зале, куда ветер врывался через разбитые стекла, которые не удалось вставить ввиду отсутствия денег, где не было иной мебели, кроме нескольких школьных скамей, гладильного стола, служившего столом президиума, и никакой трибуны. Оратор становился прямо перед товарищами, а не на возвышении, и каждый извлял то, что у него лежало на сердце.

Это клубы избрали комитет, принявший название Комитета 20 округов Парижа.

Его история еще не написана. А ведь именно здесь зародились события 18 марта.

Во всяком случае, именно там было решено 5 января составить афишу, которая спасла честь Парижа и которую назвали «*Красной афишей*».

Известные имена не играли никакой роли в ходе прений и в резолюциях этого стихийного парламента; известность выпадала

¹ „Le Cri du peuple“, 7 janvier 1884.

на долю тех, кто хоть мало-мальски способен был выразить общее настроение.

Было решено, что Тридон, Вайян, Левердэ и я представим завтра к часу ночи прокламацию, которой, в случае одобрения ее общим собранием, будет оказана честь быть расклеенной в следующую ночь на стенах Парижа. И хотя на починку стекол и на покупку топлива не нашлось денег, их раздобыли, чтобы напечатать афишу.

Оставалось только составить ее.

Но с народом надо было говорить на языке простом и в то же время проникновенном. Нужно было держать речь перед историей, в момент, когда разразилась одна из самых страшных гроз, под огнем чужеземцев. Нужно было думать одновременно и о Родине и о Революции.

И в тесном помещении на улице Сен-Жак, где они сидели запершись, эти четыре литератора в муках рождали каждую строчку, наносимую ими на бумагу, ибо они боялись впасть в пошлость или в декламацию.

Мы стыдились себя, и каждый бой часов болезненно отзывался у нас в мозгу.

Но вот работа на три четверти готова. Было пять часов утра.

Больной Тридон, которого вскоре свела в могилу снедавшая его болезнь, предложил вздремнуть немного, чтобы утром со свежими силами довести дело до конца. Мы растянулись вдвоем на импровизированном ложе... но я встал, чтобы ему было просторней, бедняге. С его забинтованной шеей, с кожей, свисавшей лохмотьями, он лежал, съезжившись, под единственной простыней, которую нам оставили, так как вторую взяли товарищи.

Его плоть была уже в агонии, но мысль оставалась ясной и здоровой.

Когда мы встали, мы услышали грохот

пушек, еще неизвестный нам звук. Это началась бомбардировка.

Мы закоченели от холода, и от нашей прокламации тоже веяло холодом.

У меня нет слов, чтобы выразить нашу скорбь: мы боялись оказаться недостойными своих товарищей, а между тем гул канонады звучал у нас в ушах, будто гул гневной и разочарованной публики в театре.

Не хватало одной фразы, только одной, в которой трепетала бы душа народа. Нужно было также найти слово, которое определило бы нашу позицию на будущее.

Мы поплелись по направлению к Кордери, не найдя заключительных слов; мы не замечали бомб и в глубине души желали погибнуть, прежде чем дойдем до места.

При одном особенно сильном взрыве Левердэ все-таки вздрогнул, поглядел на небо, нахмурил брови, и бросил в морозный воздух одну фразу, одно слово...

Он нашел!

Прокламация, прочитанная в торжественном молчании, была встречена аплодисментами. Я забыл последнюю фразу, но помню последние слова: *«Место народу! Место Коммуне!»*

Вот основные положения этой афиши, фотокопия которой приводится в настоящей книге:

«Исполнило ли свой долг правительство, взявшее на себя 4 сентября дело национальной обороны? Нет!

У нас 500 тысяч бойцов, а 200 тысяч пруссаков держат нас в осаде! Кто несет за это ответственность, если не люди, которые правят нами? Вместо того чтобы лить пушки и производить оружие, они только и думают что о переговорах.

Они отказались объявить всеобщий набор.

Они оставили на местах бонапартистов¹ и бросили в тюрьму республиканцев.

Своей медлительностью, своей нерешительностью, своей инертностью они привели нас на край бездны: они не умели ни управлять, ни воевать, хотя имели в своем распоряжении все ресурсы, продовольствие и людей.

Они не захотели понять, что в осажденном городе всякий, кто участвует в борьбе за спасение родины, имеет равное право на получение средств существования; они ничего не сумели предусмотреть... люди мрут от холода и почти что от голода...

Руководство военными делами находится в еще более плачевном состоянии; бесцельные вылазки; кровопролитные, безрезультатные стычки; постоянные неудачи... Правительство показало, на что оно способно: оно нас губит. Спасение Парижа требует быстрых решений...

Неужели великий народ 89 года, разрушающий Бастилии и ниспровергающий троны, согласится ждать в пассивном отчаянии, пока голод и холод заморозят последнюю каплю крови в его сердце, удары которого отсчитывает враг? Нет!

Население Парижа никогда не примирится с таким несчастьем и таким позором. Оно знает, что время еще не упущено, что решительные меры дадут возможность трудящимся жить, а всем людям — сражаться.

Общая реквизиция — введение бесплатных раций — наступление крупными силами.

¹ После 4 сентября не было проведено никакой «чистки» Рулан, бывший министр Наполеона III, остался во главе Французского банка, и все крупные сановники империи сохранили свои оклады. Сбежавший в Брюссель Паликао потребовал даже выплатить ему жалованье начиная с 6 сентября!

Политика, стратегия и администрация правительства 4 сентября, являющиеся продолжением политики империи, осуждены! *Место народу! Место Коммуне!*»

Большинство подписавших этот памфлет были людьми неизвестными. Но влияние этих безвестных граждан, связанных с клубами, с комитетами бдительности, с батальонами национальной гвардии, все возрастало. Позднее мы обнаружим многих из них в составе Коммуны¹. Они гордо поднялись против правительства генералов и адвокатов, принеся с собой «общественную мысль, горячую и свежую, как только что вынутый из печи каравай хлеба» (Валлес).

Многие из них, как, например, Лео Мелье, помощник мэра XIII округа, доктор Пийо, скульптор Демэ, были арестованы префектом полиции Крессоном.

На этот раз правительство сочло себя оскорбленным. Трошю нашел нужным ответить на красную афишу следующей прокламацией:

«К гражданам Парижа!»

В тот момент, когда враг напрягает все силы, чтобы утратить нас, предпринимаются попытки с помощью обмана и клеветы ввести в заблуждение граждан Парижа...

Ничто не заставит нас выпустить оружие из рук. Мужество, доверие, патриотизм!

Губернатор Парижа не капитулирует.

В тот же вечер в клубе «Фавье» в Бельвиле атмосфера накаляется:

¹ Среди 140 человек, подписавших эту афишу, отметим имена Белэ, Дюваля, Ферре, Бенуа Малона, Пенди, Режера, Тейса, Тридона, Эдуара Вайяна и Жюля Валлеса

«Он говорит нам, что ничто не заставит его выпустить из рук оружие и что он не капитулирует. Да! Он сохранит оружие, но против нас и не капитулирует перед Бельвилем. Вот что он хотел сказать». Одна гражданка заявляет: «Они упорно идут по тому пути, который приведет нас к гибели. Это настоящие мулы! (Смех.) Ну что ж, мулы уже реквизированы; так давайте же реквизируем и мулов из Ратуши!»

Отвечая на обвинение в том, что они играют на руку пруссакам (самый избитый прием правительства), один молодой оратор из клуба на улице Аррас (в V округе) заявил 13 января:

«Они обвиняют нас еще в том, что мы паникеры, так как мы не верим их лживым сообщениям; но разве истинные паникеры не те, кто каждый день готовит разочарование населению, внушая ему несбыточные надежды? Разве истинные паникеры не те, кто играет на нашей доверчивости и изматывает нас своей ложью?.. О! Трошю еще будет предъявлен страшный счет!»

Знаменательный факт — средние слои начинают сближаться с пролетариатом. Их политические организации — Республиканский альянс и Республиканский союз¹ — открыто высказываются за Коммуну. Один из их глашатаев, Паке, заявил во время публичного собрания на улице Аррас, что «у него открылись глаза, и он не сомневается более в том, что мы опутаны тенетами измены».

В клубе Медицинской школы некто Менар разоблачает «вынашиваемую Трошю заднюю мысль о реставрации династии Орлеанов». Делегаты клубов завязывают связи с делегатами многих рот национальной гвардии.

¹ Республиканский союз, возникший в период осады Парижа, объединял мелкобуржуазных демократов (неоякобинцев) и социалистов прудонистского направления. Этот союз ставил своей целью активное участие в борьбе против немецкого нашествия и проведение ряда демократических и социальных реформ. В январе 1871 года эта организация предложила создать городской совет из 50 человек для руководства обороной Парижа — *Прим. ред.*

В умах патриотически настроенных масс Коммуна стала средством, способным гарантировать общественное спасение. Коммуна — магическое, волнующее слово, обеспечивавшее единство действий всех патриотических и революционных сил. Для прудонистов из Интернационала Парижская Коммуна — это первая самоуправляющаяся коммуна Франции, выборная мэрия столицы, которая покажет пример децентрализации и послужит отправной точкой для будущей федерации коммун всей Франции. Для бланкистов и якобинцев она означала воскрешение революционной Коммуны 1792—1793 годов, централизованной и диктаторской Коммуны, которая низвергла монархию, раздавила жирондистов и спасла отечество в минуту опасности.

«*Да здравствует Коммуна!*» Этот спасительный лозунг воплощал все надежды, примирял и сплачивал еще недавно враждовавших идеологических противников.

«*Коммуна*, — воскликнул один популярный оратор в зале «Фавье» 6 января, — *это право народа, это введение равных рацийонов, это всеобщий набор и наказание предателей, Коммуна, наконец... это Коммуна!*»¹.

Как же сдать Париж в этой новой политической атмосфере, не вызвав неизбежного восстания?

¹ Molinari, Les Clubs rouges pendant le siège de Paris, p. 213.

VI

КАПИТУЛЯЦИЯ

14 января 1871 года Бисмарк получил письмо от Жюля Фавра, в котором тот испрашивал у него разрешения на проезд вместе с двумя дочерьми и зятем через расположение немецких войск, с тем чтобы отправиться в Лондон¹.

У канцлера не было недостатка в партнерах для переговоров. 11 января Дювернуа, бывший министр Наполеона III², попросил у него разрешения прибыть в Версаль, чтобы вести переговоры от имени императрицы. Она согласилась наконец на все условия: на территориальные уступки, на размещение военных издержек, на оккупацию. Дювернуа писал, что «он участвовал в деле снабжения Парижа продовольствием и знает, что город очень скоро будет вынужден сдаться, и потому он так торопится вступить с нами в переговоры» (слова Бисмарка)³.

Компания Тьер — Фавр — Трошо торопилась не меньше. Трошо придумал хитроумный способ опередить императрицу в этом состязании, где

¹ „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 201.

² Клеман Дювернуа был министром земледелия и торговли в правительстве графа Паликао.—Прим. ред

³ „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 247—248

каждый стремился первым поставить свою подпись под прусским диктатом.

«Если, — говорил он, — в крупном сражении под Парижем на поле боя падет 20 или 25 тысяч солдат, Париж капитулирует». И в ответ на поражения он торгуется о том, сколькими человеческими жизнями следует пожертвовать.

Ему нужно кровавое поражение, так как «национальная гвардия не согласится на мир, пока не потеряет 10 тысяч человек».

Об этом сообщает не коммунары, а друг Трошо, ярый реакционер Максим Дюкан¹.

Правительство ухватилось за эту каннибальскую идею, о чем свидетельствуют официальные источники.

Вот что говорится в «Парламентском следствии по делу о восстании 18 марта»² относительно битвы при Бюзанвале:

«Это сражение, решение о котором было принято только в понедельник 16 января, было дано военным начальством без особых надежд на успех. Но правительство стремилось успокоить общественное мнение...

На одном из военных советов, предшествовавших битве при Бюзанвале, один генерал обсуждал план атаки, когда член правительства национальный обороны³ воскликнул:

«Не то, не то, генерал, нужно, чтобы национальная гвардия совершила крупную вылазку». На что генерал ответил: «Национальная гвардия не подготовлена к боям в открытом поле». «Это ничего не значит, генерал, — возразил член правительства, —

¹ Maxime du Camp, Les Convulsions de Paris Librairie Hachette, 1897, t. I, p. 11.

² „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t. I, p. 399.

³ Согласно Ж. Буржену („La Commune“, Editions nationales, 1938, p. 130), речь шла о Жюле Фавре и Жюле Ферри.

ведь общественное мнение не успокоится до тех пор, пока 10 тысяч национальных гвардейцев не падут на поле боя...»

Генерал Дюкро подтверждает¹:

«Я слышал подобные разговоры на заседаниях правительства, где я со всей энергией боролся против пагубных теорий, выдвигавшихся каждый день: «Генерал, что бы вы ни говорили, общественное мнение не успокоится до тех пор, пока не падет 10 тысяч национальных гвардейцев!»

Дюкро точен: Бюзанваль — это «операция, имевшая единственную цель: принести в жертву 10 тысяч национальных гвардейцев».

Генерал Клеман Тома также придерживался того мнения, что следовало бы решиться на «небольшое кровопускание: известное количество горячих голов, во всяком случае, будет разбито, и этого, вероятно, окажется достаточно, чтобы охладить остальных»².

Точно так же рассматривали эту «вылазку» главный штаб и большинство командиров частей: «Что ж, пусть немного намнут бока национальным гвардейцам, раз уж им так этого хочется», — заявил некий пехотный полковник³.

Цель определена. Остается уточнить средства для ее достижения. Но, как простодушно заявил министрам Дюкро, дать истребить 10 тысяч национальных гвардейцев — «не такая уж простая штука, как вам кажется».

В понедельник 16 января на военном совете атака была назначена на четверг, в 6 часов утра.

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t III, p. 13.

² C. Tales, La Commune de 1871. Librairie du Travail, p. 33.

³ „Enquête parlementaire sur les actes du gouvernement de la Défense nationale“. Показания полковника Шапе.

«Был уже почти час ночи, когда мы разошлись. Генерал Шмитц лег спать и начал готовиться к сражению только на следующий день»¹.

Шмитц — это начальник штаба Трошю, тот самый, который на следующий день после событий 4 сентября «решил не защищаться». Вот по крайней мере один, угадавший тайные желания правительства!

Теперь не было уже практически никакой возможности организовать наступление за 48 часов, из которых 12 часов Шмитц потратил на то, чтобы выспаться!

В назначенный день и час пушка с Мон-Валерьяна подает сигнал к атаке. Головные колонны Дюкро являются с опозданием на три с половиной часа, когда редут Монтрету уже захвачен и Бюзанваль находится под угрозой. У пруссаков есть время подтянуть свои резервы. Они смогут разбить три наших армейских корпуса один за другим. Будут, будут эти 10 тысяч убитых!

Но как просчитались относительно национальных гвардейцев! Они бросаются на приступ, примкнув штыки, под крики «Да здравствует Республика!», захватывают намеченные объекты с энтузиазмом старых воинов, выдерживают, не дрогнув, в течение пяти часов вражескую бомбардировку и возобновляют атаку без поддержки артиллерии (последняя была предусмотрительно оставлена между мостом Нейи и Курбевау, как можно дальше от театра военных действий).

Начиная с полудня зубчатая стена в парке Бюзанваля «задерживала наступление передовых отрядов; бесплодные атаки следовали одна за другой, а между тем это препятствие могло бы быть сметено шестью залпами пушек!»².

¹ Показания Дюкро в Парламентской следственной комиссии по делу о восстании 18 марта (30 июня 1871 года)

² A.-J. Dalseme, Paris pendant le siège, E. Dentu, Paris, 1871, p. 268.

Вечером, считая, что число убитых достигло уже необходимой цифры, Трошю заявляет: *«Прекратим сражение, их уже достаточно перебито!»* Он дает приказ об отступлении, в то время как в резерве между Мон-Валерьеном и Бюзанвалем у него еще оставалось 40 тысяч человек.

Национальные гвардейцы, вынужденные оставить позиции, завоеванные в ожесточенном бою, кричат об измене.

Стремясь подорвать дух населения, Жюль Фавр распорядился расклеить на следующий день афишу, в которой Трошю доказывал необходимость двухдневного перемирия, чтобы вывезти с поля боя раненых и убрать трупы, «а для этого нужно время, нужны усилия, хорошо оборудованные повозки и множество санитаров»¹.

Ну, теперь вы довольны, сторонники «войны до последней крайности»? Достаточно ли вам намляли бока?

На этот раз престиж Трошю был окончательно подорван даже среди патриотически настроенной мелкой буржуазии.

В своем «Дневнике морского офицера»² Франсис Гарнье следующим образом описывает настроенные национальной гвардии после поражения при Бюзанвале:

«Бросив в бой 19 января национальную гвардию, чтобы подавить ее неумное стремление к сопротивлению, ей наглядно показали недостатки ее организации и кадров, но ее отнюдь не убедили в том, что нельзя было достигнуть иных результатов при тех мощных и многочисленных средствах обороны, которые население с такой безграничной самоотверженностью и с таким величайшим доверием отдало в руки правительства».

¹ Флуранс оценивает число убитых и раненых при Бюзанвале национальных гвардейцев в 1680 человек.

² F. Garnier, Journal d'un officier de marine, Ch Delagrave et Cie, Paris, 1872, p. 166.

В манифесте от 20 января, подписанном Далеклюзом, Артюром Арну, Курне, Прото, Разуа, будущими членами Коммуны, Республиканский альянс следующим образом мотивировал свою оппозицию:

«Постоянные поражения Парижской армии, отсутствие решительных мер, плохое руководство действиями, сменившееся полным бездействием, скудные рационы — все словно рассчитано на то, чтобы вывести народ из терпения».

И во имя общественного спасения Республиканский альянс требовал избрания в Париже в течение 48 часов, под контролем Дориана, полномочного Собрания в составе двухсот человек (на основе пропорционального представительства от всех округов).

Мэры и их помощники, столь покорные до сих пор, почувствовав возмущение своих подопечных, тоже стали поднимать свой голос. Трошю надеялся привести их к покорности, заявив им, что с самого 4 сентября он не верил в возможность обороны, но привел их только в ярость. Как? Он с самого начала считал поражение неизбежным и признался в этом только теперь, после 128 дней осады, хотя он не переставал провозглашать как раз обратное!

Даже самого Жюля Фавра, казалось, вывел из себя несдержанный язык губернатора и председателя правительства. Необходимо было как можно скорее избавиться от этого болтуна. 21 января пытаются убедить мэров, что именно им, избранным всеобщим голосованием, принадлежит честь подписать капитуляцию... Они упрямятся. Между тем нужно было найти выход из положения. Поскольку Трошю заявил, что «губернатор Парижа никогда не капитулирует», а решено было все-таки капитулировать, оставалось только одно — упразднить пост губернатора! Трошю остался все же формально председателем правительства, а на посту командующего армией его заменили Винуа, с которым предварительно даже не поговорили.

Винуа — человек крутого нрава, рубака, деятель 2 декабря, «прославившийся» после государственного переворота беспощадным подавлением республиканского движения в департаменте Нижние Альпы. Генерал и сенатор империи, он слегка брюзжит по поводу тяжелого наследия, но в глубине души злорадствует: люди 4 сентября, которые ниспровергли империю, теперь умоляют его возгласить их! Но пусть не требуют, чтобы он «миндальничал» с чернью. *«Нечего строить себе иллюзии... настал критический момент».* Таков его первый приказ по армии. И чтобы все стало понятным, пусть оставят его в покое с пруссаками: предстоит только одна борьба, борьба *«за поддержание порядка»*, так как *«внутри страны поднимает голову партия беспорядка».*

21 января, после полудня, на похоронах полковника Рошбрюна, павшего в бою под Бюзанвалем, несколько рот национальных гвардейцев Бельвиля устроили манифестацию. *«Долой правительство!», «Да здравствует Коммуна!»* — кричали они. Вечером в Центральном комитете 20 округов, в комитетах бдительности, на собраниях в клубах, в клубе «Рэн Бланш» (Монмартр) и в клубе Медицинской школы (в Батиньоле) было решено собраться завтра в полдень перед Ратушей. Незадолго до полуночи национальные гвардейцы ворвались в тюрьму Мазас и освободили Флуранса и всех арестованных за участие в событиях 31 октября. Была предпринята попытка захватить мэрию XX округа и ударить в набат в церкви Сен-Поль. Флуранс верит, что еще не поздно все спасти, что еще можно реорганизовать за три дня армию, выступить против пруссаков и победить.

Именно эту проклятую «веру в победу» нужно было задуть окончательно. И Винуа не колеблется. 22 января, в три часа утра, он поднял по тревоге начальников секторов: «Все предвещает наступление бурного дня. Ваши люди должны быть готовы на рассвете, как можно раньше, и ждать наших распоряжений».

Кому какое дело сейчас до «фронта»? Единственный фронт — это фронт внутренний! Винуа стягивает к Ратуше войска, сосредоточивает поблизости от нее, в Отель-Дьё, три батальона бретонских мобилей, занимает Бельвиль и размещает — не без труда — на Елисейских полях свои резервы: *две дивизии*, вызванные из Пюто, Жантйи и Ле-Лиля.

В полдень была расклеена прокламация генерала Клемана Тома, главнокомандующего национальной гвардии:

«Кучка смутьянов силой захватила тюрьму Мазас и попыталась «поднять восстание». Нужно подавить этот «преступный мятеж» бунтовщиков. *«Будем готовы покончить с этой разбойничьей авантюрой!»* По первому же зову национальная гвардия должна *подняться вся как один*, чтобы раздавить смутьянов».

«Смутьяны» — это те 10 тысяч патриотов, которые собрались к 14 часам на площади Ратуши, чтобы поддержать требования делегаций Республиканского альянса, Центрального комитета 20 округов и 101-го батальона национальной гвардии XIII округа, которые входят одна за другой в здание муниципалитета и требуют отставки правительства, создания Коммуны и продолжения войны с пруссаками.

«Национальные гвардейцы *всех оттенков*, — свидетельствует Франсис Гарнье¹, — почти единодушно заявили, что ни за что не станут поддерживать правительство, слабую и бездарность которого внушают им только отвращение. Батальоны, посланные нами после полудня на площадь Согласия, растаяли по дороге: гвардейцы либо разошлись по домам, либо вернулись на крепостной вал».

¹ Francis Garnier, Journal d'un officier de marine, p. 153.

Ввиду отсутствия членов правительства и мэра по назначению делегации принял заместитель мэра Шодэ¹. Он грубо выпроводил их, заявив, что «мятеж будет подавлен силой», а секретарь мэра Камбон телеграфировал министру внутренних дел: «Как можно скорее примите меры, чтобы очистить площадь». Все было готово, чтобы согласно воле Винуа и Клемана Тома «покончить с этим». В 15 часов, когда на площадь вышла одна маршевая рота 207-го батальона национальной гвардии (Батиньоля) во главе с Бенуа Маломом, достаточно было одного выстрела провокатора, чтобы офицеры мобилей, сидевшие в засаде у окон Ратуши, открыли ружейную пальбу по толпе, заполнившей площадь. Это была настоящая бойня. Более тридцати убитых и раненых остались лежать на мостовой. Среди убитых был майор Сапия, член Центрального комитета 20 округов.

Национальные гвардейцы, к которым присоединились женщины (в том числе Луиза Мишель), отстреливались с площади и из соседних домов, где они закрепились. Но вот появился Винуа с мобилиями из Отель-Дьё. И после решающей схватки пришлось дать сигнал к отступлению.

Порядок восторжествовал: было арестовано 83 человека, в том числе Делеклюз. Его газета «Réveil» запрещена, так же как и «Combat» Феликса Пиа. Клубы закрыты. Теперь можно заняться серьезными делами.

На военном совете под председательством Жюля Симона, министра народного просвещения, генерал Леконт добился принятия решения о немедленной капитуляции. На следующий день, 23 января, правительство попыталось свалить на патриотов ответственность за бойню перед Ратушей: «Это гнусное преступление — дело рук кучки людей, которые служат интересам врага». Пра-

¹ В апреле 1871 года он был арестован, заключен в тюрьму в качестве заложника, а затем расстрелян по приказу прокурора Коммуны Риго.— *Прим. ред.*

вительство будет поддерживать *порядок* с помощью репрессий.

Как прав был Бланки, когда он предсказывал 12 октября в газете «La Patrie en danger», что в конце концов будут обзывать «пруссакком каждого, кто не захочет открыть ворота пруссакам».

Теперь, когда справились с «пруссаками Флуранса», можно начать переговоры с пруссаками Вильгельма!

23 января Жюль Фавр уже был в Версале, у Бисмарка

«Он говорил со мной откровенно, — повествует имперский канцлер. — Он признался мне, что дела в Париже плохи»¹

25-го Жюль Фавр и его зять «сели с нами за стол и отдали должное поданным им вкусным кушаньям»².

Заместитель председателя правительства жалуется Бисмарку, что мобили (французские) разграбили его виллу в окрестностях Парижа³, а два дня спустя он сетует на то, что его положение в Париже стало весьма критическим⁴. В ответ на это Бисмарк дает совет, к которому его собеседник не останется глух: «Спровоцируйте же мятеж, пока у вас есть еще армия для его подавления»

Жюль Фавр вполне согласен с тем, что это «единственное средство совладать с массами» Бойня 22 января — это лишь робкая репетиция большой кровавой резни, которую можно будет устроить после заключения мира.

В предместьях с яростью в сердце распевали куплеты Эмиля Дерё, неизвестного пролетария:

Да будет мир! И Францию продав,
Вновь обжирайся, буржуа-удав.
Ведь Бисмарку ключи Парижа Тьер
С поклоном шлет уже в Ферьер

¹ „Mémoires de Bismarck“, t I, p 273

² Там же, стр. 276.

³ Там же, стр. 278.

⁴ Там же, стр. 285

Марают Фавр последний протокол,
Трошю забыл своих проектов текст...
Ну что ж, Бребан, готовь парадный стол.
Париж ведь будет продан за бифштекс! ¹

С 26 января огонь прекратился по всей линии фронта. Дориану с трудом удалось убедить Флуранса и Мильера не начинать патриотического восстания. 27-го Винуа подавил последние вспышки сопротивления. Мобилей из Сен-Дени, которые захотели вернуться в Париж, отбросили у ворот Ла-Шапель. Из Ратуши, занятой линейными войсками, выгоняют штаб 175-го батальона (X округа), делегацию 145-го батальона (III округа) и делегацию от 550 капитанов национальной гвардии, которые хотят драться с врагом.

В два часа утра огромная толпа прошла по бульварам, неся транспаранты с надписью: «*Не сдадим наших фортов!*» Толпа кричала: «*Измена!*», «*Да здравствует Коммуна!*» В церквах Сен-Лоран, Бонн-Нувель и Сен-Венсан де Поль бьют в набат.

Делегаты от 35 батальонов, собравшись в клубе Монтаньяров (Страсбургский бульвар), избрали главнокомандующего и начальника штаба Парижской армии — Брюнеля, командира 107-го батальона, и Пиаццу из 36-го батальона национальной гвардии. Брюнель и Пиацца разослали революционные приказы, чтобы подготовить последнюю вылазку. «Подать их мне живыми или мертвыми!» — заявил префект полиции своим агентам, приказав им арестовать Брюнеля и Пиаццу. На заре оба офицера-патриота были захвачены врасплох в их главной квартире на бульваре Вольтера ².

¹ „Les Poètes de la Commune“, préface du Jean Varloot, Editeurs français réunis, 1951.

² Оба офицера приняли затем активное участие в борьбе Коммуны: Брюнель стал членом Коммуны, а Пиацца — начальником одного из легионов национальной гвардии.— *Прим. ред.*

На следующее утро Клеман Тома разгоняет на Елисейских полях последние манифестации. Все кончено! Расклеивают правительственные афиши, доказывающие необходимость перемирия. А на следующий день публикуют его условия. Чтобы дать возможность избрать Собрание, которое должно ратифицировать условия мирного договора, военные действия были прекращены на 21 день всюду, за исключением департамента Юра, единственного, где перемирие можно было использовать для перегруппировки французских войск. Разбитому наголову генералу Бурбаки даже не сообщили о пункте, который его касался. Неприятель застиг его врасплох, так как генерал был убежден, что военные действия приостановлены; его армия избежала плена только благодаря тому, что перешла границу Швейцарии.

Париж должен был сдать свои форты и пушки с крепостного вала. Войска его гарнизона были отныне на положении военнопленных, за исключением 12 тысяч человек, которым была поручена охрана порядка, и национальной гвардии, сохранившей свое оружие.

Это последнее условие, инициативу выдвижения которого приписывает себе Жюль Фавр, было вынужденным.

Разоружить национальную гвардию — кто осмелился бы пойти на это? «*Никто*, — заявил один из капитанов национальной гвардии ¹, — *ибо каждый, кто захотел бы вырвать у нас из рук ружье, получил бы в ответ пулю в лоб*».

Таково же мнение и военного министра Ле-Фло:

«Как бы ни хотелось нам разоружить национальную гвардию, мы, разумеется, все равно не смогли бы этого сделать. Национальная гвардия была полна решимости не допустить своего разоружения; пришлось

¹ Капитан Бретт в воззвании «К 400 тысячам национальных гвардейцев Парижа» („Murailles politiques françaises“, t. I, p. 966).

бы дать сражение в самом Париже..¹ сражение, в исходе которого мэр Парижа, Жюль Ферри, не сомневался: *«Будьте уверены, мы бы взлетели на воздух»*².

Сам Жюль Фавр признавал это:

«До 30 января невозможно было отнять оружие у национальной гвардии; для этого пришлось бы сражаться с каждым бойцом в отдельности... Это должен был бы сделать неприятель: если бы пруссаки вступили в Париж, национальная гвардия сдала бы свое оружие»³.

Такое кощунственное предложение Жюль Фавр сделал Бисмарку, когда тот потребовал от него разоружения национальной гвардии:

«Вы ошибаетесь, полагая, что мы могли бы ее разоружить. Кто, в самом деле, может разоружить ее? Только не войска. Ни одна часть национальной гвардии не согласится разоружить другую. *Хотите разоружить национальную гвардию — вступите в Париж, если это вас устраивает...* Мы не в силах разоружить хотя бы один батальон: у нас нет таких средств. *Вы же сможете это сделать, только войдя в Париж»*⁴.

Но Бисмарк не хотел брать на себя столь опасную задачу. Это подтвердил и Трошю после того, как признался в собственном бессилии:

«Ах, есть люди, которые считают, что можно было разоружить национальную гвардию Парижа в момент капитуляции

¹ Показания перед Парламентской следственной комиссией (23 июня 1871 года).

² Показания перед Парламентской следственной комиссией (7 июля 1871 года).

³ Показания перед Парламентской следственной комиссией (23 июня 1871 года).

⁴ Согласно показаниям Жюля Ферри (23 июня 1871 года).

28 января!.. Но это химера! Единственной силой, которая могла бы в тот момент *попыаться* осуществить это разоружение, была прусская армия, *вся целиком*. Господин Бисмарк со своей стороны прекрасно знал, что мы абсолютно бессильны совершить это. *Да и сам он*, как подтвердили факты, *не хотел идти на такой рискованный шаг»*¹.

В одном Трошю был прав: «кажущаяся уступка» Бисмарка «была вынужденной!»

Этот страх перед национальной гвардией (страх, который одинаково испытывали и правительство и неприятель), не доказывает ли он, что эти мнимые защитники родины, которые, в сущности, никогда не хотели бросить против пруссаков такую грозную силу, как вооруженный народ, повинны в поражении?

Правительство располагало всем необходимым для достижения победы: энтузиазмом населения Парижа и других больших городов, поднявшегося на защиту республики и территориальной целостности родины; значительными вооруженными силами, которые требовали только одного — вести их в бой; грозной артиллерией, с лихорадочной поспешностью отлитой пролетариями самой высокой квалификации. И все это правительство умышленно погубило!

Даже в день капитуляции разве положение было уж таким безнадежным?

Против 300 тысяч пруссаков Париж имел, согласно официальным данным, 250 тысяч солдат (не считая 40 тысяч больных и раненых, которых можно было вернуть в строй) и 300 тысяч хорошо вооруженных национальных гвардейцев.

По словам Винуа, форты держались и *«трудно было предвидеть предел их сопротивления...»*

¹ Показания перед Парламентской следственной комиссией (26 июня 1871 года).

К моменту перемирия до этого предела было, конечно, еще очень далеко»¹. Потери убитыми и ранеными по всему южному фронту не превышали в среднем 37 человек в день.

Ле-Фло признает, что к моменту капитуляции «мы располагали большими запасами боеприпасов»².

Но, как утверждало в свое оправдание правительство, продовольствия оставалось только на три дня.

Вот как!?

Во всяком случае, мы узнаем от Винуа, что на фортах было оставлено некоторое количество продовольствия, которым завладел неприятель³.

В «Дневнике осады», опубликованном в «Le Gaulois», мы читаем в записи от 27 января:

«Со вчерашнего вечера, как только разнесся первый слух о перемирии, словно из-под земли... появились разнообразные продукты питания, о существовании которых никто не подозревал... витрины бакалейщиков вновь наполнились, точно по волшебству».

Почему не сделано было более значительных запасов продовольствия тогда, когда коммуникации еще не были перерезаны?

Почему не прислушались к голосу клубов, когда они требовали реквизиции всех продуктов питания и их распределения по рационам? Почему, наконец, не организовали массовой вылазки до капитуляции Меца?

Ответственность правительства национальной обороны за поражение очевидна. Народ кричит об измене. Он вскоре поймет, что речь идет не просто об измене отдельного лица, не о случайной

¹ Vינוא, L'Armistice et la Commune, Plon, 1872, p. 74—75.

² Показания перед следственной комиссией по делу о восстании 18 марта (7 июля 1871 года).

³ Vינוא, L'Armistice et la Commune, p. 105.

измене какого-нибудь Тьера, Жюль Фавра или Трошю. Позиция правящих политических и военных кругов — это позиция классовая, неизменная и последовательная. Конечно, Тьер и Жюль Фавр без особой охоты отдали Пруссии Эльзас-Лотарингию, пять миллиардов золотом и преобладающее положение в Европе. Но «враг» — не просто враг, он в то же время и союзник в борьбе против народа Парижа, жаждущего свободы и социального прогресса. Господин Бисмарк вполне согласен с господином Тьером, что нельзя позволить «этим канальям» добиться лучших условий жизни, «фальсифицируя стоимость рабочей силы».

«Буржуазия, — писал в начале осады Франсиск Сарсэ¹, — увидела не без некоторой горечи, что она находится между пруссаками, наступившими ей ногой на горло, и теми, кого называли красными и которых она представляла себе не иначе, как с кинжалами в руках, жадно ожидающими случая пограбить. Не знаю, какое из этих двух зол внушало ей больший ужас: она сильно ненавидела чужеземцев, но еще больше боялась бельвилльцев».

Раздираемая противоречивыми чувствами, рожденными, с одной стороны, шовинизмом, а с другой стороны, классовыми интересами, она стояла перед выбором: либо трусливо уступить, либо согласиться на позор. Отсюда ее пораженчество, барометром которого служила биржа.

Из «Дневника парижского буржуа во время осады» мы узнаем, что 2 ноября, когда распространились слухи о перемирии, рента повысилась на 2 франка: «Перемирие — это мир! Какое магическое слово!» Три дня спустя курс ценных бумаг на бирже стал колебаться: «Считают, что переговоры с Пруссией слишком затянулись!»

¹ F. Sarcey, Le siège de Paris, p. 87.

Говоря о патриотах, реакционер Фидюс горестно восклицает в своем дневнике:

«Чувствуется, что эти люди готовы на все, лишь бы отстоять свою республику. Они думают только о ней: прогнать пруссаков — это только средство сохранить ее»¹.

И он не скрывает своей радости, когда слышит, как его друзья высказывают пожелание, которое выражает их затаенные мечты: «Когда придут пруссаки, они наведут полный порядок!»².

«По существу, за этой внешней войной скрывается война внутренняя, — справедливо замечает Бланки³. — Именно внутренняя война определяет исход внешней. Капитал предпочитает прусского короля республике. С ним он обеспечит себе, если не политическую власть, то уж по крайней мере социальное господство».

Сам Дориан, «безупречный» Дориан, бывший кумиром народа во время событий 31 октября, пытался впоследствии оправдать перед Парламентской следственной комиссией свою роль инициатора кампании по изготовлению лушек, ссылаясь на свои интересы предпринимателя⁴: «Удержать рабочих в мастерских было моей главной заботой. так как я боялся парижан больше, чем пруссаков»⁵.

После установления Коммуны Сарсэ не мог больше сдержать своей пылкой благодарности пруссакам, этим «славным, оклеветанным людям», которые несут караул вокруг восставшего Парижа. Какой божественной музыкой звучало для него гортанное «ја» («да») баварского часового:

¹ „Journal de Fidus“, p. 81.

² Там же, стр. 223.

³ „La Patrie en danger“, Paris, 1871, p. 221—222.

⁴ У него был завод в Юньё (в департаменте Луара), производивший серпы и косы; на нем было занято 600 рабочих. (Duvèau, La vie ouvrière sous le Second Empire, Paris, 1946, p. 161.)

⁵ Dépositions, t. I, p. 525.

«Это, вероятно, город Х..?» — говорю я.
«Ја».

— Ты не можешь себе представить, как было произнесено это «ја» и сколько оно мне говорило! Это «ја», более глубоко, чем немецкая пивная кружка, казалось, говорило: «Да, бедный француз, мы здесь, теперь не бойся ничего; у тебя не станут больше требовать свидетельства о гражданской благонадежности, тебя не засадят больше в тюрьму; ты будешь иметь право уходить, приходить, говорить, сколько вздумается; ты будешь есть, пока не насытишься, и пить, пока не утолишь жажду; ты не услышишь больше пушечных залпов: ..ты родился в свободной стране, «ја», в дружественной стране, «ја», под защитой баварских штыков, «ја, ја!»

Я не мог удержаться, чтоб не повторить в свою очередь это «ја», пытаюсь уловить его интонацию...»¹

То было время, когда мэр Амьена г-н Дофэн, опасаясь «коммунистических беспорядков», писал фон Бюлову, находившемуся тогда с оккупационными войсками в этом городе, и умолял его «предотвратить волнения путем строжайшего надзора и энергичного подавления возможных попыток мятежа»².

В оккупированной Лотарингии, сообщает нам первый председатель судебной палаты в Нанси, пруссаки добросовестно несут охрану. Они готовы беспощадно подавлять всякое проявление

«дурных чувств и преступных замыслов. Таким образом, можно сказать, что иностранная оккупация, которая является для нас кошмаром и разорением, обеспечивает

¹ „Le Drapeau tricolore“, 20 mai 1871.

² „Mémoires du chancelier prince de Bülow“, Plon, 1931, t. IV, p. 157.

вместе с тем, как бы в виде компенсации, *нашу безопасность*. Я часто слышал подобные унижительные признания»¹.

С 11 сентября Бисмарк был потрясен перспективами, которые открылись перед ним вследствие поражения имуших слоев. После того как он принял депутата Законодательного корпуса, фабриканта шампанских вин в Реймсе, умолявшего его о помощи против рабочего класса, он воскликнул: «Вот еще одна вещь, о какой мы не смели и мечтать месяц тому назад: германские солдаты, защищающие французов от эксцессов Коммуны».

После победы он все еще поражается рабской угодливости префекта полиции Крессона. «По всякому поводу он обращался к нам за советами и инструкциями»². И Бисмарк заносчиво отвечает ему: «Если полиция бессильна в Париже, нам придется самим взяться за это дело».

Единственное, что вызывает его беспокойство, это парижский пролетариат и Интернационал («*наш общий враг*», как он заявил Жюлю Фавру, своему почетному гостю)

«С Фавром я мог делать все, что мне заблагорассудится. Но не с населением! У них сильные баррикады; у них есть еще 300 тысяч вооруженных людей, из которых 100 тысяч, несомненно, храбро сражались бы»³.

Другим источником беспокойства для Бисмарка был Гамбетта; у себя в Бордо он не желал признавать перемирия, которое заключили, не посоветовавшись с ним, перемирия, которое «с преступным легкомыслием отдает прусским войскам

целые департаменты, занятые нашими солдатами» 31 января он вновь дает префектам указания о «войне до последней крайности» и предлагает им использовать прекращение военных действий для укрепления трех оставшихся у Франции армий. В то же время он издает декрет, лишаящий права быть избранным в Национальное собрание всех бывших официальных кандидатов империи.

Это приводит Бисмарка в ярость, он требует, чтобы Жюль Фавр отменил этот декрет¹, и угрожает в противном случае вновь запретить подвоз продовольствия в Париж².

Жюль Фавр отвечает: «Вы совершенно правы, взывая к моей справедливости... Если декрет, о котором вы говорите, был издан бордоской Делегацией, он будет отменен...»³ И он посылает Жюля Симона в Бордо с отрядом тщательно отобранных полицейских, чтобы уведомить Гамбетту об отмене декрета.

Полицейских прогнали. Гамбетта, поддержанный муниципальным советом Бордо, пригрозил Жюлю Симону арестом.

Но Тьер тут как тут. Он плетет нити пораженческого заговора, тайком распространяет изданный в Париже декрет, вовлекает в этот заговор военачальников, меняет каждый вечер квартиру. Тьер и Жюль Симон решаются наконец просить подкрепления у Парижа. Жюль Фавр направляет к ним трех министров: Араго, Гарнье-Пажеса и Пельтана.

Гамбетта смог бы удержаться у власти, только если бы он решился опереться на народ. Но на это он не может решиться и, по выражению Поля Лафарга, уходит в отставку «как дурак». В своем письме к Карлу Марксу от 9 февраля Лафарг приводит интересные подробности об устранении

¹ Доклад Л. Леклера, первого председателя судебной палаты в Нанси, от 19 августа 1871 года („Enquête sur l'insurrection du 18 mars“, t. I, p. 497).

² „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 297

³ Там же, стр. 310

¹ См. его депешу, приведенную в „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 307.

² Vinoy, L'Armistice et la Commune, p. 117

³ „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 312—313

Гамбетты: «Ранк и Тарже¹ как будто хотели прибегнуть к решительным мерам. Вместо того чтобы, предвидя эти разногласия, поощрить народные манифестации, Гамбетта подавил их. Не мудрено, что он прошел как тень, не оставив следа. Активные деятели в бешенстве от его пассивности и трусости, реакционеры — от его необдуманных поступков; всюду его ругают на чем свет стоит»².

После отставки Гамбетты путь для Тьера был свободен.

Выборы в Национальное собрание назначены на 8 февраля, с баллотировкой кандидатов по списку в один тур; для избрания их достаточно было относительного большинства. Бисмарк непосредственно вмешивается в избирательную кампанию. Когда газета Рошфора «*Mot d'ordre*» информировала парижан о позиции Гамбетты и подвергла критике действия Жюля Фавра, «*Moniteur*» опубликовала 6 февраля по настоянию Бисмарка статью, направленную против Гамбетты и в защиту Жюля Фавра³. В 43 оккупированных департаментах прусские солдаты сами расклеивали декрет о выборах, раздавали списки кандидатов-реакционеров и разгоняли публичные собрания. Вот один пример из многих: 8 февраля на площади мэрии в Аржантёе избиратели получили из рук пруссаков списки реакционных кандидатов. Между тем прибыл гражданин со списками Центрального республиканского комитета и собирався приступить к их раздаче. Дюжина немцев набросилась на него, связала его по рукам и ногам и отправила в тюрьму⁴.

В Париже секции Интернационала, Федеральная палата рабочих обществ и Центральный коми-

тет 20 округов выставили список социалистических кандидатов на основе общей программы:

«Трудящиеся имеют право занять свое место в том новом порядке, который подготавливается. Выдвижение социалистических революционных кандидатов означает: запрещение кому бы то ни было ставить под вопрос существование Республики, утверждение необходимости выхода трудящихся на политическую арену, свержение правительственной олигархии и промышленного феодализма».

Но у этих организаций мало средств для распространения воззваний, а главное — у них нет газет. Кампания, довольно путаная в политическом отношении, разоблачает все же тех, кто несет ответственность за поражение страны.

Когда 1 февраля на собрании в «Кур де Миракль» уполномоченный Интернационала Серрайе заявил:

«Есть один вопрос, на котором сходятся все революционеры, а именно что правительство предало дело национальной обороны и что одним из первых актов Национального собрания должно быть предание суду и осуждение этого правительства»,

то гром аплодисментов покрыл его слова.

Среди 43 депутатов, избранных от Парижа, можно было насчитать лишь полдюжины сторонников правительства. Тьер, несмотря на все его грязные махинации при голосовании, занял только 20-е место, далеко позади социалистов Феликса Пиа, Гамбона и Бенуа Малона¹. Жюль Фавр набрал всего 80 тысяч голосов, вдвое меньше, чем Делеклюз, который по его приказу был брошен в тюрьму. Винуа, Жюль Симон, Эрнест Пикар, Дюфор потерпели поражение. На этот раз членам

¹ Из этих трех кандидатов, будущих членов Коммуны, только один (Бенуа Малон) был социалистом, а два других (Феликс Пиа и Гамбон) были мелкобуржуазными демократами. — *Прим. ред.*

¹ Левые республиканцы из окружения Гамбетты
² „Lettres de Communards et militants de la Première Internationale“, Bureau d'édition, 1934, p. 14. («Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 года», М., 1933, стр. 14.)

³ „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 314—315.

⁴ Rochefort, Les aventures de ma vie, t. II, p. 339.

«правительства обороны» далеко до тех 558 тысяч голосов, которые были отданы за них во время плебисцита 3 ноября. За Луи Бланом, ветераном 1848 года, который прошел первым, следовали три человека, олицетворявшие собой сопротивление: Виктор Гюго, Гамбетта и Гарибальди.

Париж столь недвусмысленно высказался за республику и за наказание изменников, что префект полиции Крессон на следующий день после выборов бежал и укрылся в Англии.

Но в деревне результаты выборов были катастрофическими.

Революция 1789 года, руководимая буржуазией, дала крестьянам землю и тем самым обеспечила этому классу большое влияние среди масс сельского населения. За три четверти века, истекшие со времени продажи национальных имуществ¹, в деревне сформировалась и укрепилась могущественная консервативная земельная буржуазия, связанная с городской буржуазией.

В октябре 1870 года, сразу же после провозглашения республики, провинциальные дворяне, бонапартисты и монархисты, притихли, и выборы, несомненно, дали бы большинство республиканцам. Но 4 месяца деятельности правительства национальной обороны убедили помещиков, крупных землевладельцев, что им нечего опасаться республики, приберегающей свои удары для революционных пролетариев. Теперь легитимисты, побежденные во время «трех славных дней»², и орлеанисты,

¹ Национальными имуществами назывались земельные владения католического духовенства и дворян-эмигрантов, конфискованные и распроданные в период революции конца XVIII века. В покупках этих земель наряду с буржуазией участвовало несколько миллионов крестьян, которые приобрели землю обычно мелкими участками и в рассрочку. Во время дворянско-монархической реакции, наступившей после реставрации Бурбонов (в 1814 году), бывшим эмигрантам было выплачено возмещение на общую сумму в 830 миллионов франков, но конфискованные земли не были возвращены их прежним собственникам.— *Прим. ред.*

² «Три славных дня» — так называли и называют во Франции революцию 1830 года, победившую в результате

побежденные в феврале 1848 года¹, не упустят случая взять блестящий реванш.

Крестьяне, которых Вторая империя держала в состоянии оцепенения и религиозного фанатизма, ненавидели войну, ибо их заставляли платить тяжелый налог кровью² и вели войну за их счет. Монархические политики все время пытались убедить их, что республика — это война «до последней крайности», это господство Парижа «разделителей» и безбожников, которые отнимут у них землю и ниспровергнут алтари.

Избирательную кампанию в деревне вели, по существу, вокруг одного вопроса: следует ли вести переговоры о мире с неприятелем или нет?

Многие дворяне, как легитимисты, так и орлеанисты, были избраны не потому, что крестьяне питали симпатии к этим династиям, а потому, что кандидаты-монархисты требовали мира во что бы то ни стало.

Поль Лафарг писал из Бордо 9 февраля Карлу Марксу³:

«Орлеанисты одержали победу (в Жиронде)⁴ только потому, что провозглашали себя сторонниками мира; в то же время

трехдневных боев (27, 28 и 29 июля) восставшего народа против монархии Бурбонов и правительства Карла X.— *Прим. ред.*

¹ В феврале 1848 года во Франции произошла революция, в результате которой была свергнута монархия Орлеанов и провозглашена республика.— *Прим. ред.*

² Основную массу солдат французской армии составляли выходцы из беднейших слоев крестьянства, которые шли на военную службу за деньги. Всеобщей воинской повинности во Франции тогда не существовало, и богатые люди откупались от службы в армии, нанимая «заместителей».— *Прим. ред.*

³ „Lettres de Communards et militants de la Première Internationale“, Bureau d'éditions, 1934, p. 13. («Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 года», М., 1933, стр. 13—14.)

⁴ Если в Бордо список Гамбетты собрал 19 тысяч голосов против 9 тысяч, отданных за Тьера, то в остальных пунктах департамента Тьер получил 51 тысячу голосов, а Гамбетта только 3 тысячи.

других они называли сторонниками войны. Все это вам ясно показывает, каким духом проникнута эта «бесподобная палата»¹.

Выборы выявили не столько антагонизм между провинцией и столицей, сколько антагонизм между городом и деревней.

Крупные города в большинстве своем голосовали за республиканцев, но крестьяне отдали свои голоса почти исключительно озлобленным дворянчикам.

Уже на первых заседаниях Собрание «деревенщины» показало свое полное ненависти лицо; оно осердило Гарибальди и Виктора Гюго, оскорбило парижский народ, который внушал ему «ужас»², и Париж — «столицу революционных идей». Оно лишило жалованья в 30 су национальных гвардейцев, которые не могли доказать своей нуждемости. Оно назначило главой исполнительной власти Тьера, признанного вождя реакции, на которого оно возлагало все свои надежды.

«Когда на меня возложили эти обязанности, — говорил впоследствии кровавый старец³, — передо мной немедленно встали две задачи: *заклучить мир и усмирить Париж*».

И Тьер прилагает все усилия к тому, чтобы заключить мир. К 19 февраля сдача немцам оружия

¹ «Бесподобной палатой» стали называть палату депутатов, избранную в августе 1815 года в обстановке белого террора и оккупации Франции войсками европейской коалиции. Подавляющее большинство депутатов этой палаты составляли крайние монархисты, добивавшиеся восстановления дореволюционных порядков, господства дворянской аристократии и высшего духовенства. Своими реакционными выходками «бесподобная палата» вызвала такое огромное недовольство, что король Людовик XVIII вынужден был в сентябре 1816 года распустить ее. — *Прим. ред.*

² По выражению Тьера в его письме от 6 марта 1871 года, адресованном герцогу Бройлю.

³ Показания перед Парламентской следственной комиссией (21 августа 1871 года)

парижского гарнизона была закончена. Тут усердствовали повсюду.

«Из отчета, представленного службам артиллерии, следует, что она по ошибке передала германской армии на 12 тысяч рублей больше того, что обязались выдать»

уточняет главнокомандующий, генерал Винуа

Итак, мирные переговоры между Тьером и Бисмарком протекали как нельзя более успешно. «Он мне, право, очень нравится, этот милый маленький человечек!» — говорил впоследствии канцлер, признания которого раскрывают нам планы реставрации монархии во Франции. Бисмарк не переставал напоминать о возможности возвращения Наполеона III: он советует Тьеру не забывать о плебисците, о крестьянах, об офицерах, о солдатах.

«Им всем нужен был император, чтобы сохранить положение, которое они занимали прежде, и Наполеону III не понадобилось бы больших усилий, чтобы привлечь на свою сторону 100 тысяч солдат, увезенных в плен в Германию. Я дал ему [Тьеру] понять, что стоит только нам позволить этим людям вернуться во Францию с их оружием, и Франция вновь будет принадлежать Наполеону».

Но если бы Тьер «был достаточно сговорчив, мы могли бы возвести на трон кого-нибудь из Орлеанов»². И Тьер оказался достаточно сговорчивым. 26 февраля он подписал в Версале условия прелиминарного мира. Не для того ли он так торопился договориться, чтобы развязать себе руки и приняться за «усмирение Парижа»?

¹ Vינוא, L'Armistice et la Commune, p. 128.

² „Mémoires de Bismarck“, t. I, p. 323.

VII

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ ВНОВЬ ПОДНИМАЕТ ЗНАМЯ

«Знаем мы ее, эту свободу, восстающую против коммунизма: это свобода порабощения, свобода безграничной эксплуатации, свобода для великих мира сего, как говорит Ренан, для которых массы служат только ступенькой. Таковую свободу народ называет угнетением и преступлением... Какова же должна быть мера рабства, чтобы обрести свободу?»

Огюст Бланки

«Сразу же после подписания мира, — говорил Тьер, — мне стало ясно, что нам предстоит ужасная борьба с этой разношерстной толпой людей, заполонившей Париж», с «революционерами» и с «дурной частью» национальной гвардии¹, которая готовилась создать свою федерацию.

На следующий день после бесплодной попытки Брюнеля и Пиаццы офицеры 145-го батальона (III округа), создав свой Инициативный комитет,

¹ Показания от 21 августа 1871 года перед Парламентской следственной комиссией по делу о восстании 18 марта

обратились к национальной гвардии Сены со следующим предложением: немедленно учредить в каждом округе Парижа во имя обеспечения единства действий национальной гвардии комитет, в который вошло бы по одному гвардейцу и одному офицеру от каждого батальона национальной гвардии. Делегаты, избранные этими окружными комитетами, образовали бы Центральный комитет. Предполагалось также избрать главнокомандующего, исполненного сознания своего долга.

«Он держал бы в руках всю эту колоссальную армию граждан как для того, чтобы уберечь нас от западни, в которую враг мог бы заманить нас с целью оккупации Парижа, так и для того, чтобы договориться об окончательной судьбе Франции».

Из 13 человек, подписавших это предложение, ни один не попал в окончательный список Центрального комитета. И тем не менее их следует считать инициаторами движения. Они призвали батальоны сообщить о своем присоединении в понедельник 30 января от 4 до 9 часов утра в Кафе национальной гвардии, улица Бретань, № 49.

Это предложение, которое, по-видимому, ускользнуло от внимания историков Коммуны, было, вероятно, очень широко известно, так как генерал Калье, командовавший вторым сектором (Бельвиль — Менильмонтан), счел нужным доложить о нем генералу Винуа¹.

В это же время комиссия из семи делегатов: от 88-го батальона (III округа), 96-го батальона (IV округа), 57-го и 193-го батальонов (XI округа), 253-го батальона (IX округа) и от 59-го полка национальной гвардии созвал на понедельник 6 февраля в Национальном цирке (в настоящее время — «Зимний цирк») общее собрание делегатов национальной гвардии (по одному делегату от каждой роты).

¹ Vinois, L'Armistice et la Commune, p 112—113

Предвыборные заботы торговца Курти, старшего сержанта 88-го батальона, одного из подпавших это воззвание, не были, по-видимому, чужды этой инициативе, целью которой было «договориться о характере выборов в Париже и о выдвижении кандидатов». Эти «широкие собрания» должны были принести «плодотворные результаты для Родины и Республики»¹; но, возможно, совсем не те, каких желали их инициаторы.

В Национальном цирке под председательством Курти был согласован список кандидатов, предложенных четырьмя республиканскими организациями Парижа: Республиканским альянсом, Республиканским союзом, «Защитниками республики»² и Международным Товариществом Рабочих. Избранному бюро было поручено созвать новое собрание 15 февраля в зале Тиволи-Воксхолл, на улице Тампль-Мажори (X округ) на случай второго тура выборов.

Но к 15 февраля настроение умов изменилось. Выборы дали подавляющее большинство монархистам и реакционерам; ожидалось вступление пруссаков в Париж. На собрании присутствовали представители батальонов 18 округов. Народ возвысил свой голос. Депутатам от Парижа дается императивный мандат *«продолжать войну до последней крайности»*. Принимается решение поставить во главе Федерации национальной гвардии Центральный комитет. Избирается комиссия из 20 членов для выработки Устава Федерации. Без голосования была принята преамбула этого Устава, который должен был послужить *«средством для сооружения непреодолимой преграды против тирании и для замены эксплуатации человека человеком всемирным братством и солидарностью»*.

В этом документе провозглашалось, что внутренний порядок должен покониться *«на твердых республиканских принципах»*, что *«национальная*

гвардия должна отныне заменить постоянные армии», что *«трудящийся человек, производитель, должен иметь равное право представлять Nation»*. Заканчивался Устав девизом: *«Один за всех, все за одного!»*¹

И все-таки среди 20 членов этого временного Центрального комитета не было ни одного известного деятеля Интернационала.

Парижские секции Интернационала и рабочие общества были дезорганизованы в результате репрессий уже в самом начале войны и лишились многих своих деятелей; поскольку всех рабочих мобилизовали в национальную гвардию, их уже нельзя было объединить на профессиональной основе, это относится даже к самой активной корпорации — корпорации бронзовщиков. С другой стороны, в комитете бдительности, только что очистивших свои ряды от оппортунистических элементов, шла реорганизация на основе «Декларации принципов»², принятой 19 февраля общим собранием комитетов и проникнутой социалистическими идеями.

Итак, в первом временном Центральном комитете национальной гвардии не было ни одного видного якобинца, ни одного видного бланкиста, за исключением Да Косты³. В него вошли никому не известные личности, патриотически настроенные мелкие буржуа, ремесленники и служащие, которые знали и разделяли настроения и чаяния народа. С первого дня они, вполне естественно, нашли правильный тон, свободный от всякого сектантского духа, что и обеспечило их успех.

Комиссия по выработке Устава немедленно взялась за дело. Она предложила, чтобы в Центральный комитет вошли по одному делегату от

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t III, Pièces justificatives, p. 2—3.

² См. этот документ в Archives historiques de l'Armée, château de Vincennes, Carton Ly, 22.

³ Гастон Да Коста — видный бланкист; вместе со своим братом Шарлем принимал активное участие в Коммуне в качестве сотрудника Рауля Риго. — Прим. ред

¹ „Mirailles politiques françaises“, t. I, p. 846.

² «Ассоциация защитников республики» — мелкобуржуазная демократическая организация, созданная в Париже в период его осады немецкими войсками. — Прим. ред

каждой роты, независимо от чина, и офицеры, избираемые каждым батальонным комитетом, который должен состоять из 5 делегатов, избираемых от каждой роты. Предусматривалось таким образом прямое представительство рядовых и командиров. Центральный комитет должен сам избрать из своей среды Высший совет — по 3 человека от каждого округа. Устанавливалось право отзыва выбранных лиц на всех ступенях.

К 20 февраля работа комиссии была закончена. Она разослала 10 тысяч приглашений на общее собрание делегатов, назначенное на 24 февраля в Тиволи-Воксхолле.

Более 2 тысяч делегатов откликнулось на приглашение. Беспокойство росло. Стал известен состав правительства, возглавляемого Тьером, могильщиком революции 1848 года, сотрапезником Бисмарка. Он взял себе в министры Жюля Фавра и провалившихся на выборах в Париже Жюля Симона, Пикара, Ле-Фло, Дюфора — весь букет крупных буржуа, реакционеров и монархистов. Срок перемирия, продленного на неделю, истекал 27-го, пресса сообщала о предстоящем вступлении пруссаков в Париж. Массы подняли свой голос. В заключительной резолюции они выражали свою решимость сопротивляться с оружием в руках любой попытке разоружения и вступлению пруссаков в Париж. Резолюция заканчивалась словами: *«Национальная гвардия не признает никаких других начальников, кроме тех, которых она назначит сама»*¹.

К Базилии направляется шествие, чтобы почтить память жертв Февральской революции 1848 года. В течение трех дней внушительные вооруженные демонстрации — в них принимали участие и регулярные войска — проходили мимо

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“. Pièces justificatives, p. 14. Такой эволюции способствовало массовое бегство «благомыслящих» национальных гвардейцев в провинцию.

Июльской колонны, цоколь которой исчез под грудой венков, а вершина — в складках красного знамени.

26-го вечером бьют сбор. Национальные гвардейцы с оружием в руках захватывают артиллерийские парки на Ваграмской площади и на площади Ранела. 400 пушек, которые Тьер задумал выдать пруссакам, на руках дотащили до парка Монсо, на площадь Вогезов, на Монмартр, в Бельвиль, в Ла-Виллет и на площадь Италии. Тюрьма Сент-Пелажи захвачена, и Брюнель освобожден.

Тщетно пытался Винуа собрать буржуазные батальоны. Их осталось едва 30, в большинстве своем «зараженных». Линейные войска, посланные против национальных гвардейцев, побратались с ними. 100 тысяч национальных гвардейцев двинулись на Елисейские поля навстречу пруссакам и всю ночь оставались на занятых позициях. На заре появилось воззвание Винуа. Он характеризовал эти патриотические действия как выступление «отдельных батальонов», служащее «преступным замыслам», и грозил им жестокой расправой.

Утром 28 февраля Комитет 20 округов Парижа, секции Интернационала и Федерация профессиональных палат, собравшись на общее собрание на улице Кордери, опубликовали заявление с целью уберечь столицу от повторения «июньских дней»:

«...Всякое выступление только подставило бы народ под удары врагов революции, германских и французских монархистов, которые потопили бы в море крови все его социальные требования».

Они устанавливают контакт с Центральным комитетом национальной гвардии, осуществляя тем самым первую перегруппировку патриотических и революционных сил, первую попытку достигнуть единства действий всех приверженцев Коммуны.

Согласившись с доводами делегации с улицы Кордери, Центральный комитет национальной гвардии, стремясь «предупредить любое выступление, которое могло бы повлечь за собой немедленное крушение республики», предложил тогда следующие меры:

«Вокруг кварталов, которые должен занять неприятель, будет сооружено кольцо баррикад, чтобы полностью изолировать эту часть города. Жители изолированного таким образом района должны будут немедленно покинуть его. Национальная гвардия совместно с армией, которая образует кордон вокруг этого района, будет следить за тем, чтобы неприятель, изолированный таким образом на территории, которая уже не будет частью нашего города, ни в коем случае не мог сообщаться с остальными частями Парижа»¹.

В эти обезлюдившие кварталы вступили 1 марта пруссаки. Они проходили мимо безмолвных домов с закрытыми ставнями, с черными флагами, вывешенными в знак национального траура. Газеты не вышли. Фонтаны замолкли.

Винуа охватывает беспокойство:

«Я не боялся пруссаков... но я знал, что творится в Париже, я знал, какое возбуждение царит на Монмартре и в Бельвиле»².

Ему приходилось опасаться прежде всего народа.

Вот почему Тьер и Жюль Фавр так торопят Национальное собрание в Бордо ратифицировать статьи мирного договора (1 марта).

¹ „Murs politiques françaises“, t. I, p. 971.

² „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, t. II, p. 93.

Тщетно депутаты Парижа — Эдгар Кине, Виктор Гюго, Луи Блан, Мильер — и депутат от Вогезов Жорж восстают против расчленения Франции. Депутату — мэру Страсбурга, выступившему с патетическим протестом, Тьер со злобой бросает, поднимаясь на трибуну: *«Довольно болтовни!»* И он добился своего: 546 голосов «за», 107 — «против». Среди тех, кто голосовал против, насчитывалось 34 депутата от Парижа (а всего их было 43) — столь сильным было давление народа на избранных столицы.

По истечении суток¹ символической оккупации германская армия покинула Париж, сопровождаемая улюлюканьем и насмешками толпы, собравшейся за решетками сада Тюильри. Мир можно было считать заключенным. Теперь Тьер (этот «недоносок», как его прозвали в предместьях) мог перейти ко второму пункту своей программы — к *«успокоению Парижа»*, того строптивого Парижа, который громит кофейни на Елисейских полях, где неприятель поднимал бокалы за победу, того Парижа, который бичует женщин-аристократок из богатых кварталов, радушно встречавших оккупантов.

Авторитет Центрального комитета растет. С 22 февраля Комитет 20 округов возобновляет в письменной форме свои предложения о содействии Центральному комитету. 1 марта на заседании Федерального совета Интернационала Варлен предлагает, чтобы рабочие-активисты «сделали все возможное с целью добиться своего избрания делегатами от рот и попасть таким образом в Центральный комитет»: он предлагает послать в Центральный комитет делегацию для переговоров².

Завязавшаяся дискуссия ясно показывает, с каким предубеждением относились к этому Центральному комитету, впервые появившемуся на политической арене:

¹ Точнее — 66 часов, с 1 до 3 марта — *Прим. ред.*

² „Les Séances officielles de l'Internationale à Paris pendant le siège et sous la Commune“, p. 78—79.

«Варлен. Войдем туда не в качестве членов Интернационала, а в качестве национальных гвардейцев и постараемся подчинить своему влиянию эту организацию.

Франкель. Это похоже на компромисс с буржуазией, и я против этого. Наш путь интернационалистский, и мы не должны сворачивать с этого пути

Лакор. Нужно во что бы то ни стало помешать национальной гвардии идти на поводу у реакции, как это произошло во время первого тура выборов. Эти люди приходят к нам в силу морального влияния, завоеванного Интернационалом. Зачем же их отталкивать?

Аме. Комиссия, которую мы назначим, должна отправиться туда, чтобы ознакомиться с этим комитетом и на ближайшем заседании представить нам отчет.

Кламу. Добившись избрания нас делегатами от рот, мы завоеваем реальную силу — используем же это средство. Таким образом мы будем знать, с кем мы идем.

Биде. Я убедился сегодня вечером в том, что никто больше не повинуется Винуа. Линейные войска стараются избежать всякого столкновения с народом. Винуа послал своих солдат на площадь Руаяль за пушками. Национальная гвардия отказалась выдать их. Солдаты не настаивали.

Бабик. Значение этих событий уже теперь велико. Это может дать огромное преимущество.

Пенди. Мы, кажется, забываем, что рискуем этим скомпрометировать Интернационал.

Франкель. Никто здесь не вправе впутывать Интернационал, не посоветовавшись предварительно со своей секцией.

Гулле. Но никто и не собирается впутывать Интернационал. Речь идет только о том, чтобы иметь несколько членов Интернационала среди ротных делегатов, а также 4 членов в Центральном комитете; они будут выступать там от своего собственного имени, а затем информировать Федеральный совет.

Кламу. Во главе всего дела уже стоят социалисты.

Варлен. Люди из этого комитета, которые казались нам подозрительными, усранены и заменены социалистами, которые хотят иметь в своей среде 4 делегатов в качестве связующего звена между ними и Интернационалом. Если мы останемся в стороне от такой силы, мы утратим свое влияние; а если мы объединимся с этим комитетом, мы сделаем крупный шаг на пути к социальному будущему.

Бабик. Примем помощь, которую нам предлагают, и используем ее, но с осторожностью, которой требует благоразумие. Я не согласен с Пенди и с Франкелем, но хочу, чтобы во всем этом деле Интернационал не был замешан открыто.

Биде. Нет ничего неуместного в том, чтобы избрать 4 делегатов со строго ограниченными полномочиями, наоборот, было бы неуместно не сделать этого; ибо если социалисты из этого комитета намерены идти вперед, то со стороны Интернационала было бы безумием отказать им в молчаливой поддержке.

Шарбонно. Вы говорите, что комитет стал социалистическим; но вначале он был реакционным. Я по-прежнему питаю к нему недоверие. Поэтому я поддерживаю назначение 4 членов, но их полномочия должны

быть ограничены и они должны участвовать только в борьбе за социальные требования.

Рувейроль. Социалисты, выступившие в защиту интересов народа, просят о поддержке: было бы отступничеством отказать им в этом.

Пенди. Я ставлю на голосование предложение в следующей форме, которая вытекает из нашей дискуссии:

1. Комиссия из 4 членов делегируется в Центральный комитет национальной гвардии.

2. Ее деятельность там будет носить чисто индивидуальный характер и будет особенно осторожной во всем, что касается французской организации Международного Товарищества Рабочих.

Собрание утверждает¹.

С другой стороны, были начаты переговоры, которые вскоре закончились объединением Центрального комитета национальной гвардии и Федерации офицеров национальной гвардии², которая возникла параллельно с Центральным комитетом на основе почти идентичной программы.

Таким образом, очень скоро Центральный комитет стал центром движения. Он действует уже как подлинно народная власть, независимая от правительства и более сильная, чем оно. Он мог с полным правом утверждать в своем воззвании от 4 марта³, принятом накануне на делегатском собрании:

¹ „Les Séances officielles de l'Internationale à Paris“, р. 82—86.

² Речь идет о так называемом Федеративном республиканском комитете национальной гвардии, в создании которого участвовали некоторые подозрительные лица, стремившиеся расколоть национальную гвардию и подчинить ее командный состав правительству.— *Прим. ред.*

³ Среди подписей под этим воззванием уже фигурировали имена Пенди и Эжена Варлена, членов Интернационала.

«Национальная гвардия вправе и обязана охранять и защищать от угрозы свой домашний очаг! Стихийно поднявшись, как один человек, она одна благодаря своему образу действий сумела превратить прусскую оккупацию в унижение для победителя».

Тьер хочет усмирить Париж.

Но с помощью каких сил, великий боже!

Ах, если бы у господина Тьера был под рукой бонапартист Бурбаки с его «армией, которая в силу неудачного замысла была отправлена на восток»!¹ Велика вина Гамбетты: это он направил против пруссаков войска, которые могли бы так пригодиться в борьбе с истинным врагом — народом Парижа! Ведь те войска, что находились в Париже, ничего не стоили: «солдаты побратались с дурной частью населения»².

4 марта военизированные лесные стражники потребовали, чтобы их распустили по домам. 7 марта 10-й батальон мобилей Сены взбунтовался и арестовал своего командира. 9 марта 7-й, 8-й и 16-й батальоны мобилей Сены братаются с национальной гвардией.

Необходимо спешно расформировать всю Парижскую армию, «зараженную революционным духом». 10 марта мобили департамента Эро, которых направили в Шательро, разбежались по дороге, на площади Оперы. Мобили департамента Соны-и-Луары, которые должны были выступить в тот же вечер, подожгли свои бараки на бульваре Гренель. 13-го были ликвидированы остатки армии. Из них сформировали три колонны, которые направили *пешком* на Орлеан, Шартр и Эврё.

Но чем заменить армию? Во всяком случае, назначение д'Орель де Паладина командующим национальной гвардии отнюдь не содействовало сплю-

¹ Показания Тьера перед Парламентской следственной комиссией (21 августа 1871 года).

² Там же.

чению хотя бы одного батальона; как раз наоборот, ибо в республиканских кругах все более и более опасаются государственного переворота и реставрации монархии.

Следовало бы вызвать войска из провинции. Но этому препятствовала одна из статей перемирия: французские войска, отведенные за Луару, не имели права переправиться через реку до окончательного подписания мирного договора.

Тьер пишет Винуа:

«Жюль Фавр должен договориться с Бисмарком о том, чтобы немецкие штабы не чинили никаких препятствий быстрейшему прохождению наших войск через территорию, еще занятую немцами»¹.

Бисмарк оказывается сговорчивым. Он готов облегчить дело, чтобы предотвратить растущую угрозу со стороны «черни». 4 марта он даст Жюлю Фавру согласие на переброску из Бордо в Париж войск, тщательно «просеянных Тьером сквозь сито». Это передвижение войск согласовано между Фавром и Бисмарком в мельчайших деталях: маршрут, средства транспорта, график... В течение 8 и 9 марта в Париж прибыло 30 тысяч человек².

Из Бордо Тьер советует Винуа:

«Не бросайте солдат в гущу населения, разместите их в Военной школе, на Марсовом поле, в доме Инвалидов, в Тюильри и изолируйте их там».

И он одобряет образ действий Винуа:

«Занимая постепенно старыми войсками оставленные посты, мы мало-помалу вновь овладеем Парижем...»

Он считает еще возможным достигнуть своей

¹ Elie Reclus, *La Commune au jour le jour*, Schleicher frères, 1908, p. 4.

² Vינוא, *L'Armistice et la Commune*, p. 185—186.

цели хитростью: «смутьяны перессорятся, устанут, а за это время подспеют наши подкрепления...»

Министр внутренних дел Пикар использует бывшего командующего артиллерией национальной гвардии Шельшера и мэров некоторых округов — Тирара (II округ), Жоржа Клемансо (XVIII округ), Анри Мартена (XVI округ) — для переговоров с федератами, стремясь добиться выдачи пушек. Несколько попыток такого рода — на Монмартре, у Люксембургского дворца, на площади Вогезов — провалились.

Дюваль (XIII округ), которого национальные гвардейцы назначили начальником штаба национальной гвардии этого округа, в ответ на выдвинутое против него обвинение в хищении оружия публикует афишу, в которой говорится: «Нам доставили пушки, и мы охраняем их нашими штыками, чтобы их не повернули против нас».

Центральный комитет национальной гвардии понимает, что теперь, когда правительство располагает силой, оно может атаковать его в любую минуту.

Поэтому он спешит с формированием батальонных комитетов и советов легионов.

Некоторые дошедшие до нас документы показывают, с какой серьезностью, демократичностью и добросовестностью создавались эти низовые организации.

«Парижская национальная гвардия сумела благодаря своим действиям избежать всех расставленных ей ловушек и спасти город от бесчестья и разграбления. На ней лежит обязанность охранять безопасность города, ограждать его от бедствий, втайне подготовляемых приверженцами принцев, генералами — организаторами государственных переворотов, алчными и бесстыдными честолюбцами всех мастей», —

писали Варлен и Бержере в воззвании к национальным гвардейцам VI округа. Они приглашали их прислать в четверг, 9 марта, в 8 часов вечера, на

улицу Сен-Бенуа, № 10 по три делегата от каждой роты, избранных независимо от чина, и по одному офицеру от каждого батальона, избранному офицерским корпусом, для выборов совета легиона и делегатов в Центральный комитет.

В понедельник, 13 марта, в 8 часов вечера, в гимнастическом зале Сорбонны (улица Сорбонны, 16) Журд, Да Коста и с десятков их товарищей созывают с той же целью делегатов V округа на собрание легиона.

Афиша, подписанная Варленом, созывала в тот же вечер делегатов XVII округа в коммунальную школу на улице Лемерсье, № 105, чтобы немедленно приступить к организации батальонных комитетов и совета легиона.

Гражданам командирам национальной гвардии XVIII округа особым циркуляром предлагалось созвать собрания своих рот. Каждая рота должна была избрать делегатов. Эти делегаты, собравшись, должны были выбрать батальонный комитет. А каждый батальонный комитет выделил бы одного делегата в Центральный комитет XVIII округа¹.

На заседании совета легиона X округа, состоявшемся 14 марта в зале на улице Дьё, № 8, собрались представители 13 батальонов, чтобы избрать 3 делегатов в Центральный комитет. После поименной переключки делегатов батальонных комитетов приступили к тайному голосованию.

Всего голосовало 32 человека, абсолютное большинство составляло 17 человек.

Гражданин Арнольд получил 32 голоса, гражданин Бабик — 32, гражданин Лисбонн — 20, гражданин Фосс — 12 голосов. В результате трое первых были объявлены делегатами Центрального комитета от X округа.

10 марта 1871 года, на третьем делегатском собрании национальной гвардии, происходившем в Тиволи-Воксхолле под председательством члена Ин-

тернационала Пенди, Арнольд представил отчет Центрального комитета:

«События сделали нас тем, что мы есть. Мы — непреодолимая преграда против любой попытки свергнуть республику. Непрерывные нападки той прессы, которой с полным основанием не доверяет демократия, показали нам это; угрозы правительства подтвердили это.

Нам выпало на долю почетное, но опасное дело — защищать республику. И мы не отступим перед этим!»

Вслед за этим Арнольд обрушился на д'Орель де Паладина.

«Не было еще человека, столь непопулярного в наших рядах! Как! Не спросив нашего согласия, граждане, нам посылают в качестве командующего того, кто, располагая достаточными силами, отступил перед численно более слабым врагом и тем самым положил начало новому периоду наших неудач. Без всякого стыда этот опозоривший себя генерал не постеснялся возвестить о своем прибытии наглой прокламацией, каждое слово которой дышит угрозой...»

Министру внутренних дел Эрнесту Пикару, который заявил «вожакам», что они рискуют головой, Арнольд ответил:

«Разумеется, для полноты картины, свидетелями которой мы являемся, не достаёт только восстановления эшафота для политических деятелей...»

Сильные и гордые полномочиями, которыми вы нас облекли, вооруженные сознанием нашей правоты, мы выполним свой долг без страха и колебаний, уверенные в том, что, если даже нас схватят, организация не может погибнуть и что на наше место тотчас же вста-

¹ То есть в совет легиона XVIII округа.— *Прим. ред.*

нут отважные борцы, чтобы вновь поднять знамя, вырванное из наших рук»¹.

Впоследствии стало известно, что у этих людей, заранее готовых пожертвовать своей жизнью, в кассе было всего лишь 18 франков 55 сантимов!

Наконец по предложению Лакора принимается следующее волнующее воззвание к армии²:

«Солдаты, сыны народа!

В провинции распространяют злостные слухи.

В Париже имеется 300 тысяч национальных гвардейцев, и, однако, туда ежедневно вводятся войска, которым стараются внушить ложное представление об умонастроении парижского населения. Люди, которые организовали поражение, расчленили Францию и отдали все наше золото, хотят уйти от лежащей на них ответственности, разжигая гражданскую войну. Они рассчитывают, что вы будете послушным орудием замышляемого ими преступления.

Граждане солдаты! Неужели вы будете повиноваться бесчестному приказу и проливать ту же кровь, которая течет и в ваших жилах? Неужели вы будете уничтожать своих собственных братьев?

Нет, вы не согласитесь стать отцеубийцами и братоубийцами!

Чего хочет парижский народ?

Он хочет сохранить свое оружие, самому выбирать своих начальников и смещать их, когда они утратят его доверие.

Он хочет, чтобы солдаты регулярной армии были возвращены к своим очагам, чтобы семьям как можно скорее вернули их близких, а труду — рабочие руки.

Солдаты, сыны народа, объединимся, чтобы спасти республику. Достаточно зла причи-

¹ „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, Pièces justificatives, p. 30, 32.

² „Murailles politiques françaises“, t I, p. 992.

нили нам короли и императоры. Не покрывайте себя позором. Подчинение приказу не избавит вас от суда вашей совести. Обнимемся перед лицом тех, кто ради чинов и местечек, ради того, чтобы вернуть нам короля, хочет заставить нас перегрызть друг другу горло.

Да здравствует республика на веки вечные!»

Бордоское Собрание со своей стороны тоже не бездействовало. Представителям имущих классов, составлявшим большинство этого Собрания, не терпелось полностью восстановить свои классовые привилегии.

10 марта по предложению Дюфора, министра юстиции, Собрание приняло решение отменить мораторий по платежам. Долговые обязательства, срок которых истек 13 августа 1870 года, подлежали оплате 13 марта. Для огромной массы торговцев и ремесленников города, переживавшего экономическую разруху, когда работа и деловая жизнь еще не возобновились это означало немедленное банкротство. И действительно, около 150 тысяч векселей было опротестовано в Париже с 13 по 17 марта, то есть в тот момент, когда самый честный должник не мог выполнить свои обязательства. Даже самые умеренные люди пришли в ярость. Закон о погашении вексельной задолженности одним ударом осуществил то, чего пролетариат не мог добиться 31 октября и 22 января, а именно союза средних слоев с рабочими. Многие из тех, кто ответил «да» во время плебисцита 3 ноября 1870 года, будут голосовать за Коммуну на выборах 26 марта 1871 года.

Одновременно с принятием этого непопулярного закона Собрание отвергло предложение Мильера о продлении моратория на квартирную плату¹.

¹ Рядом декретов (от 7 и 30 сентября и от 9 октября 1870 года) правительство предоставило отсрочку платежей за квартиру на три месяца для тех квартирантов, которые заявят мировому судье, что они вынуждены прибегнуть к этому. Прочие долговые платежи тоже были отсрочены на

В своем первом номере газета «La Pègre Duchêne»¹ выражала «великое негодование по поводу того, что домовладельцы хотят выбросить на улицу бедных патриотов»:

«Мало того, что мы страдаем от голода, проливаем свою кровь, испили чашу позора: теперь мы еще должны уплатить за три квартала.

Уже более шести месяцев мы ничего не производим, ничего не продаем.

Чем же мы заплатим за эти три квартала? Мы не станем платить!

Напрасно будут стараться дельцы; напрасно будут трудиться день и ночь судебные исполнители, напрасно будут с восхода и до захода солнца выносить свои обвинительные приговоры трибуналы, тщетно будут вынашивать свои грозные решения военные суды, напрасно будут заряжать свои ружья бретонцы Трошю и солдаты Шанзи.

Мы не станем платить!

Из камня не выжать масла, из пустых сундуков разоренной Франции не извлечь 4 миллиардов франков квартирной платы, которые ежегодно высасывают паразиты капиталисты.

Мы не станем платить!»

*

За мерами классового характера последовала провокация.

10 марта, возражая Луи Блану, предложившему перенести заседания Собрания из Бордо в Париж, монархист де Белькастель заявил:

один квартал. 3 января 1871 года был издан декрет о новой отсрочке на три месяца. Теперь этот срок истекал.

¹ Газета, издававшаяся Вермершем, Максимом Вильомом и Эмбером, наподобие „Pègre Duchêne“ Эбера, выходившей во времена Французской революции.

«Франция знает, что за последние 80 лет Париж десять раз сообщал по телеграфу о новоиспеченных правительствах... что Париж — центр организованного бунтарства».

По предложению Тьера Собрание решило открыть свои заседания 20 марта в Версальском дворце, где оно сможет заседать, «не опасаясь бунтарских мостовых» («*parvés de l'émeute*»).

Они осмелились *лишить Париж звания столицы*, тот Париж, который в течение 137 дней осады дал столько доказательств своего патриотизма и своей готовности к самопожертвованию!

Это уже слишком! Вслед за Гарибальди и Виктором Гюго, которые ушли, хлопнув дверью, от своих депутатских мандатов отказались Делеклюз, Бенуа Малон, Ранк, Радуа, Феликс Пиа, Рошфор, Курне, питая ребяческую надежду, что этот их жест приведет к роспуску Собрания

12 марта новый акт насилия: «*Journal officiel*» публикует декрет о запрещении шести парижских газет — «*Le Cri du peuple*» Жюля Валлеса, «*Le Vengeur*» Феликса Пиа, «*Le Mot d'ordre*» Рошфора, «*Le Pègre Duchêne*» Вермерша, «*La Bouche de fer*» Паскаля Груссе и «*La Caricature*» Пилотелля.

В тот же день военный суд выносит смертный приговор Бланки и Флурансу за их участие в событиях 31 октября. Осужденные заочно, они отвечают на приговоры заявлениями, которые с жадностью читаются на улицах.

«Те, — пишет Бланки, — кто не побоялся сдать врагу Париж, когда он имел нетронутый гарнизон, неразрушенные форты, стены без единой бреши, нашли людей, согласившихся приговорить нас к смертной казни... Люди — ничто, лишь принципы бессмертны... Да здравствует республика!»

Флуранс писал из Бельвиля, где он уже не считал нужным скрываться: «Путем долгого изучения судеб человечества я пришел к убеждению, что свобода укрепляется кровью мучеников».

15 марта Тьер прибыл в Париж и водворился на Кэ-д'Орсе. В тот же день 1325 делегатов, представляющих 215 батальонов, избрали Центральный комитет федерации национальной гвардии — 30 человек, из которых 13 спустя 11 дней были избраны в Коммуну. Бланкисты и члены Интернационала еще более укрепили в нем свои позиции. Из Временной комиссии, назначенной 15 февраля, один только Арнольд остался в Центральном комитете.

17 марта в Париже собрался совет министров. На нем присутствовали Винуа, д'Орель де Паладин, Шоппен, временно занимавший пост префекта полиции, и Жюль Ферри, мэр города.

«Там обсуждался,— сообщает Винуа¹,— вопрос о необходимости немедленного выступления, преследующего две главные цели: захват пушек, оружия и боеприпасов, которые присвоили и охраняют батальоны, преданные Центральному комитету, роспуск этого комитета и арест его членов».

Жюль Фавр вносит важное уточнение:

«Винуа предлагал начать борьбу, прекратив выплату жалованья национальной гвардии. Но мы сочли это средство более опасным нежели прямая провокация»².

Разве Бисмарк не советовал ему 27 января спровоцировать мятеж, чтобы раздавить оппозицию? И вот для «партии порядка» наступил подходящий момент устроить кровопускание.

Какая же «прямая провокация» могла быть более подходящей, чем попытка захватить пушки, которые принадлежали национальной гвардии по трем основаниям?

Они принадлежали ей потому, что она приобрела их на свои средства и на них были проставлены номера ее батальонов.

Они принадлежали ей потому, что по условиям перемирия национальную гвардию пришлось включить из общего плана разоружения.

Они принадлежали ей, наконец, и потому, что она спасла их в момент вступления пруссаков в Париж.

Национальная гвардия не видела в своих пушках наступательного оружия пролетарской революции. Этого у нее и в мыслях не было, об этом в тот момент не помышлял даже Карл Маркс и немногие французские марксисты. Но она ставила своей целью, поскольку устав вменял ей это в обязанность, «заботиться о сохранении оружия и предотвращать любую попытку, имеющую целью низвержение республики». Во всех афишах национальной гвардии мы обнаруживаем эту заботу о защите республики:

«Республика, — писал Дюваль, начальник XIII легиона, — выше права большинства, и, следовательно, никто не имеет права ставить вопрос о ней на обсуждение»¹.

Между тем бордоское Собрание, состоявшее преимущественно из монархистов, не провозгласило республики. Предлагая 18 февраля назначить Тьера «главой исполнительной власти», докладчик проекта дал ясно понять, что на республику согласились лишь как на временную меру. 10 марта, заключая с Собранием неписанный договор, так называемый «Бордоский пакт»², Тьер оставил открытым вопрос об окончательной форме государственного строя. Прошлые дела Тьера, его избрание по

¹ „Murailles politiques françaises“, t I, p. 994.

² Так стали называть соглашение о временном сохранении республиканского строя, заключенное правительством Тьера с монархистским большинством Национального собрания. С помощью этого маневра Тьер рассчитывал одновременно обеспечить себе поддержку депутатов-монархистов и не оттолкнуть от себя республиканские круги буржуазии.— *Прим. ред.*

¹ Vינוא, L'Armistice et la Commune, p. 207.

² Jules Favre, Simple récit, t. II, p. 209.

монархическим спискам, наличие монархистов в его кабинете министров, лишение Парижа звания столицы, назначение д'Орель де Палладина главнокомандующим национальной гвардии, назначение жандарма-бонапартиста Валантена префектом полиции, а генерала Винуа командующим армией — все это заставляло республиканцев опасаться неминуемого монархического переворота. В этих условиях пушки национальной гвардии являлись в глазах большинства парижан гарантией сохранения республики, находившейся под угрозой.

В действительности же, вступая в сговор с монархистами, Тьер старался для себя, для реакционной республики, главой которой он стал бы с тем большим основанием, что явился бы ее спасителем. Впоследствии он цинично признался, что 18 марта буржуазия спровоцировала народ.

«Этого требовали деловые круги:

«Вы не сможете приступить к финансовым операциям, пока не покончите со всеми этими преступниками, пока не отнимете у них пушек. Надо покончить с этим, и тогда можно будет заняться делами!»

Разоружить рабочий класс, ослабить его, учинив ему «кровопускание», и обеспечить таким образом классовое господство буржуазии — такова была задача, стоявшая перед Тьером.

Днем 17 марта мэр XVIII округа Жорж Клемансо явился в артиллерийский парк на Монмартрских высотах в сопровождении полковника Шельшера. Намечался компромисс². Адмирал Сессэ был обо всем осведомлен³. Значит, возможность для провокации вот-вот ускользнет от Тьера? Нет, ибо он спешит перейти в наступление.

¹ Показания перед Парламентской следственной комиссией (21 августа 1871 года).

² «Приемлемое решение, — пишет Лефрансе („Souvenirs d'un révolutionnaire“, р. 43) и добавляет: — Конфликт по этому поводу (из-за пушек), казался, был улажен».

³ Показания полковника Шельшера.

Совет министров, собравшийся в ночь с 17 на 18 марта, разработал и принял под руководством Тьера следующий план: приведя в действие всю парижскую армию, занять военными силами столицу, одним ударом разоружить национальную гвардию и арестовать всех членов Центрального комитета. На первом этапе намеченных операций четыре дивизиона должны были обеспечить контроль над Монмартрскими высотами, над высотами Бельвиля, Шомона, над предместьем Тамплль, площадью Бастилии и Люксембургским садом¹. В приказе о выстулении войск предписывалось расстреливать на месте тех национальных гвардейцев, которые будут оказывать сопротивление. Следующие за каждой колонной группы полицейских во главе с комиссарами полиции должны были начать аресты, главным образом в помещении Интернационала на улице Кордери².

Задуманная операция захватила врасплох Федеральный совет французских секций Интернационала. На последнем его собрании, 15 марта, говорилось преимущественно о пересмотре устава организации. Заслушали только сообщение Гулле³ относительно письма депутата Гамбона⁴, который просил у Интернационала совета, какой линии поведения придерживаться в связи с позицией Национального собрания. Тейс, председательствовавший на заседании Федерального совета, предложил пригласить депутатов Гамбона, Феликса Пиа, Бенуа Малона и Толена (два последних были членами Интернационала), чтобы обсудить этот вопрос с Федеральным советом 22 марта. Комбо предложил

¹ Vינוу, L'Armistice et la Commune, р. 411—417 (приказ о выстулении 18 марта 1871 года).

² Показания Шоппена, временно исполнявшего обязанности префекта полиции, перед следственной комиссией (т. II, стр. 117).

³ Анри Гулле — один из секретарей Федерального совета. — Прим. ред.

⁴ Шарль Гамбон — будущий член Коммуны, в которой он принадлежал к группе неоякобинцев. — Прим. ред.

пригласить также Мильера, Ранка, Тридона, Рошфора и Ланглуа. Оба эти предложения были приняты¹. Приглашение было отправлено 17 марта. «Мы будем счастливы,— писал Гулле Гамбону,— выслушать ваши слова, узнать, что вы считаете возможным и, наконец, как вы расцениваете нынешние события»².

Центральный комитет национальной гвардии также не был готов отразить атаку Винуа. Последнее общее собрание делегатов национальной гвардии (15 марта в Тиволи-Воксхолле) утвердило пока только 4 начальников легионов³ из 20, которых надо было назначить. Восемь округов еще не назначили своих официальных делегатов в Центральный комитет⁴. 17-го вечером один из уполномоченных V округа, Аллеман, получил от Центрального комитета письмо, в котором его заверяли, что «в данный момент опасаться нечего»⁵. Когда 18 марта, в половине четвертого утра, члены Центрального комитета расходились по домам, ничто еще не предвещало выступления, которое было решено правительством⁶. Что касается комитетов бдительности, то там тоже никто не замышлял восстания: Жюль Валлес спал сном праведника⁷.

Занимается заря 18 марта. Рано утром, проходя по улицам, рабочие останавливаются перед только что расклеенной афишей:

¹ „Les Séances officielles de l'Internationale à Paris“, p. 98.

² „Commission d'enquête sur l'insurrection du 18 mars“, t. III, p. 241.

³ Это были Дюваль (XIII округ), Анри (XIV округ), Фальто (XV округ) и Эд (XX округ).

⁴ I, II, VII, VIII, IX, XIII, XIV и XVII округа.

⁵ Jean Allemane, Des barricades au bagne, p. 14.

⁶ См. рассказ полковника Бурсье в книге Lissaga-ray, Histoire de la Commune, p. 494.

⁷ См. Jules Vallès, L'Insurgé, p. 223.

«Национальные гвардейцы Парижа!

Распространяются нелепые слухи, будто правительство готовит государственный переворот.

У правительства Республики нет и не может быть иной цели, кроме блага Республики. Меры, принятые им, были необходимы для поддержания порядка. Оно хотело и хочет покончить с повстанческим комитетом, члены которого, почти все неизвестные населению, представляют только коммунистические учения и готовы предать Париж разграблению и привести Францию к гибели, если национальная гвардия и армия не поднимутся, чтобы общими усилиями защитить Отечество и Республику.

Париж, 18 марта 1871 года.

А. Тьер, Дюфор, Э. Пикар, Жюль Фавр, Жюль Симон, Пуйе-Кертье, генерал Ле-Фло, адмирал Потюо, Ламбрехт, де Ларси».

Париж, проснувшийся от нарастающего топота шагающих солдат, неожиданно оказался, как замечает Карл Маркс, «перед альтернативой — либо принять вызов к борьбе, либо погибнуть без боя...»
« Поднимается занавес над трагедией Коммуны.

*Пиана, август 1957 года.
Париж, март 1960 года.*